

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК****Главный редактор:**

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н. Стрелецкий В.Н. (Москва)
д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

Международный редакционный совет:

Акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Вишневский А.Г. (Москва); д.г.н., проф. Гладкий А.В. (Украина); член-корр. РАН, д.г.н., проф. Добролюбов С.А. (Москва); д.г.н., проф. Зубаревич Н.В. (Москва); проф. Кришьяне З. (Латвия); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); член-корр. РАН, д.э.н., проф. Кузнецов А.В. (Москва); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Москва); проф. Лентц С. (Германия); проф. Мерфи А. (США); проф. Питт Ж.-Р. (Франция); д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д. (Пермь); д.э.н., проф. Швецов А.Н. (Москва)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); д.г.н., проф. Бабулин В.Л. (Москва); д.г.н., проф. Битюкова В.Р. (Москва); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Власова Н.Ю. (Екатеринбург); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.э.н., проф. Климанов В.В. (Москва); д.э.н., проф. Кузнецова О.В. (Москва); д.г.н., проф. Мажар Л.Ю. (Смоленск); к.г.н., доц. Наумов А.С. (Москва); д.г.н., проф. Пилясов А.Н. (Москва); д.г.н., проф. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Москва); д.г.н., доц. М.С. Савоскул (Москва); д.г.н. Тархов С.А. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н. Трейвиш А.И. (Москва); д.г.н., проф. Шупер В.А. (Москва)

Ученый секретарь редколлегии:

к.г.н. Яськова Т.И.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region_issled@mail.ru

Подписано в печать 29.06.2018
Формат 70х108¹/₁₆. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

Отпечатано:

Типография «Белый ветер»
г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru

ISSN 1994-5280

9 771994 528672 >

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

№ 2 (60), 2018**region_issled@mail.ru**

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL STUDIES

- Трейвиш А.И.** Мобильность населения и территориальных структур общества: сравнения, связи, сочетания 4
Treivish A.I. Mobility of population and territorial structures of society: comparisons, relations, combinations
- Наумов А.С.** Феномен фронта и сельскохозяйственные районы 13
Naumov A.S. Frontier phenomenon and agricultural regions

МЕТОДИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
METHODS OF REGIONAL RESEARCH

- Бабурин В.Л.** Подходы к оценке социально-экономической эффективности развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры в Сибири и на Дальнем Востоке 25
Baburin V.L. Approaches to the assessment of socio-economic efficiency of transport infrastructure development in Siberia and the Far East

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
REGIONAL RESEARCH OF POPULATION

- Эндрюшко А.А.** Масштабы и направления миграции молодежи Иркутской области (1989–2015 гг.) 32
Endryushko A.A. Scope and directions of youth migration of the Irkutsk region (1989–2015)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ
REGIONAL SOCIOLOGY

- Никишина Е.Н.** Региональные различия в предпочтениях населения на примере Индии, Китая, Южной Кореи, Японии 44
Nikishina E.N. Regional differences in population preferences in China, India, Japan, South Korea
- Токбулатова Ж.Е., Колосов В.А.** Образ Казахстана в России в зеркале общественного мнения 58
Tokbulatova Z.Y., Kolosov V.A. The image of Kazakhstan in Russia in public opinion

УРБАНИЗАЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ
URBANISATION AND URBAN GEOGRAPHY

- Махрова А.Г., Бабкин Р.А.** Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов 68
Makhrova A.G., Babkin R.A. Analysis of Moscow agglomeration settlement system pulsations based mobile operators data

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВА
REGIONAL PROBLEMS OF ECONOMIC DEVELOPMENT

- Безруков Л.А.** Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири) 79
Bezrukov L.A. Institutional factor of interregional imbalances in Russia (through the example of Siberia)
- Волощенко К.Ю., Федоров Г.М.** Перспективные направления институциональных изменений в сельском хозяйстве Калининградской области 89
Voloshenko K.Yu., Fedorov G.M. Perspective trends of institutional changes in the agriculture of Kaliningrad region

Запрудский И.И. Территориально-отраслевые сдвиги в промышленности Республики Беларусь в постсоветский период	101
Zaprudski I.I. Territorial and sectoral changes in the industry of Republic of Belarus over a post-soviet period	

Зимин А.Ф., Тимирьянова В.М. Типология регионов по их участию в пространственной организации регионального рынка потребительских товаров	111
Zimin A.F., Timiryanova V.M. Typology of regions on their participation in the spatial organization of the regional market of consumer goods	

ГЕОЭКОНОМИКА И ГЕОПОЛИТИКА GEOECONOMICS AND GEOPOLITICS

Вардомский Л.Б. Вопросы географии транзитных коммуникаций в странах ЕАЭС	120
Vardomskiy L.B. Questions of the geography of transit communications in the countries of the EAEU	

Шупер В.А. Транспортный фактор движения России на восток и формирования большой Евразии	131
Shuper V.A. Transport factor of Russia's movement to the east and the formation of the greater Eurasia	

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ABOUT AUTHORS	139
--	-----

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 910.1

Тревиш А.И. (Москва)

МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СТРУКТУР ОБЩЕСТВА: СРАВНЕНИЯ, СВЯЗИ, СОЧЕТАНИЯ¹

Treivish A.I.

MOBILITY OF POPULATION AND TERRITORIAL STRUCTURES OF SOCIETY: COMPARISONS, RELATIONS, COMBINATIONS

Аннотация. По многим признакам, географически мобильны как мигрирующие люди или движимые вещи, так и разного рода недвижимости, а также постоянные, привязанные к своим поселениям жители. Движения первых, обобщенно именуемые в статье потоками, и вторых, относимых к категории сдвигов, при всех различиях имеют немало общего. Это понимали и учитывали в своих построениях классики, но в «массе» указанные процессы обычно изучают раздельно. Статья пытается выявить причины разрыва, связанные со спецификой мобильности разных «сущностей», а затем сочетания и взаимосвязи потоков и сдвигов людей и вещей. Анализ в основном ведется теоретически с некоторыми примерами, расчетами и схемами в качестве иллюстраций. В заключение рассмотрены плюсы и минусы мобильности, отмечены ее издержки и ценность для человечества и для науки, более активная роль потоков в последние десятилетия, хотя эта тенденция может оказаться преходящей.

Abstract. On many grounds, migrating people or moving things as well as real estate and permanent residents tied to their settlements, are geographically mobile. The movements of the first, generally defined as flows in the article, and of the second, classified as shifts, have a lot in common in spite of all the difference. Classical thinkers understood it and took into account in their constructions, but in research practices these processes are normally studied separately. The article tries to reveal the causes of the gap associated with the specifics of mobility of different "entities", and then a combination and interrelation of flows and shifts of people and things. The analysis is mainly carried out theoretically, with some examples, calculations and graphs as illustrations. Finally, the pros and cons of mobility are examined, its costs and value for humanity and science are noted, along with the more active role of flows in recent decades, although this trend may be transient.

Ключевые слова: мобильность, миграция, население, территориальная структура, поток, сдвиг, движимость, недвижимость.

Key words: mobility, migration, population, territorial structure, flow, shift, movables, real estate.

Введение и постановка проблемы. Социальную географию и смежные науки с давних пор интересуют движения на земной поверхности. Движения кого и чего? Нас самих, наших идей и представлений, деятельности, ее продуктов и накоплений: товаров и услуг, предприятий, сооружений, поселений. А также линий, зон, ареалов, районов, стран. Они тоже мобильны, то есть подвижны, спо-

собны к миграции. Речь идет о движениях географических, а не тех, которые меняют позиции акторов в условных пространствах отношений, институтов и т.п.² Миграцию населения часто относят к горизонтальной социальной мобильности, меняющей место постоянного или временного жительства, работы, семьи внутри одного слоя общества. Но она может сочетаться и с восходящей,

¹ Статья выполнена в Институте географии РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме».

² Например, социальных у Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Т. Парсонса, П. Бурдьё, А. Филиппова (подробнее см. [8]). Заметим, что слово «пространство» используют в переносном, метафорическом значении (пространство смыслов, оно же семантическое, или коммуникативное внутри коллектива) чаще, чем «время», а то и вместо него (пространство истории, событий как таковых, безо всякой географии).

либо нисходящей вертикальной мобильностью. В то же время любая из ее социальных форм, строго говоря, не требует перемещения в геопространстве.

У мобильности людей и вещей, слагающих территориальные структуры, географы-теоретики находили общие черты. Так, Л.С. Берг и В.П. Семенов-Тянь-Шанский главным геопроцессом называли распространение по лику Земли предметов и явлений: от гор и рек до обычаев и сказок. «Размещения предметов и существ» происходят от их «пассивных перемещений и активных передвижений»: равномерных и неравномерных, скользящих и укореняющихся, прямо- и криволинейных, сходящихся или расходящихся и др. [7, с. 59–60]. В. Бунге [4, с. 119] остоном теоретической географии считал теории перемещений и центральных мест, хотя первая, по его мнению, менее развита и ограничена сферой расселения. Вслед за Э. Ульманом он писал, что нельзя не упоминать о движении, изучая положение объектов, даже таких «статичных», как горы и побережья, на их теперешних местах. Почти то же провозглашал пространственно-временной подход Т. Хегерстранда (см., напр., [10]). Э.Б. Алаев [1, с. 89] перемещения полагал, как правило, безвозвратными хотя бы за период наблюдения и связывал их со структурными и функциональными изменениями в местах «выхода» и «входа».

Вопреки призывам теоретиков, мобильность людей и образуемых ими на Земле структур исследуют чаще порознь, чем вместе. Даже без наукометрических аргументов это утверждение вряд ли вызовет серьезные сомнения. Работ, где потоки мигрантов, товаров и т.д. изучаются в тесной увязке с динамикой мест их входа, выхода и транзита, немного (постоянство мест при анализе потоков методически удобнее). А когда нам важнее дислокация объектов, то часто бывает не до коммуникаций. Исключение – резкие геополитические сдвиги: меняя разом карту мира и картину отношений государств, они диктуют их совместное рассмотрение. Встречается такое и в комплексных описаниях территорий, но тоже довольно редко.

Если признать, что означенный разрыв имеет место, сразу возникнет вопрос о его причинах и возможностях преодоления. Он ставится в данной статье, хотя автор заранее знает, что ответы будут относительными и неокончатель-

ными. Подобные темы время от времени все равно надо обсуждать и «освежать».

Сравнение потоков и сдвигов. Наиболее вероятная причина раздельного анализа двух групп процессов состоит в их разной природе. Миграции людей, знаний, капиталов и товаров можно отнести к категории потоков, а мобильность территориальных объектов, структур и функций ближе к категории сдвигов. Их специфика отражена в специальных словарях, но не всегда или неполно.

У Э.Б. Алаева [1] «потока» нет. Более свежий словарь под редакцией А.П. Горкина [9, с. 276] содержит статью С.А. Тархова о транспортном потоке – направленном движении большой массы грузов или пассажиров по какому-либо пути, маршруту. Механика жидкостей и газов тоже отделяет потоки от турбулентных и континуальных (внетрассовых, чаще малых) перемещений. А вот общий физический подход считает потоком любое количество вещества или энергии, проносимое через некую площадь в единицу времени, размывая грань между потоком и «не-потоком». Их частицы (люди, товарные, денежные единицы и др.) могут разом двигаться в разных направлениях, в том числе встречных и поперечных. Так, Б.Б. Родоман [6, с. 110–112] выделил в узловом районе потоки трех типов: собирающие, распределяющие и обменные, когда основной поток дополняет (компенсирует) противоположный по направлению. Магистрализации, слиянию «струек» в мощное русло это не противоречит. Их можно считать частным, хотя и содержательно важным случаем потока вообще.

«Сдвиг» в системе понятий и терминов Э.Б. Алаева [1, с. 202] занял место между распространением, размещением производительных сил, их развитием и ростом с одной стороны и миграцией, переселением людей – с другой. К сдвигам отнесены изменения, которые меняют порядок объектов наблюдения (таксонов, поселений), ранжируемых по интенсивности признака. По обилию перестановок объектов с его низкими и высокими значениями Алаев предложил делить сдвиги на ординарные и кардинальные, а изменение пропорций не территориальных структур (отраслевых и др.) – называть «перестройкой». А.П. Горкин [9, с. 223] сдвиг в географии промышленности определил как относительно кратковременное изменение ее

территориальной структуры, чаще на нижних масштабных уровнях, под действием экзогенных факторов (кризисов) и хозяйственных решений: ввода в строй и закрытия крупных объектов, банкротств и слияний, внешнеэкономических соглашений. Две разные и небесспорные трактовки роднит отнесение к сдвигам перемен в территориальных структурах.

Практика словоупотребления еще шире. Сплошь и рядом сдвигами мы называем не только ранговые перестановки или скоротечные подвижки, а любые изменения своих объектов, их форм, размеров, качеств, функций, образов. Ни следа хотя бы относительной строгости геологии, считающей сдвигами в основном горизонтальные смещения одних пород относительно других. Впрочем, «наши» сдвиги – те же смещения и наравне с потоками отражают подвижность географической «материи».

Все ее виды обнимает философская категория движения как всякого изменения, превращения, развития. Близко нам и механическое движение, то есть смена с течением времени положений тел (объектов, систем) в пространстве. Другое дело, что такая смена в сдвигах сродни территориальному развитию и отличается от смещения частиц в потоках, отражающих, скорее, функционирование общества. Оба вида движения обладают такими свойствами, как скорость, направление, интенсивность, устойчивость, ритм. Это отмечали классики, сближавшие представления о процессах, названных здесь потоками и сдвигами. Но значения параметров скорости, интенсивности (частоты) и др. могут систематически и сильно различаться.

В потоках движутся единичные объекты, меньшие по весу и габаритам, чем те, по которым мы судим о сдвигах. Последние часто привязаны к земле и весьма красноречиво именуются недвижимыми³. Их путешествия – переносы зданий, сооружений, целых поселков – редки, медленны и дороги. Однако сдвиг возможен и в форме приращения недвижимых активов в одних местах за счет других, где земли и постройки пустуют, ветшают, дешевеют, в конце концов делаясь призрачными. Это меняет территориальные пропорции куда чаще, чем прямые переносы «недвижимостей», и, хотя времени требуется больше, такие сдвиги бывают мощными и направленными как потоки.

«Движимости» тоже разные. Пассажира везут быстрее, чем условно равные его весу с багажом 100 кг груза. Перевозка тут стоит дороже, хотя тариф зависит от вида транспорта, дистанции, направления. В свою очередь, любой транспорт уступает по скорости и дешевизне связи, передаче информации, компактности и мобильности которой росли по мере отделения от человека-гонца как эксклюзивного носителя.

Вряд ли вполне корректны сопоставления единичных, а не общих масс, объемов потоков и сдвигов. Только вторые трудно исчислить, да и с первыми есть проблемы. Мы знаем, конечно, что не все жители движутся между странами, районами, поселениями и даже внутри них: кто-то прикован к дому, например, по болезни. Из любого места во внешний мир поступают не все производимые там товары, услуги, новости. Это вроде бы подтверждает гипотезу о меньшем размахе сдвигов, чем потоков, тем более что число жителей еще не говорит о сдвигах в расселении, а малоподвижность одних лиц может с лихвой перекрываться гипермобильностью других.

Частота перемещений в общем случае убывает с их расстоянием, длительностью и необратимостью во всех географических масштабах. Так, международных мигрантов на ПМЖ в 2017 г. числилось 258 млн, или 3,4% мирового населения, причем это цифра не за год, а с учетом всех рожденных вне страны текущего проживания, сменивших ее хотя бы раз в жизни [15]. В том же году число международных туристов, по данным ЮНВТО, превысило 1,3 млрд. Не все их поездки, строго говоря, туристические, зато почти все возвратно-циркулярные. Внутри стран межселенных передвижений, включая трудовые и бытовые, намного больше. Сколько – неизвестно, возможно, не меньше числа земель.

Делая в день скромные 10 км по дороге на работу, еще куда-то и назад, можно за 30 лет накопить 100000 км суммарного пути, словно обогнув 2–3 раза экватор. Потому и в глобально «проницаемом» мире мобильность выше в местах скопления ее носителей. В таблице 1 приведены наши оценки для одного такого места, Москвы, на 2012–2013 гг. в среднем (подробнее см. [11]). Мигрантов всех типов здесь больше, чем статистического населения, причем

³ Или имобильными, то есть такими, перемещение которых, согласно Гражданскому кодексу РФ (ст. 130), без несоразмерного ущерба их назначению невозможно.

Таблица 1

Примерные расчетные параметры ежегодной мобильности населения в Москве

Категория	Число участников, млн чел.	Среднее число поездок*	Всего поездок, млн	Средняя дистанция поездки, км*	Суммарно на 1 участника, тыс. км**
Мигранты на ПМЖ	0,3	1	0,3	1900	1,9
Комьютеры	1,0	230	230	55	25,3
Отходники	1,5	20	30	900	36,0
Гастарбайтеры	1,5	3	4,5	2500	15,0
Дачники	5	25	125	90	4,5
Прочие***	5	4	20	500	4,0
Итого	14,3	28,7	410	177,4	86,7

Составлено автором по различным данным и оценкам

* За год в одну сторону

** За год в одну сторону (безвозвратные мигранты) или в обе (возвратные)

*** Туристические, деловые, гостевые визиты (без учета транзитных пассажиров).

переезды на ПМЖ в общем потоке – капля в море. Чаще всех границы Москвы пересекает маятниковый мигрант–комьютер, дальше всех ездит иностранец–гастарбайтер, а общий годовой километраж больше у отходника–россиянина. Исходные числа (допущения) можно оспорить, но валовые величины внушительны в любом случае. При таких масштабах потоки, обычно чуткие к внешним импульсам и конъюнктуре, приобретают немалую инерцию.

Характерное время территориальных сдвигов кажется иным. Население мегаполиса за год не сменится, он не переедет на солидное расстояние. Все же до вынесения вердикта обратим внимание на специфику сдвигов. Если измерять их дрейфом административных и политических границ, то они окажутся «редкими, да едкими», как расширение Москвы в 2,4 раза за счет новых территорий в 2011–2012 гг. (формально в один день, с 1.07.2012). И не такая уж это редкость. Подобные события за последние 115 лет случались со столицей в среднем каждые 12 лет, радикальные – через 24 года. В ряду таких сдвигов находятся распады и рождения государств, перекройки их границ, переносы столиц.

Движение функциональных, «реальных» районов легко признать более плавным и постоянным. Вот только всегда ли? И стоит ли за плавностью медлительность? Ответы далеко не очевидны. Вспомним промышленно-географические сдвиги по А.П. Горкину, вызываемые бумами или кризисами, появлением и ликвидацией предприятий и отраслей, в том числе «кормящих» места своей локализации. Они не появятся на карте

и не исчезнут вдруг, но их состояние и реноме могут быстро меняться. Добавим сюда конфликты, вплоть до вооруженных, стихийные бедствия и катастрофы, эксцессы рыночной конкуренции, санкции, блокады. Все они генерируют потоки и сдвиги разной силы, длительности и географического охвата.

Менее быстрые, но радикальные, тектонические (популярная метафора) сдвиги случаются и без форс-мажоров. Их отсутствие полезно для роста. Подъем экономики КНР по рельсам индустриализации вывел ее за 30–40 лет со дна первой десятки стран на 1-е место по ВВП с учетом ППС и 2-е в номинальном объеме. А начался он после череды потрясений. Китай воспользовался периодом своей стабильности на фоне усиления глобальной мобильности капиталов и технологий. Рост материальных и людских потоков (даже при жестких ограничениях внутренней мобильности граждан) сопровождал этот взлет в виде то мотора, то следствия. Кстати, успех способствует быстрому повышению самооценки, тогда как провалы национальное сознание часто пытается игнорировать, цепляясь за прошлое.

Итак, при всех различиях между потоками и сдвигами по целому ряду признаков, у них есть общее. Оно коренится не только в близости всех форм движения на философском уровне, но и в единстве пространственного плацдарма земных процессов, в их связях на географическом уровне. Перейдем к собственно связи мобильности людей и мало или условно подвижных вещей, из которых в значительной мере слагаются территориально-общественные структуры и среда нашего бытия.

Люди и вещи: мобильные взаимодействия. Люди и вещи – любимая пара Ф. Броделя. Этими словами он назвал второй том своей книги о Франции [2] и начал труд о материальной цивилизации, экономике и капитализме: «Материальная жизнь – это люди и вещи, вещи и люди» [3, с. 41]. Вещи движимые: пища, одежда, орудия, деньги. Или нет: жилища, «планы» (по смыслу – скорее земли, застройка) сел и городов. По Броделю, количество людей и вещей разделяет мир, организует его, придает каждому массиву живущих на земле его удельный вес. Он изучал эту пару во взаимодействии и с учетом мобильности.

Взаимодействие формируют цепочки прямых и обратных связей, положительных или отрицательных. Каковы они в данном случае?

Начнем с положительной обратной связи, когда потоки людей и движимых вещей между территориальными объектами ведут к их росту, а он, в свою очередь, усиливает потоки. Представим пару узлов, средоточий людей и вещей с обменным потоком, который растет вместе с узлами (рис. 1). Рост требует ресурсов, включая людские, город же растет не из «самого себя», а на внешних связях [5]. Точнее, внутренних источников вроде естественного прироста, как и парного взаимообмена, мало, нужна подпитка окружением. Вероятно появление спутников узлов и транзитных центров между ними, хотя только на обслуживании потока они не достигнут больших размеров. Таковы многие пункты в российском межстоличье, на путях из Москвы в Санкт-Петербург.

Для узлов и центров игра до поры все-таки идет с положительной суммой, чего не скажешь о глубинных донорах людских и прочих ресурсов. Обмен с ними иногда бывает двусторонним (на схеме это тоже показано), но чаще сводится к выкачиванию населения и жизни, деградации, запустению. В таких случаях связь уже отрицательная: чем активнее поток, тем негативнее сдвиг (упадок) отдающей стороны.

Игру с общенулевой и малой суммой ведут узлы-конкуренты, особенно на фоне внешних ударов по одному из них или ослабления его подпитки. Сдвиги в пользу другого узла создают асимметрию «гантельной системы», как на рисунке 2 (обмены с периферией для простоты сняты). Возьмем опять Москву и Петербург. В ходе истории баланс между ними менялся при реверсиях столичного статуса, усиленных бедами 1812 и 1941–1943 гг.: взятием и пожаром Москвы, блокадой Ленинграда. Официально Москва теперь крупнее по людности в 2,3 раза, что близко к пропорции 1730-х гг., когда новую столицу на Балтике поднимали отчасти за счет старой и других городов. Московская агломерация многолюднее Петербургской в 2,6–2,7 раза и тянется по многим направлениям, включая встречное. А связи столиц крепнут благодаря прогрессу сообщений, коммуникационному сближению, сжатию расстояния – имплозии по П. Хаггету [14, с. 281–282].

Понятно, что «русла» потоков закрепляет инфраструктура магистралей, морских портов, аэропортов, воздушных коридоров.

Направления потоков и сдвигов при любом знаке связи могут быть разными, в том числе не встречно-притягивающими, а оппозитивными и отталкивающими, например, если фронтальная миграция оттесняет прежних жителей. Об этом говорит история Косова. Славяне, наводняя Балканы в VI–VII вв., изгоняли либо подчиняли себе греко-романо-иллирийское население. Османское нашествие и попытки борьбы с ним при поддержке венгров и австрийцев обернулись в XVII–XVIII вв. бегством (великим переселением) сербов на север, где они теснили венгров. В Косово же двинулись албанцы, принимавшие тогда ислам, но к XX в. еще не составившие там и половины жителей. Затем их изгоняла и «приручала» Югославия. Для нее все кончилось плохо; сербов в полупризнанном миром Косове сегодня около 5%. Это не редкость. Так, буры Капской колонии,

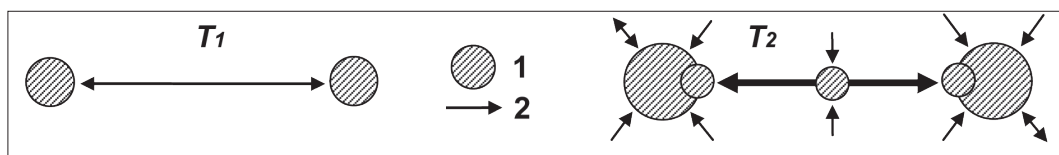

Рис. 1. Схема-картоид положительной обратной связи

1 – узлы и центры; 2 – людские, материальные, информационные потоки; величина пунсонов и толщина линий соответствуют условным размерам центров и потоков. T_1 , T_2 – последовательные стадии (моменты времени)

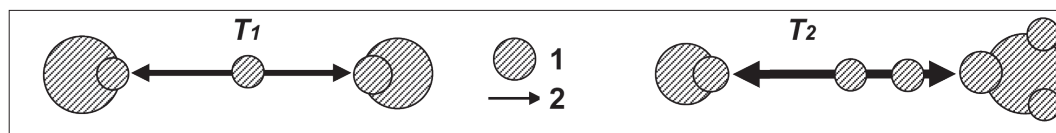
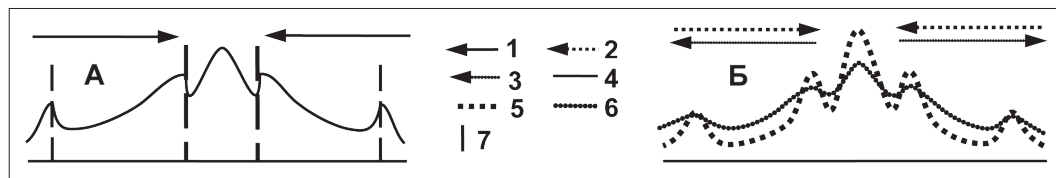

Рис. 2. Схема-картоид односторонней отрицательной обратной связи

Обозначения см. на рис. 1

Рис. 3. Центро-периферийные миграции и их результаты
в виде разрезов условного профиля населения (деятельности)

Миграции: 1 – переселения на ПМЖ, 2 – временные трудовые, 3 – временные дачные, рекреационные (стрелки указывают направление «туда»). Линии профиля населения: 4 – постоянного, 5 – наличного в зимние будни, 6 – наличного в летние выходные; 7 – границы-барьеры разной высоты (жесткости)

истреблявшие и угнетавшие местные этносы с XVII в., в 1835–1845 гг. решились на «великий трек», чтобы уйти от англичан после отмены ими рабства за реки Оранжевую и Вааль, где их позже все равно достала Британская империя.

Такие цепочки миграций зовут ступенчатыми или замещающими. В приведенных примерах их следствия в основном культурно-политические. Но могут быть и социально-экономическими, демографическими, а сами миграции – переселенческими и регулярно-возвратными. Работников, едущих в Москву из Подмосковья, часто замещают трудовые мигранты, в том числе маятниковые, из ближних районов соседних областей, поскольку перепад в оплате труда заметен и на этом рубеже. Если же центростремительные потоки встречают преграды на административных и политических границах, то оседают снаружи как аккумулятивные формы рельефа наподобие дюн (рис. 3А). Речь идет о постоянном населении и вещественных признаках его закрепления, тогда как временное – движется, пульсирует в определенном ритме, то усиливая неровности статистического рельефа, то сглаживая их (рис. 3Б).

Встречные потоки не обязательно следуют оси центр-периферия и тем мотивам, что указаны на рисунке 3Б. В «дорогую» Швейцарию граждане стран-соседей ездят на заработки, а швейцарцы к ним – за покупками. Американцы бегут в Мексику, навстречу легальным и нелегальным мигрантам, когда

они не в ладах с законом и властями Штатов, в поисках убежища, тихой гавани или веселой жизни.

Потоки людей и вещей могут стыковаться, не будучи параллельными. Примером служат свободные экономические зоны (СЭЗ) Китая, которым он обязан как стартерам своего бума с конца 1970-х гг. Первые СЭЗ были рассчитаны на капиталы, технологии, бизнес-опыт, сети мировых связей «других китаев» и китайцев-хуацяо, о чем говорит их размещение. СЭЗ Шэньчжэнь – сосед Гонконга-Сянган, Чжухай – «игорного» Макао-Аомыня. Сямынь (Сямэнь) – визави Тайваня через пролив. Еще одна старая СЭЗ Шаньтоу, ранее известная как эмиграционный порт, стоит на том же берегу южнее. Они привлекли хуацяо и затем представителей Запада как носителей инноваций, создателей предприятий, реже как иммигрантов (репатриантов). В миллионные города СЭЗ выросли благодаря притоку граждан КНР из ближних и дальних мест. Эти потоки тут встретились, дав нужный эффект. Отчасти он исчерпан; почти все побережье, не только южное, стало экономически активным, но это уже другая история.

Направления обменных потоков может менять, отклоняя от прежних, появление в стороне нового полюса роста и центра притяжения. Схема (рис. 4) рисует 8 территорий, стран или районов, многие из которых, но не все, связаны взаимным обменом. Вначале он наиболее внушителен у соседей А и В, хотя почему-либо (почему именно,

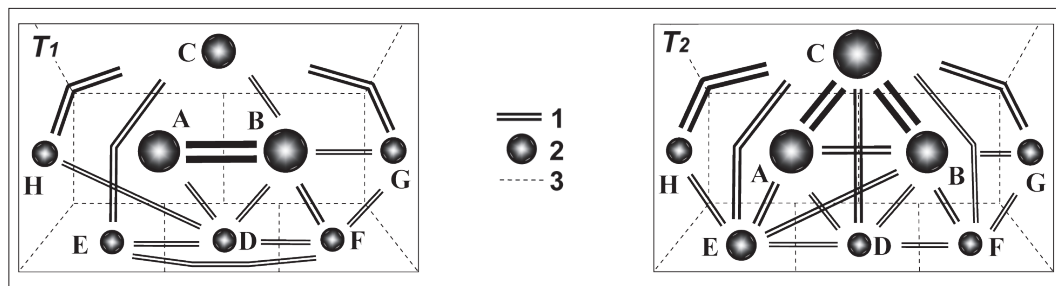

Рис. 4. Пример перестройки обменных потоков между территориями (A–G)

1 – двусторонние потоки, 2 – суммарный обмен территории (размеры знаков соответствуют масштабам связей); 3 – границы территорий; T_1 , T_2 – последовательные стадии (моменты времени)

здесь неважно) А не имеет связи с С, а у В она слаба. Со временем картина меняется, и главный сдвиг – быстрый рост единицы С, куда теперь устремлены обмены А и В при их резком взаимном охлаждении (причины тоже опустим). Перестраиваются и остальные связи, особенно в направлении той же С, лидера в рассматриваемой области. На практике переориентация на новых партнеров, особенно по мотивам политического свойства, порой географически «нестественна», как разрыв Кубы с США после революции 1959 г. и ее «уход» к далеким СССР, КНР и их союзникам.

При наличии интереса и данных для каждой пары территорий можно исчислить степень их взаимосвязанности или использования потенциала бинарной связи. На этот счет давно предлагался ряд показателей, например, такого вида:

$$I_{A-B} = \frac{t_{A-B} : (T_A + T_B)}{(T_A + T_B) : \sum T},$$

где I_{A-B} – индекс интенсивности обмена между единицами А и В, t_{A-B} – обмен между А и В, T_A и T_B – общий обмен А и В со всеми партнерами каждой, $\sum T$ – сумма парных обменов во всей рассматриваемой совокупности единиц.

Подставляя в формулу значения, которым соответствуют размеры знаков на схеме 4, находим, что интенсивность обмена у пары А–В в момент T_1 приближалась к 0,9: этот оборот почти исчерпывал объем, заложенный абсолютным и относительным (в заданных рамках) потенциалом А и В.

В момент T_2 интенсивность упала до 0,2 из-за отклонения связей обоих партнеров в пользу третьего – С. Вряд ли надо пояснять, что обмен здесь может быть любым: поездками людей, их дистанционным общением, материально-вещественными потоками. Очевидно также, что изменение пропорций территориальных единиц в рассмотренном аспекте бывает следствием сдвигов в уровне как их собственно внешней активности (в пределе – изоляции либо выхода из нее), так и общего развития, динамики демоэкономической массы.

Правомерен ли сам последний термин? Миграции людей (в любом смысле) и сдвиги в их расселении отличаются от экономических процессов и величин, не идентичны по источникам и результатам, по-разному измеряются. Но массы населения и хозяйства в целом сопряжены теснее, чем они же и, например, «земельные массы» (англ. *landmass*). По нашим данным на середину 2010-х гг., коэффициент линейной корреляции между числом жителей и объемом ВВП/ППС почти 200 стран и территорий составлял 0,87. С их площадью эти показатели коррелируют слабее (0,4–0,55), и теснота связи десятилетиями слабеет, а между населением и валовым продуктом она усиливается, во многом благодаря экономическому росту Китая, Индии, ряда других многочисленных стран. Судя по всему, дело обстоит примерно так же на более низких уровнях территориальных структур, хотя бывают случаи расхождения, связанные с межатраслевыми и межрайонными различиями в производительности труда⁴.

⁴ К отраслям пониженной трудоемкости относятся многие добывающие, где к тому же широко применяются вахтовые методы. Они снижают требования к заселению и обустройству ресурсных районов, полностью от них не избавляя. А вообще говоря, разнонаправленные территориальные сдвиги в хозяйстве и расселении при любой специализации возможны как временные или как исключения из правила.

Человек все же остается главной производительной силой и (что в «обществе изобилия» еще важнее) конечным потребителем основной части производимого. Поэтому представление о географии и сдвигах демоэкономических масс не лишено смысла. В то же время по мере завершения демографического перехода отношение их мобильности и нашей собственной, человеческой, меняется.

Сдвиги в расселении, межрайонные и «межэтажные» не прекращаются, но все же постепенно затухают, о чем говорят конкретные наблюдения и эволюционные теории. Центростремительные и центробежные миграции чаще чередуются или даже сочетаются в одном месте в одно время, отчасти балансируя друг друга [16, 17 и др.]. Но относительная устойчивость сети расселения не снижает мобильности людей. Она как раз нарастает, о чем еще в 1971 г. предупреждал американский географ В. Зелински, автор гипотезы так называемого мобильного перехода [18]. По аналогии с демографическим переходом, схемой стадий естественного движения населения, она объясняла смену «сидячей» жизни в традиционном обществе мобильной в обществе модерна и, как мы теперь знаем, постмодерна, «сверхразвитого социума» по Зелински. Он также сулил рост различных возвратных потоков, особенно межгородских. В XXI в. дело дошло до особой социологии мобильности и гипермобильности «постсоциетальной эпохи» Дж. Урри [13]. Кстати, этому социологу, в отличие от многих иных, важна мобильность в геопространстве, как физическая, так и воображаемая, виртуальная на базе информационно-коммуникационных технологий и масс медиа.

Плюсы и минусы мобильности (расширенное заключение). Местами Урри все-таки преувеличивает. Физическую мобильность ограничивают политические барьеры, возраст, здоровье, достаток. А виртуальная – нередко искажает реальность, чем тоже лимитирует миграции. Потоки быстро реагируют на сдвиги в мире вещей и событий. Стоит где-то грянуть войне, теракту, репрессиям, извержениям, наводнениям с жертвами, как приток туда станет оттоком, или отток усилится, или произойдет спад всего оборота (скажем, у бывшего рая для туристов). Но когда «гром стихает», все восстанавливается.

Фундаментальнее иная причина «переходов» с мобильностью: ее социо-культурно-политические издержки на многих уровнях: от международного до локально-городского. Де-глобализационные тренды недавних лет – возможно, признаки большого всемирного цикла данного рода – отмечаются на разных полюсах, где-то в связи с протестами по поводу утечки мозгов, выкачивания ресурсов и несправедливого обмена, а где-то под лозунгами типа «понаехали тут». Итог – новые холодные и горячие войны, торговые, миграционные и другие барьеры, изоляции и самоизоляции.

Как бы все это ни расплзалось по свету, стратегически будущее, наверное, все равно за мобильностью. Когда-то миграции создали Ойкумену в ее нынешнем масштабе и целый ряд стран, именуемых страноведами переселенческими. А еще более убиквитетные и полимасштабные сельско-городские потоки – урбанистический мир. Если бы не самые древние миграции, вид *Homo sapiens* остался бы где-то в Африке. Однако его растекание по планете вылилось в долгое разобщение народов и культур. Спустя тысячи лет мир переоткрывали и переосваивали. При этом ключевую роль играли возвратные движения. В противном случае великие путешествия имели бы мало смысла, приводя лишь к микроинтрузиям технических, культурных и прочих новаций, малозначимым для мест их выхода и входа, как, например, при открытии Америки викингами в X–XI вв. Если мы не хотим повторять тот же путь с начала, нам придется признать одной из важных и ценных дефиниций современного человека такую, как *Homo mobilis*.

Сдвиги в его расселении и сопряженные вещественные, по которым мы судим об освоении территории, тоже бывают поступательными и возвратными (попятными). Их волны, чередования и сочетания в том или ином виде и ритме создают эффект пульсации территориальных структур, их растяжения и сжатия. При этом циркуляция потоков играет все большую роль в компенсации потерь, «реконкисте» покинутых старых земель с их природой, культурой, остаточной инфраструктурой. В таких странах, как Россия, вопрос об их судьбе – по сути, первый для знания и стратегий пространственного развития.

А реальных решений мало. Между тем одно у всех на виду, хотя его почти не видят

многие специалисты, не говоря об управленцах и «стратегах». Это дачное движение, судя по всему, самое мощное в мире, ставшее в ряд с немногими социальными брендами страны и охватившее территории от ближних пригородов до дальних сельских глубин, пораженных депопуляцией. Типично возвратная волна, она не повторяет промысловых, аграрных, индустриальных волн освоения тех же мест географически, экономически и технически, чего не бывает вообще. Зато часто проникает в уголки, не интересные больше никому. Это волна массовая, доступная почти всем слоям граждан в силу разнообразия типов дач, их цен, расположений. Крупных государственных и корпоративных затрат она не требует: их люди в основном несут сами. А вложения в обустройство мест под дачи и вокруг них быстро отзываются притоком дачников, поддержанием хотя бы такой формы освоенности и социального контроля территории. Здесь есть свои теневые стороны, но это не повод игнорировать само явление [12 и др.].

Итак, разрыв в изучении потоков и сдвигов, которого нет у теоретиков-классиков, но который существует в исследовательской практике, преодолим. При этом основная

роль, кажется, переходит к потокам, мобильности движимых вещей и человека. Она ценна для него тем, что расширяет возможности выбора (а он продолжает искать «где лучше», и это неистребимо), потребления им пространства, коррекции ошибок пространственного поведения, уже не таких фатальных, как встарь. Условием является свобода передвижений вообще и возвратных в частности.

В свою очередь, это меняет сдвиги, требуя пересмотра подходов к их изучению. Не только потому, что перестраиваются, смещаются, «ползут» недвижимые компоненты территориальных структур, но и в силу того, что они, наполняемые разными людьми по-разному в разное время, приобретают такие свойства, которые мы не всегда умеем или не привыкли замечать и изучать. А ведь надо. Простой пример. Один и тот же квартал, город, район с постоянным «коренным» населением и с временным пришлым – это разные объекты, ландшафты, среды. Различия выявляются научными методами, наблюдаются визуально, ощущаются другими органами чувств, получая ту или иную народную оценку.

И все это – география, ее предмет, проблемы и задачи, ее ценности.

Библиографический список

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
2. Бродель Ф. Что такое Франция? Пер. с фр. Книга вторая: Люди и вещи. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 405 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Пер. с фр. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 623 с.
4. Бунге В. Теоретическая география. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1967. 279 с.
5. Маергойз И.М. К экономико-географическому изучению городов // Вопросы географии. Сб. 38. География городов. М.: Географгиз, 1956. С. 5–26.
6. Родман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
7. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. М.–Л.: Гос. изд-во. 1928. 311 с.
8. Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия РАН. Сер. геогр. 2016. № 4. С. 7–19.
9. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
10. Старикова А.В., Трейвиш А.И. Время, место и мобильность: эволюция хроногеографии // Региональные исследования. 2017. № 3 (57). С. 13–22.
11. Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 1. С. 52–70.
12. Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 22–32.
13. Урри Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. Пер. с англ. М.: Высшая школа экономики, 2012. 336 с.
14. Хэггет П. География: синтез современных знаний. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1979. 684 с.
15. Щербакова Е. Международная миграция, 2017 // Демоскоп Weekly. № 753–754, 18–31 декабря 2017. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/barom01.php>
16. Berry B.J.L. The Clocks That Time Development. Texas A&M. University, 1988.
17. Geyer H.S., Kontuly T. A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // International Regional Science Review. 1993. Vol. 15. № 3. P. 157–177.
18. Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition // Geographical Review. 1971. № 6. P. 219–249.

ФЕНОМЕН ФРОНТИРА И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАЙОНЫ

Naumov A.S. (Moscow)

FRONTIER PHENOMENON AND AGRICULTURAL REGIONS

Аннотация. В статье рассмотрены особенности развития сельскохозяйственных районов, которые сформировались в разных странах в процессе колонизации новых земель. Экономике этих районов отличают черты, обусловленные спецификой фронтального развития агропроизводства: крупноконтурностью, изменчивостью специализации, пульсацией границ, кластеризацией районообразующих предприятий АПК. Показано, что развитие сельскохозяйственных районов в зонах фронта в значительной степени определяется институциональным фактором и подвержено влиянию экстерналий. Рассматриваются также геоэкологические аспекты фронтального развития сельского хозяйства, отмечена его связь с глобальными изменениями климата. Представлен обзор классических и новейших научных трудов, посвящённых экономическим, социальным и географическим особенностям сельскохозяйственных районов, возникших в зонах фронта в разное время – от раздачи гомстедов в США в XIX в. до освоения саванн-серраду в Бразилии в конце XX – начале XXI вв.

Abstract. The article describes features of development of agricultural regions formed in different countries in the process of colonization of new areas. The economy of these regions stands out by properties, caused by specificity of the 'frontier type' of agricultural development, e.g. large area, variability of specialization, pulsating boundaries, clusterisation of basic agri-industrial enterprises. As shown, development of agricultural regions in frontier zones is mostly determined by the institutional driving forces, and strongly depends on externalities. The author also addresses environmental aspects of the 'frontier type' of agricultural development, stressing its linkages with global climate change. The article contains review of classic and modern writings on economic, social and geographical characteristics of agricultural regions, which have emerged in the zones of frontier in different periods of time, starting from The Homestead Acts of the 19th century in the USA and ending with colonization of Brazilian cerrado in the end of the 20th – beginning of the 21st centuries.

Ключевые слова: Фронтальное развитие, социально-экономические и экологические проблемы сельскохозяйственной колонизации, районы пионерного освоения.

Keywords: Frontier development, social-economic and environmental issues of agricultural colonization, pioneer regions.

Введение и постановка проблемы. Тезис фронта (англ. – *the thesis of frontier*), в соответствии с которым ключевую роль в политическом и экономическом развитии США сыграло широкомасштабное освоение территории, был сформулирован Ф. Тёрнером в 1893 г. [49]. Вслед за ним термин «фронт», под которым понимается процесс нового освоения и его результат – появление обширных зон с отличными от староосвоенных районов чертами хозяйства и общества, стал широко использоваться историками, социологами, экономистами и географами не только в США, но и в других странах.

Едва ли не главным предметом исследований феномена фронта является сельскохозяйственная колонизация. Экстенсивное развитие сельского хозяйства стало универсальным явлением в условиях формирования глобального рынка и не утратило своего значения в наше время. Оно охватило как территории «переселенческого» развития капитализма, так и СССР. Таким образом, речь идёт о специфическом сценарии регионального

развития, характерном как для капиталистической, так и для социалистической экономики. Сопоставление крупнейших колонизационных кампаний от освоения американского Среднего Запада до не закончившегося ещё освоения тропических саванн Южной Америки показывает, что возникающие на вновь освоенных землях сельскохозяйственные районы отличаются рядом особенностей. В данной статье мы ставим целью выявить эти особенности, опираясь на анализ публикаций по разным странам, включая Россию. Сопоставление районов, сформировавшихся в разное время в зоне фронта, позволяет выявить их общие особенности. Для характеристики этих особенностей важны как классические, так и современные представления о сельскохозяйственном фронте, включая работы последователей так называемой новой экономической географии (НЭГ).

Классические и современные представления о фронте. Первым фундаментальным трудом, посвящённым распространению

сельскохозяйственного фронта как глобальному явлению, стала книга И. Боумана «Пионерный край», опубликованная в 1931 г. Боуман подробно описал «региональные примеры» фронта, а также обобщил причины продвижения границы освоения, охарактеризовал общие черты фронтальной экономики, особенности первоосвоителей как социальной группы, отметил значение транспортной инфраструктуры и роль науки в развитии зон фронта [25]. Идеи Боумана вскоре нашли развитие в многотомном описании районов нового освоения Канады. Общее название этой серии – «Canadian Frontiers of Settlement» – имеет двойной смысл: его можно трактовать и как «границы расселения в Канаде», и как «заселяемые фронтальные территории в Канаде»; второй вариант, на наш взгляд, точнее [26].

Большой вклад в теорию фронта внёс Л. Вайбель, немецкий географ, изучавший сельское хозяйство Южной Африки и Латинской Америки. Занимаясь в конце 1940-х гг. изучением проблем сельскохозяйственной колонизации в Бразилии, он предложил использовать на португальском вместо *fronteira*, кальки с английского *frontier*, термин *zona pioneira* (порт. – пионерная зона), поскольку в отличие от английского слова *frontier*, на португальском слово *fronteira* трактовалось как пограничная линия. Вайбель первым стал рассматривать развитие «пионерных зон» в политэкономическом контексте: как экспансию капиталистических отношений и на девственные земли, и на частично освоенные территории; в последнем случае неизбежны социальные конфликты [50]. Заслугой этого исследователя стало обоснование перспективности освоения тропических саванн Южной Америки. За полвека до начала их массовой колонизации Вайбель предрёк саваннам роль будущей житницы человечества [29].

Позднее зарубежными и отечественными исследователями были опубликованы работы, в которых сравниваются особенности районов нового освоения на разных континентах и предпринимаются попытки сформулировать общие черты фронтального развития – экономические, социальные, историко-культурные [8, 14, 16, 31, 38]. В работах географов после классического труда Боумана подобные обобщения почти не встречались, большая их часть выполнена

в традиционной описательной парадигме. Лишь в последние годы появились публикации, где сельскохозяйственный фронт рассматривается с современных позиций экономической географии и сделаны выводы, порой противоречащие традиционным представлениям о территориальных аспектах экстенсивного развития сельского хозяйства [32, 35, 44].

Фронт в аграрном развитии стран мира: историко-географический очерк.

Рассмотрим особенности фронтального развития сельского хозяйства в разных странах.

В США колонизация территории проходила поэтапно, наиболее масштабными, по Боуману, оказались четвёртая и пятая её фазы [25]. Во время четвёртой фазы в начале XIX в. США купили французскую колонию Луизиану, а затем присоединили обширные территории, ранее принадлежавшие Мексике и Британии. Индейские племена вытеснялись на запад, где сселялись в резервации. Их земли, а также бывшие владения испанцев составили фонд для распределения между американскими колонистами. Начало пятой фазы колонизации в США положило принятие актов (законов) о гомстедах (англ. *homestead* – усадьба, земельное владение), первый из которых вступил в силу в 1863 г., а последний – в 1916 г. По закону 1862 г. участки площадью 160 акров (65 га) выделялись для ведения сельского хозяйства из фонда федеральных земель. После пяти лет использования по назначению и при условии возведения жилых построек участок бесплатно передавался колонисту в собственность, досрочно его можно было выкупить за 200 долл. [46]. На новые земли, располагавшиеся, в основном, в прериях, хлынул поток колонистов; освоению способствовало строительство железных дорог [25].

По мере продвижения фронта на запад – к Великим равнинам и далее через Скалистые горы к тихоокеанскому побережью площадь гомстедов увеличивалась. Так, в штате Небраска к западу от сотого меридиана площадь участков составляла уже не 160, а 640 акров. По Расширенному акту о гомстедах 1909 г. под неполивное земледелие на «маргинальных землях» выделялись участки по 320, а под скотоводство по гомстед-акту 1916 г. – по 640 акров. Тем самым, принимались во внимание потенциальная продук-

тивность земель и преобладающие формы хозяйства. Участки предназначались для семейных ферм, их площадь должна была обеспечивать возможность товарного производства. Однако некоторые исследователи считают, что земли всё же не хватало, что вынуждало фермеров вести хозяйство нерационально и привело к печально знаменитым пыльным бурям 1920-х гг. [33].

Экспансия фронта сыграла определяющую роль в становлении современного американского сельского хозяйства. Раздача гомстедов на Аляске продолжалась до 1980-х гг. Всего за время действия актов о гомстедах было роздано около 2 млн участков общей площадью 115 млн га, или 15% территории «континентальных» штатов США [46]. В начале XX в. в зоне фронта сформировались крупнейшие земледельческие районы США – кукурузный и пшеничные (озимый и яровой) «пояса», пшеничный район в бассейне р. Колумбия, районы пастбищного скотоводства Степного Юга и Горного Запада [6].

Сельскохозяйственная колонизация внутренних частей **Канады** началась в конце XIX в., когда Доминион получил земли Компании Гудзонова залива и Британской Колумбии, и было закончено строительство трансконтинентальной железной дороги. Наибольшую ценность для сельскохозяйственного освоения представляли провинции прерий – Манитоба, Саскачеван и Альберта. В 1872 г. в Канаде по аналогии с гомстед-актом США был принят Закон о землях Домниона. По нему всем переселенцам, в том числе, не жителям Канады и не гражданам Британии, предоставлялись участки по 160 акров. Канадские колонисты могли за небольшую плату купить соседние пустующие участки, поэтому площадь многих ферм вскоре увеличилась в разы по сравнению с первоначальной. Это стало одной из причин того, что, в отличие от соседних штатов США, канадские фермы в «треугольнике Паллисера»¹ на юге степных провинций меньше пострадали от пыльных бурь в 1920-е гг. [30].

Колонизация привлекла в Канаду около 3 млн иммигрантов из Европы и из США, между ними было распределено 47 млн га – 1/2 современной площади сельскохозяй-

ственных угодий Канады. Часть земель была выкуплена у Компании Гудзонова залива и у железнодорожных компаний. Ввиду лучшей транспортной доступности эти земли пользовались большим спросом, и на них были установлены повышенные цены. Это правило распространялось на полосу в 20, затем – в 10 миль от железной дороги, но в 1882 г. его отменили [25].

В результате колонизации в канадских прериях сформировался крупный район товарного земледелия со специализацией на зерновых культурах, главным образом, на пшенице [6]. С целью содействия экспорту в 1920-е гг. в степных провинциях были созданы скупавшие продукцию у фермеров зерновые пулы. К 1930-м гг. фронтальное развитие охватило долину р. Пис в провинциях Британская Колумбия и Альберта. Освоение этой территории севернее 55° с.ш. стало возможным благодаря внедрению скороспелых сортов яровой пшеницы [26].

Масштабы освоения в **Австралии** были гораздо меньшими, чем в Северной Америке. Как и в США и Канаде, здесь была создана нормативная база для сельскохозяйственной колонизации, однако массового переселения в зону фронта не произошло. После издания в 1861 г. Закона о коронных землях возможностью свободного выбора участков под фермы мало пользовались, поскольку наступили засушливые годы. В более влажный период земледельцы двинулись в глубь континента, однако вновь начались засухи, и многие фермы были заброшены [25].

Засушливость австралийского аутбэка – территории к западу от Большого Водораздельного хребта – оказалась главным ограничителем для распространения земледелия. В 1885 г. в южной части континента по годовой изогие 10 дюймов (250 мм) была определена «линия Гойдера»². К северу от неё земледелие считалось невозможным без полива; в условиях аридного климата развивались в основном мясное скотоводство и мясо-шерстное овцеводство [34]. Земли под пастбища предоставлялись во временное пользование так называемым сквоттерам. Они получали в собственность дома с хозяйственными постройками и приусадебными участками, но основные угодья «станций» –

¹ По имени географа Дж. Паллисера, который считал, что юг степных провинций слишком засушлив для земледелия. Освоение прерий началось позже, в более влажный период.

² По имени начальника экспедиции 1865 г. Г. Гойдера.

крупных животноводческих хозяйств – оставались во владении британской короны. Небольшие участки под земледелие выкупали фермеры-«селекторы». Сквоттеры и селекторы часто конфликтовали из-за наиболее плодородных земель. В штате Новый Южный Уэльс, где колонизация шла наиболее активно, селекторам выделялись участки площадью от 40 до 320 акров (16–129 га). Их выкупали по цене 1 фунт стерлингов за акр (5 долл. США за 1 га). Первоначальный взнос составлял четверть всей стоимости земли, на 3 года предоставлялась беспроцентная рассрочка. К 1890 г. в этом штате было разобрано около 15 млн га, но собственниками сельскохозяйственных земель стали всего 677 чел. Основную часть вновь освоенной территории заняли пастбища сквоттеров, лишь 130 тыс. га использовались для выращивания пшеницы [27].

До 1908 г. Австралия зависела от импорта зерна, благоприятные условия для выхода продукции австралийского земледелия на внешний рынок сложились только в 1920-е гг., когда развитие сельского хозяйства было провозглашено национальным приоритетом. Важную роль сыграл принятый в 1922 г. Великобританией закон о мерах поддержки переселенцам с Британских островов, среди которых было много безработных ветеранов войны; более трети таких мигрантов отправились в Австралию³ [48]. В результате возникли крупные районы специализированного земледелия – зерновые на юго-западе и на юго-востоке континента, хлопководческий в бассейне Муррей-Дарлинг, тростниково-сахарный в штате Квинсленд; в аутбэке распространялись овцеводство и скотоводство.

В Африке основными территориями фронта стали внутритропический юг и горы на востоке. С XVII в. Южную Африку осваивали голландские поселенцы – буры. В начале XIX в. голландская Капская колония перешла под контроль Великобритании, буры стали переселяться в глубь материка, где они создали республики Оранжевую и Трансвааль. После победы над бурами британцы стали хозяевами всей Южной Африки. Но, как и буры, британские колонисты были малочисленны. В колонию не допускались переселенцы без определённого источника существования или без денеж-

ных средств. Европейские фермы, как правило, крупные товарные хозяйства со специализацией на выращивании хлопчатника и табака, располагались на лучших землях, в основном, в горах или вблизи побережья. В вельде (саваннах) их было мало. Всё белое население Южной Родезии до середины XX в. составляло менее 100 тыс. чел., лишь в 1945–1970 гг. в эту британскую колонию прибыло более 200 тыс. переселенцев. В то же время, почти повсюду в Южной Африке за исключением пустынь были распространены аборигенные формы потребительского земледелия и животноводства [25].

В Восточной Африке (территория современных Кении и Танзании) в ходе европейской колонизации XIX–XX вв. была освоена под плантационное хозяйство территория так называемых Белых нагорий. С лучших земель, где колонисты стали выращивать чай и кофе, африканцев выселили на неудобья, при этом фактически обязав их работать на плантаторов [21].

Таким образом, отличительной чертой сельскохозяйственного фронта в Южной и Восточной Африке стало появление анклавов товарного хозяйства «белых фермеров». Со временем они развились в районы мирового значения, специализированные на производстве экспортной продукции – плодоводстве, табаководстве, виноградарстве и виноделии. Будущее этих районов проблематично из-за радикальных аграрных реформ, ставящих целью изъятие земель в пользу африканцев, как это случилось в 1990-е гг. в Зимбабве.

Со второй половины XIX в. почти одновременно с освоением прерий Северной Америки началась колонизация внутритропических равнинных областей **Южной Америки** – Пампы Аргентины и схожих с ней в природном отношении областей Уругвая и Юга Бразилии со степными ландшафтами и богатыми гумусом почвами.

Аргентинскую Пампу пришлось в XVIII–XIX вв. отвоёвывать у индейцев. Продвижение сельскохозяйственного фронта вглубь пампы от Буэнос-Айреса маркируют расширяющиеся кольца линий военных фортов [43]. К 1880-м гг. Аргентина вышла из череды мятежей и гражданских войн, вместе с Бразилией и Уругваем одержала победу в

³ Всего в 1920-е гг. из Великобритании выехало 86 тыс. чел., в том числе, 35 тыс. в Австралию, 26,5 в Канаду, 12,9 в Новую Зеландию, 5,9 тыс. в Южную Африку.

войне против Парагвая, провела кампанию по «завоеванию пустыни» и установила контроль над Патагонией. Освоение территории стало приоритетом политики президента Д. Сармьенто по созданию аргентинского федеративного государства, был провозглашён режим наибольшего благоприятствования для иммигрантов. За годы правления Сармьенто (1868–1874 гг.) в страну прибыло около 300 тыс. чел. [48].

Однако в отличие от США и Канады далеко не все вновь прибывшие получали в собственность земельные участки. Всего в Пампе к 1914 г. насчитывалось 105 тыс. землевладельцев, из которых 45% составляли переселенцы из Италии, 11% – из Испании, и 30% – креолы (родившиеся в стране). В Аргентине не выделялись участки под семейные фермы. Со времен колониального владычества Испании здесь были распространены крупные поместья – эстансии [29]. В 1924 г. в провинциях пампы 60% земель принадлежали всего 12,7 тыс. семей, при этом треть всей площади была сконцентрирована в эстансиях площадью более 5 тыс. га [45]. Для сельскохозяйственных работ привлекались наёмные работники из числа иммигрантов, перемещавшиеся от поместья к поместью.

Сельское хозяйство вновь осваиваемых территорий ориентировалось на экспорт, и вплоть до мирового экономического кризиса 1929 г. Аргентина была одним из крупнейших в мире поставщиков мяса и зерна. На начальном этапе освоения преобладало пастбищное скотоводство, на экспорт поставлялись солонина, шкуры, овечья шерсть. К концу XIX в. в пределах так называемой влажной пампы в пределах годовой изогие ты 800 мм стали выращивать пшеницу. Всего за три десятилетия к началу XX в. посевная площадь в Пампе увеличилась в 15 раз; к пшенице добавились кукуруза, лён и подсолнечник. Новый импульс развитию животноводства придало распространение технологий промышленной разделки и перевозки замороженного мяса [25]. Крупный рогатый скот выращивали на пастбищах в более сухих периферийных частях Пампы, а затем откармливали на стойловом содержании ближе к порту Буэнос-Айреса. Ключевую роль в колонизации Пампы сыграло железнодорожное строительство. Каркас нового сельскохозяйственного района образова-

ли расходящиеся веером из Буэнос-Айреса магистрали, на их пересечении с полукольцевыми линиями строились элеваторы и мясохладобойни.

Новым этапом фронтирного развития сельского хозяйства в Аргентине стало в конце XX в. распространение сои. Эта сельскохозяйственная культура заместила зерновые и вытеснила пастбища на значительной части уже освоенной территории. Её стали выращивать также на севере, в провинциях Санта-Фе, Кордоба и Корриентес, где агроклиматические условия сходны с тропическими саваннами. К концу первого десятилетия XX в. сою в Аргентине убирали с 20 млн га, что вдвое больше, чем площадь под пшеницей, кукурузой и подсолнечником вместе взятыми [10]. Экспансия сои, зачастую выращиваемой в монокультуре [39], сформировала на периферии Пампы и в северных провинциях Аргентины самостоятельный сельскохозяйственный район. Его центрами являются портовые комплексы компаний агробизнеса, расположенные на р. Парана между городами Санта-Фе и Росарио. В развитии «соевой» фазы аргентинского сельскохозяйственного фронта, как и на заре земледельческой колонизации, основную роль сыграли крупные хозяйства площадью до нескольких тысяч гектар.

Все рассмотренные выше примеры фронтирного развития сельского хозяйства, за исключением севера Австралии и гор Восточной Африки, относятся к безлесным территориям внетропических областей. Крупные резервы для земледельческой колонизации имелись и в тропиках, прежде всего, в Бразилии, где площадь саванн превышает 200 млн га. Освоение бразильских саванн (местное название – серраду) началось с 1980-х гг. Ранее была предпринята неудачная попытка сельскохозяйственного освоения тропических лесов Амазонии: планы по переселению в эту часть страны 200 тыс. безземельных крестьян из северо-восточных штатов были выполнены всего на 10%; амазонская сельва оказалась непригодной для традиционных форм земледелия [12].

Движущей силой освоения саванн в Бразилии стал начавшийся в 1970-е гг. «соевый бум». За полвека уборочная площадь сои в Бразилии увеличилась в 27 раз (с 1,3 млн га в 1970 г. до 35 млн в 2017 г.); в 70–90-е гг. XX в. она ежегодно прирастала на 11% [10].

Бразилия занимает 2-е место в мире после США по валовому сбору соевых бобов, на неё приходится 17% общемирового валового сбора этой культуры [39]. Выращивание сои началось на юге Бразилии, а затем распространилось в малоосвоенные штаты Центрально-западного района [28]. Ныне на эти штаты, главным образом, Мату-Гросу и Гояс приходится более половины валового сбора сои в Бразилии [10]. К 2000 г. в серраду было освоено 60 млн га, в том числе 17 млн – под земледелие [37]. По оценкам, в ближайшее время может быть колонизована ещё такая же площадь, кроме того, 30 млн га добавится за счёт конверсии пастбищ [10]. Современный рубеж колонизации проходит по зоне стыка саванн с амазонскими лесами и с ксерофитными редколесьями и кустарниками северо-восточных штатов. Здесь сформировался крупный соеводческий район Матопиба, название которого дано по первым слогам названий штатов Мараньян, Токантинс, Пиауй и Баия.

Из Бразилии в конце XX в. соя распространилась в Парагвай и Боливию. В Парагвае она занимает половину всей обрабатываемой площади и выращивается на востоке и юге страны, где проживает более 1 млн бразигуайос – переселенцев из Бразилии. В Боливии более 90% площадей под соей сосредоточено в предгорьях Анд в департаменте Санта-Крус-де-Ла-Сьерра [39].

В зоне современного фронта в саваннах Южной Америки нет мелких ферм. Основную часть владельцев фазенд – хозяйств, площадь многих из которых составляет десятки тысяч гектар, составляют в основном выходцы из Южного района Бразилии. 1 га земли, купленной ими два–три десятилетия назад за бесценок, стоит теперь 2–3 тыс. долл. Хозяйства отличаются высоким уровнем механизации, поэтому существенного увеличения численности сельских жителей и населения в целом в штатах нового соеводческого района Бразилии не произошло. В то же время, в стране насчитывается более 200 тыс. безземельных крестьян, поэтому «малолюдная» колонизация обостряет социальные противоречия и порождает политические протесты [41].

Освоение внутриконтинентальных районов Южной Америки – ещё не завершившаяся колонизационная кампания. Рост спроса на мировом рынке продовольствия обу-

словливает дальнейшее развитие на новых землях крупных районов экспортного земледелия. Их специализацию определяет выращивание сои, кукурузы, в последнее время также хлопчатника и сахарного тростника. Вслед за соей и кукурузой в саванны Бразилии потянулись крупные свиноводческие и птицеводческие предприятия, развивается откорм крупного рогатого скота [10].

Особого внимания в контексте тематики сельскохозяйственного фронта заслуживает **Россия**, которой посвящено немало работ отечественных и зарубежных исследователей [2, 4, 14, 15, 42, 47]. На протяжении многих веков расширение территории страны сопровождалось сельскохозяйственной колонизацией – как стихийной, так и организованной государством [3]. Особенно значимой она стала в XVIII в. с освоением Новороссии. На новых землях создавались в основном хозяйства помещиков, которые получали от государства от 1,5 тыс. до 12 тыс. десятин⁴ земли под обязательство переселить из центральных губерний крепостных. В Причерноморье, Поволжье, на Дону и Северном Кавказе появились колонии немцев, сербов, греков, армян, создававших семейные хозяйства. Осваивались и территории к востоку от Урала. Поначалу Сибирь была местом ссылки, с 1843 г. туда на так называемые кабинетские земли (собственность царской семьи) стали переселять государственных крестьян. После 1861 г. право на переселение было признано для бывших крепостных, не получивших надела. Но государство ограничивало массовую миграцию на восток, для переселения требовались разрешения министерств внутренних дел и государственных имуществ, согласие местных властей. Самовольные переселенцы не пользовались льготами, не получали ссуды на обустройство. Позднее, уже к концу XIX в. были приняты меры, которые узаконивали положение самовольных переселенцев и стимулировали освоение Алтая и дальневосточных окраин Российской империи [4].

По оценке историков, с 1861 по 1891 г. в Сибири водворилось около 450 тыс. переселенцев. Большинство из них осели на юге Западной Сибири, где в лесостепной и степной зонах природные условия были более благоприятными для земледелия [9]. В Восточной Сибири осваивались межгорные котловины по Енисею. Со строительством

⁴ 1 десятина равна 1,0925 га.

в 1891–1916 гг. Транссибирской железной дороги поток переселенцев вырос. С 1858 по 1897 г. сельское население Акмолинской, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской области увеличилось на 2,8 млн и достигло 5,3 млн чел. Основную массу селян в Сибири составляли крестьяне-середняки [4].

Организация массового переселения крестьян в Сибирь стала одной из основ земельной реформы, начатой в 1906 г. П.А. Столыпиным. Был принят закон «О порядке переселения за Урал в 1908 г.» и другие нормативные документы, регулировавшие процесс выделения переселенцам государственных земель. Наделы сибирских крестьян составляли на одну податную мужскую душу 10 десятин вблизи железных дорог, 12 – на худших землях, в редких случаях 15 десятин [20]. Крупнее были наделы в Уссурийском крае, где переселенцы, получившие по 100 десятин, часто сдавали излишки земли в аренду китайцам и корейцам [5]. Наделы предоставлялись в единоличное наследственное пользование без права продажи, вопреки планам Столыпина узаконить частную собственность на неё не удалось.

Несмотря на относительно короткий срок, переселенческая политика успела принести плоды до революции 1917 г. С 1906 по 1914 г. за Урал переселились 5,8 млн человек, из них почти каждый второй осел на земле. В Сибири значительно (по разным оценкам, от 1/3 до 2/3) увеличились посевные площади, здесь стали собирать до 100 млн пудов (1,6 млн т) зерна в год [2, 20]. По А.В. Чаянову, границы крупнейших по площади сельскохозяйственных районов дореволюционной России – зернового и маслodelьного – включали обширные территории к востоку от Урала [22]. На кооперативной основе в Сибири успешно развивалось производство сливочного масла для экспорта в Европу.

Колонизационная политика Столыпина имела также целью освоение южных частей Азиатской России и Кавказа. Земледельческая колонизация имела здесь меньшие масштабы, чем в Сибири. Крупными проектами стали освоение Голодной степи по левобережью Сырдарьи в Туркестане и Муганской степи в Кура-Араксинской низменности в Закавказье, где государство брало на себя мелиорацию вновь осваиваемых земель [1]. Особую роль в земледельческой колонизации

Средней Азии и Казахстана сыграли молokane и другие религиозные общины, подвергавшиеся гонениям в Центральной России.

Одной из наиболее масштабных кампаний во фронтирном развитии сельского хозяйства стало уже в советский период освоение целины [23]. На начальном этапе, за 1954–1956 гг. было освоено 36 млн га, осваивать целину поехало более 50 тыс. человек [19]. К 1963 г. площадь распаханной целины достигла 42 млн га, из них 26 млн га в Казахстане, 11 – в Сибири, 3 – на юге Урала и 2 млн га в Поволжье. Благодаря освоению целины валовой сбор зерна в СССР к концу 1960-х гг. вырос с 45 млн до 130 млн т [21, 25].

На проведении целинной кампании отразились все преимущества и недостатки командно-административной системы [18]. Решение об освоении целины было принято в 1954 г. на февральско-мартовском пленуме ЦК КПСС, планирование осуществлял Госплан СССР, на новых землях создавались крупные государственные хозяйства – совхозы. Вместе с тем, кампания началась без соответствующего научного обоснования, применялись агротехнологии, не адаптированные к природным особенностям [17]. Освоение не предварялось созданием необходимой транспортной и логистической инфраструктуры. Поначалу на поднятой целине удавалось получить высокие урожаи зерна, однако уже в 1960-е гг. как из-за неблагоприятных погодных условий, так и вследствие нерациональных методов ведения хозяйства здесь стала развиваться эрозия почв. Продуктивность новых районов резко снижалась, их роль в аграрном производстве стала менее заметной.

В настоящее время сельскохозяйственный район, сформировавшийся в ходе освоения целины, вряд ли может рассматриваться как единое целое. После распада СССР государственная граница разделила его на две части: казахстанскую и российскую. В современной России, где рост сельскохозяйственного производства приходится в основном на районы с более благоприятными почвенно-климатическими условиями и выгодным географическим положением, бывшие целинные земли – это аграрная периферия, которая менее привлекательна для инвесторов. В Казахстане северные области, наоборот, обладают значительными преимуществами по сравнению с пустынными центральными

и горными южными. Здесь активно развивается крупное товарное сельскохозяйственное производство, в том числе, на основе передовых агротехнологий беспашенного земледелия [40].

Особенности фронтальных сельскохозяйственных районов: результаты исследования и выводы. Как показал проведённый нами обзор, на разных континентах сформировались особые фронтальные сельскохозяйственные районы (ФСХР), специализацию которых, в основном, определяет выращивание зерновых (пшеницы, кукурузы) и масличных культур (сои, рапса, подсолнечника). Сравнительный анализ этих районов позволяет сделать следующие выводы об общих чертах их развития.

Крупноконтурность. Во внутренних частях Северной и Южной Америки сельскохозяйственные районы отличаются более крупной площадью, чем вблизи побережий [7]. Эта особенность бывших и современных зон фронта заметна на опубликованной нами в 2015 г. карте важнейших районов специализированного земледелия мира [11]. В зонах фронта преобладают экстенсивные типы сельского хозяйства; большая площадь обеспечивает значительные объёмы валового сбора агрокультур даже при относительно невысокой урожайности, без крупных затрат на мелиорацию, минеральные удобрения, семена.

Изменчивость специализации. В ряде случаев (США, Канада, Австралия, дореволюционная Сибирь) социальной основой ФСХР стали семейные товарные хозяйства фермерского типа, что способствовало более равномерному, дисперсному расселению и размещению агропроизводства и его более стабильной специализации. В странах, где преобладали крупные хозяйства, – как в условиях капиталистической (Аргентина, Бразилия), так и социалистической экономики (СССР), ведущую роль в развитии ФСХР играли не трудовые, а инвестиционные ресурсы, и их специализация гораздо более подвижна. Крупные хозяйства больше зависят от кредитных схем и быстрее подстраиваются под конъюнктуру мирового рынка. Вслед за главной агрокультурой, с распространения которой начиналось освоение территории (пшеницы в Северной, сои в Южной Америке), появляются и другие, например, рапс

в прериях Канаде, хлопчатник и сахарный тростник в серраду Бразилии. На Великие равнины США вслед за пшеницей пришли кукуруза и соя. Монокультурную специализацию в начальной фазе сменяет диверсификация по мере достраивания цепочек добавленной стоимости. Например, производство сои в серраду Бразилии притягивает свиноводство, птицеводство и откорм крупного рогатого скота. Крупнейшие в стране предприятия этих отраслей были созданы недавно в южной части штата Гояс, освоенной только в начале XXI вв.

Пульсация границ. Общей закономерностью освоения новых территорий является движение от «лучших» земель к «худшим». Менее плодородные земли более уязвимы в случае неблагоприятных погодных условий (засуха, переувлажнение) и конъюнктуры мировых рынков («ножницы цен» на сельскохозяйственную продукцию и на средства производства, в первую очередь, на топливо и на минеральные удобрения). Поэтому границы ФСХР, как правило, подвижны: их периферия может расширяться и, наоборот, сокращаться, подобно шагреновой коже. В Северной Америке, Австралии, на целинных землях в СССР фронтальные районы начинали развиваться в более влажные относительно средней годовой нормы осадков периоды, но затем, в засушливые годы, их границы откатывались назад. Современный пример – пульсация соевого района в серраду Бразилии. Её причиной стало распространение в 2001–2003 гг. грибкового заболевания сои в условиях аномально дождливой и ветреной погоды, что вынудило применять дорогостоящие фунгициды. Многие хозяйства, особенно созданные недавно в удалённых частях этого ФСХР, разорились. Посевная площадь сои в серраду сократилась, но затем вновь постепенно стала расширяться. Ещё одним фактором пульсации границ ФСХР Бразилии являются циклические колебания мировых цен на минеральные удобрения, основной объём которых эта страна импортирует. С ростом цен раз в 3–4 года граница соеводческого ФСХР немного отступает, чтобы вскоре вновь продвинуться вперёд, за три десятилетия она отошла от исторического ядра этого района более чем на 1 тыс. км. Особенной неустойчивостью отличается развитие зависящих от внешнеэкономической конъюнктуры новых сельскохозяйственных районов

в условиях слабого государственного регулирования аграрного сектора.

Территориальная концентрация. В новых ФСХР Южной Америки сельскохозяйственное производство концентрируется в «аглополюсах», превосходящих по стоимости продукции староосвоенные районы [10]. Приходящие на новые территории крупные агрофирмы зачастую не являются собственниками земли, ведут производство на арендованных землях или контрактуют местных землевладельцев. Капитал не привязан к земле, и сельское хозяйство становится более мобильным, поэтому производство сосредотачивается в местах с наиболее выгодным экономико-географическим положением и лучшими почвами. Территориальной концентрации агропроизводства способствует и комплексирование земледелия и животноводства.

Некоторые исследователи обращают внимание на то, что территориальная концентрация агропроизводства противоречит классической модели НЭГ, в соответствии с которой сельское хозяйство статично, а промышленные фирмы в целях минимизации издержек перемещают производство из центра на периферию. В статье об агломерационном тренде в развитии сельского хозяйства С. Грубер и А. Соци отмечают снижение роли «немобильных факторов», прежде всего, земельных ресурсов; размещение агропроизводства быстрее отзывается на изменения климата, технологические инновации, строительство портов и т.п. [32]. Снижается и зависимость от трудовых ресурсов (в НЭГ – неквалифицированная рабочая сила, привязанная к земле); в условиях высокомеханизированного производства потребность в рабочей силе незначительна, а работники высокомобильны, что рассматривается как регулятор концентрации. Так, П. Ричардс на примере штата Мату-Гросу в Бразилии предложил количественную модель взаимосвязи «продуктивности» экспансии сельского хозяйства и интенсивности использования земель. Его выводы подтверждают действие закона убывающего плодородия почв: по мере снижения отдачи от агломерационного эффекта аграрии расширяют зону фронта за счёт новых территорий, в том числе, зарубежных [44].

Бразильскому штату Мату-Гросу, вся огромная территория которого (903,4 тыс. км²) относится к зоне современно-

го освоения, пожалуй, наиболее часто посвящены статьи о современном фронтире. Так, В. Джемсон на примере Мату-Гросу показывает недостаточность объяснения механизма сельскохозяйственной колонизации как с позиций классической экономической науки, так и НЭГ. Отмечая, что все эти подходы полностью или частично игнорируют особенности влияния капитала, технологического прогресса, отраслевой и региональной политики государства, этот автор подчёркивает роль экстерналий, включая кооперацию фермеров и переток знаний. Особо отмечена роль взаимодействия между людьми, поскольку большинство колонистов вышли из одного штата – Риу-Гранди-ду-Сул, связаны этническими корнями (потомки немецких и итальянских иммигрантов), часто и семейными отношениями [35].

Концентрированное размещение сельскохозяйственного производства характерно и для относительно зрелых, прошедших фронтирную стадию районов. Например, Т.Г. Нефёдова отмечает концентрацию наиболее крупных по стоимости продукции хозяйств в Азиатской части России [13]. В США в штатах Среднего Запада и Юга всё возрастающую роль играют фермы с годовой стоимостью продукции выше средней, так называемые фермы-корпорации [6].

Институциональный фактор и экстерналии. Выделение колонистам пустующих государственных земель во всех рассмотренных нами случаях осуществлялось на законодательной основе и имело целью выравнивание диспропорций в развитии территории. Таким образом, формирование ФСХР является результатом региональной политики, осуществление которой в некоторых странах началось уже более полутора веков назад. В современных условиях важную роль приобретают законодательные нормы иного рода, в том числе, ограничивающие потенциальную территорию фронта из природоохранных соображений. Например, Лесным кодексом Бразилии с 2012 г. предписано сохранять 80% растительности в каждом землевладении на территории, покрытой амазонскими лесами, и всего 20% в зоне саванн. Тем самым, это фактически запретительная мера для освоения Амазонии и стимулирующая – для серраду. Колонизационная политика может включать комплекс мер, стимулирующих мобильность трудовых

ресурсов (организация переезда, «путёвка на целину») и капитала (налоговые льготы, субсидирование).

Особое значение имеет создание государством транспортной инфраструктуры и тарифная политика в отношении удалённых территорий. Наряду со строительством Транссиба важнейшим стимулом для столыпинской колонизационной кампании стала отмена «челябинского тарифного перелома» – обнуление тарифа на перевозку сибирского зерна по железной дороге за Уралом, что делало его конкурентоспособным с продукцией европейских губерний. Периферийные части ФСХР на севере бразильского штата Мату-Гросу стали активнее осваиваться, когда для вывоза сои вместо транспортировки по автодорогам к портам на юго-востоке страны правительство Бразилии разработало новый маршрут: сплав по р. Мадейра на баржах с последующей перегрузкой на морские суда в порту Итакоатиара на Амазонке. Ещё один бразильский проект – сооружение второго пути железной дороги из штата Пара к побережью океана для обслуживания района Матопиба.

Геоэкологические последствия и инновации. Многие ФСХР сформировались в зонах рискованного земледелия, при этом освоение обширных территорий не предвзялось созданием рациональных агротехнологий с учётом местных природных условий. Перенос на новые земли ранее известных практик приводил к экологическим катаклизмам. В последнее время наметилась иная тенденция: в районах фронта быстрее распространяются передовые агротехнологии, которые не имеют катастрофических последствий для окружающей среды, в том числе, нулевая обработка почвы. По площади распространения беспашенного земледелия, достигшей 50 млн га, Бразилия уступает только США, а Аргентина находится на третьем месте в мире [10]. Создание адаптированных к новым землям агротехнологий становится, таким образом, важнейшим условием успешности фронтального развития сельского хозяйства. Данный фактор, на наш

взгляд, будет во многом определять перспективы развития сельского хозяйства во многих странах Латинской Америки, Африки, Азии, включая и Россию.

Отдельная крайне важная и сложная тема – связь развития ФСХР с глобальными изменениями климата. О наличии такой связи свидетельствуют, например, результаты исследования динамики урожайности зерновых культур в России, на Украине и в Казахстане [36]. Противоречивость прогнозов изменения температурного и влажностного режима не позволяет точно определить масштабы расширения зон сельскохозяйственного фронта; очевидно лишь, что пульсация этих зон значительно возрастёт.

Заключение. Уже более полутора веков фронт играет важную роль в развитии мирового сельского хозяйства. Сельскохозяйственные районы, сформировавшиеся в разное время в зонах фронта, отличаются как рядом общих черт, так и специфическими особенностями. Их изучение необходимо для понимания особенностей территориальной организации и производственной специфики сельского хозяйства во многих странах мира и имеет практическую ценность для обоснования региональной политики, ставящей целью освоение новых территорий.

В большинстве современных географических работ полигоном для исследования аграрного фронта являются территории недавнего освоения во внутриконтинентальных областях Южной Америки. Они стали своеобразной лабораторией для апробации различных подходов к изучению специфики экономического развития сельского хозяйства на вновь осваиваемых землях. Результаты подобных исследований не всегда совпадают с постулатами наиболее распространённых научных концепций, в частности, относящихся к так называемой новой экономической географии. Не меньший интерес представляет изучение районов, освоение которых относится к более ранним периодам, но они до сих пор сохраняют родовые черты фронта.

Библиографический список

1. Багиров Ф.Э. Переселенческая политика царизма в Азербайджане в 1830–1914 гг. М.: Маросейка, 2009. 728 с.
2. Белянин Д.Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.). Кемерово: ГУ КузГТУ. 2003. 176 с.

3. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. М.: Наука, 1965. 265 с.
4. История крестьянства Сибири: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1983. 396 с.
5. Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России: курс Народного университета. М.: Моск. науч. изд-во, 1919. 267 с.
6. Кузина И.М. Агрогеография капиталистических стран (на примере США и Канады) // Итоги науки и техники. Сер. география зарубежных стран. Т. 9. М.: ВИНТИ, 1981. 155 с.
7. Кузина И.М., Наумов А.С. Особенности современного сельскохозяйственного районирования Северной и Южной Америки // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 8. М.: ИЛА РАН, 1987. С. 68–88.
8. Ламин В.А., Шиловский М.В., Мамсик Т.С., Резун Д.Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск: Изд-во ИДМИ. 2008. 113 с.
9. Мишина Е.М. Переселенческая политика П.А. Столыпина в Западную Сибирь и её результаты (1906–1911): сравнительный анализ данных по двум губерниям // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 5. С. 499–511.
10. Наумов А.С. Проблемы и перспективы современной земледельческой колонизации в Южной Америке // Латинская Америка. 2013. № 7 (466). С. 36–49.
11. Наумов А.С. Районная парадигма в географии мирового сельского хозяйства: история и современность // Региональные исследования. 2015. № 2. С. 15–25.
12. Наумов А.С. Сельскохозяйственное освоение бразильской Амазонии // Латинская Америка. 1983. № 6. С. 50–59.
13. Нефедова Т.Г. Районирование сельского хозяйства восточных районов России // Известия РАН. Сер. географическая. 2006. № 5. С. 46–61.
14. Побережников И.В. Фронтальная модернизация в истории России // Экономическая история. 2013. № 2 (21). С. 18–23.
15. Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во, 1951. 208 с.
16. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2005. 194 с.
17. Рычков А.В. Освоение целины в СССР: научный проект и его воплощение // Вестник гос. аграрного ун-та Северного Зауралья. 2013. № 1 (20). С. 89–94.
18. Сошнева Е.Б. Экономика как инструмент политики советского государства (проект «Целина») // Вестник Новгородского гос. ун-та им. Я.р. Мудрого. 2014. № 83–2. С. 53–57.
19. Томилин В.Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 81–93.
20. Тюкавкин В.Г. Великолукское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 302 с.
21. Холина В.Н. Экономико-географический анализ эволюции типов сельского хозяйства Кении. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 1990. 28 с.
22. Чаянов А.В. Избранные труды. М.: Колосс, 1993. 590 с.
23. Яшутин Н.В. Этапы освоения и современные проблемы целины // Вестник Алтайского гос. ун-та. 2004. № 1. С. 38–48.
24. Barbier E.B. Frontier Expansion and Economic Development // Contemporary economic policy. 2005. Vol. 23. Is. 2. P. 286–303.
25. Bowman I. The Pioneer Fringe. New York: American Geographical Society, Special Publication № 13, 1931. 362 p.
26. Canadian Frontiers of Settlement (in nine volumes) / Ed. W.A. Makintosh, W.L.G. Joerg. Vol. VI. The settlement of the Pease river country. A study of a pioneer area. Dawson, C.A. Toronto: The MacMillan Company of Canada Ltd, 1934. 284 p.
27. Colonización privada y tenencia de la tierra en La Pampa. Poder económico y provincialización. IX Jornadas Interescuelas Departamentos de Historia. Universidad Nacional de Córdoba. Córdoba, 2003. 9 p. URL: <https://jorgeetchenique.files.wordpress.com/2012/03/colonizacic3b3n-privada.pdf> (дата обращения: 06.04.2018).
28. Cultura da Soja nos Cerrados. Piracicaba: POTAFOS, 1992. 535 p.
29. Etges V.E. Geografia Agraria: a contribuicao de Leo Waibel. Santa Cruz do Sul: EDUNISC, 2000. 226 p.
30. Feldberg J., Eloffson W.M. Financing The Palliser Triangle, 1908–1913 // Great Plains Quarterly. 1998. № 18 (3). P. 257–268.
31. Findlay R. Lundahl M. The Economics of the Frontier Conquest and Settlement. London: Palgrave Macmillan, 2017. 448 p.
32. Gruber S., Soci A. Agglomeration, Agriculture, and the Perspective of the Periphery // Spatial Economic Analysis. 2010. Vol. 5, № 1. P. 43–72.
33. Hansen Z.K., Libecap G.D. Small Farms, Externalities, and the Dust Bowl of the 1930s // Journal of Political Economy. Vol. 112, № 3. P. 665–694.
34. Heathcote R.L. Goyder's Line: a line for all seasons? // South Australian Geographical Journal. 2004. Vol. 103. P. 73–94.
35. Jepson W. Producing a Modern Agricultural Frontier: Firms and Cooperatives in Eastern Mato Grosso, Brazil // Economic Geography. 2006. Vol. 82, № 3. P. 289–316.
36. Lioubimtseva E., Dronin N., Kirilenko A. Grain production trends in the Russian Federation, Ukraine and Kazakhstan in the context of climate change and international trade // Climate change and food systems: global assessments and implications for food security and trade. Rome: FAO. 2015. P. 210–246.

37. Manzatto C.V., Freitas E.J., Perez J.R. *Uso Agrícola dos Solos Brasileiros*. Rio de Janeiro: Embrapa, 2002. 174 p.
 38. McNeill W.H. *The great frontier: Freedom and hierarchy in modern times*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 88p.
 39. Melgar R., Vitti G., Benites V.M. *Soja en Latinoamerica*. IPI Boletín No 20. Buenos Aires: Agroeditorial. 2011. 180 p.
 40. No-till: A Climate Smart Agriculture Solution for Kazakhstan. The World Bank. August 8, 2013. URL: <http://www.worldbank.org/en/results/2013/08/08/no-till-climate-smart-agriculture-solution-for-kazakhstan> (дата обращения :14.02.2018).
 41. Oliveira A.U. *Agricultura Brasileira: Transformações Recentes* // *Geografia do Brasil*. São Paulo: Editora da USP, 2000. P.419–484.
 42. *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History*. Basees / Routledge Series in Russian and East European Studies. 1st Edition / Ed. N. Brevfogle, A. Schrader, W. Sunderland. New York: Routledge. 2007. 288 p.
 43. Randle P.H. *Atlas del desarrollo territorial de la Argentina*. Vol. X. Buenos Aires: OIKOS, 1982. 314 p.
 44. Richards P. It's not just where you farm; it's whether your neighbor does too. How agglomeration economies are shaping new agricultural landscapes // *Journal of Economic Geography*. 2018. № 18. P. 87–110. URL: <https://academic.oup.com/joeg/article-abstract/18/1/87/3867791?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 18.04.2018).
 45. Solberg C.E. *The Prairies and the Pampas: Agrarian Policy in Canada and Argentina, 1880–1930*. Stanford University Press, 1987. 297 p.
 46. The Homestead Act of 1862. Educator Resources. National Archives. URL: <https://www.archives.gov/education/lessons/homestead-act> (дата обращения: 1.03.2018).
 47. Treadgold D. *Great Siberian Migration*. Princeton University Press, 1957. 296 p.
 48. Tritton A. *Empire Settlement Schemes after WWI*. 2013. URL: <https://www.exodus2013.co.uk/empire-settlement-schemes-after-wwi/> (дата обращения: 15.04.2018).
 49. Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History. A paper read at the meeting of the American Historical Association in Chicago, 12 July 1893, during the World Columbian Exposition. URL: <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf> (дата обращения 14.02.2018).
 50. Waibel L. *Capitulos de Geografia Tropical do Brasil*. Rio de Janeiro: IBGE. 1979. 326 p.
-

МЕТОДИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 911.3:33

Бабурин В.А. (Москва)

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНО-КОММУНИКАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ¹

Baburin V.L.

APPROACHES TO THE ASSESSMENT OF SOCIO-ECONOMIC EFFICIENCY OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT IN SIBERIA AND THE FAR EAST

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры (ТКИ) в Сибири и на Дальнем Востоке в контексте оценки эффективности ее развития. Представлен обзор имеющихся подходов к оценке экономической и социальной эффективности, а также рассмотрены взгляды отечественных экономико-географов на развитие Сибири и Дальнего Востока. По результатам пилотного исследования представлена типология территорий, входящих в рассматриваемый мегарегион, по их потребностям в различных стратегиях развития. Для каждого субрегиона определены подходы к развитию ТКИ и предложены соответствующие модели. Разработана модель формирования низкоплотных агломераций и проведена ее пилотная апробация на материале Большого Владивостока. Для береговых зон рассмотрены принципиальные возможности формирования аква-территориальных систем. Для внутриконтинентальных пространств обозначена задача формирования ресурсно-перерабатывающих протокластеров как формы территориальной организации, обеспечивающей рентабельность строительства и эксплуатации элементов транспортно-коммуникационной инфраструктуры.

Abstract. The article discusses issues of development of transport-communication infrastructure (TCI) in Siberia and the Far East in the context of the development of methods for evaluating the effectiveness of its development. The article presents an overview of existing approaches to the assessment of both economic and social efficiency, as well as the views of leading economic-geographers to the development of Siberia and the Far East. According to the results of the pilot study the article presents the typology of the territories included in the megaregion under consideration according to their needs in different development strategies. For each subregion approaches to the development of TCI and the proposed models. For the regions of Southern Siberia developed model of formation of low-density agglomerations and conducted its pilot testing on the material is Large Vladivostok. For the coastal zones of the study the principal possibility of formation of Aqua-territorial systems. For the inland spaces designated task of formation of the resource-processing proto-clusters as a form of territorial organization ensure the profitability of the construction and operation of the elements of the transport-communication infrastructure.

Ключевые слова: транспортно-коммуникационная инфраструктура, социально-экономическая эффективность, разнообразие, низкоплотные агломерации, аква-территориальные системы, протокластеры.

Key words: transportation and communication infrastructure, socio-economic efficiency, diversity, low-density agglomeration, Aqua-territorial systems, proto-clusters.

Введение. Огромные пространства Сибири и Дальнего Востока детерминируют транспортно-коммуникационную составляющую как важнейший элемент эффективности функционирования всего народно-хозяй-

ственного комплекса. Однако пространственный масштаб в сочетании с относительно значимой мозаичностью определяют необходимость дифференцированного подхода к оценке эффективности различных

¹ Статья написана при поддержке гранта РГО-РФФИ № 17-05-41087 «Социально-экономическая эффективность развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока» РГО-а.

подсистем этой субконтинентальной территориальной природно-хозяйственной системы (ТПХС) и цементирующей их транспортно-коммуникационной инфраструктуры. При соблюдении общих принципов затратных моделей типа «затраты – выпуск», необходимо отдавать отчет, что при едином затратном знаменателе (как правило, имеющим стоимостное выражение), результаты могут иметь как стоимостное, так и иное содержательное наполнение: устойчивость к циклам конъюнктуры, разнообразие отраслевой и функциональной структуры, минимизация затрат при заданных целевых функциях размещения и т.д.

Все это требует применение комплексного программно-целевого подхода к анализу проблем эффективности функционирования и развития ТКИ.

Постановка проблемы и обзор ранее выполненных исследований. Считается, что эффективность – это комплексная категория, включающая в себя действенность (Effectiveness), экономичность (Efficiency), качество (Quality), прибыльность (Profitability), производительность (Productivity), качество трудовой жизни (Quality of work life), инновационное развитие (Innovation) и др. [22]. Иными словами, эффективность следует рассматривать как системную категорию, формирующуюся под влиянием множества факторов. Как показал В. Парето, это такое состояние некоторой системы, при котором значение каждого частного показателя, характеризующего систему, не может быть улучшено без ухудшения других [18]. Он же ввел понятия «компромиссные», «неулучшаемые» альтернативы. Эффективность считается достигнутой, когда все выгоды от обмена сторон исчерпаны и достигается «благополучие» [20].

Более сложной категорией является социальная эффективность, которая различными авторами трактуется неодинаково. У Е.И. Бахтиярова это показатель стабильности работы, выражающийся в улучшении уровня жизни работников [4]. У Л.А. Калиниченко – соотношение количественно или качественно оцениваемого результата социальной деятельности с мерой или степенью реализации нормативно заданной цели или идеала общественного развития [15].

М.В. Белова под социальной эффективностью инвестиций понимает «...способность экономического капитала воспроизводить, накапливать и увеличивать человеческий потенциал» [6], а у Р.А. Белоусова – это характеристика социальной системы с позиций качества, результативности и своевременности достижения ее целей, а также ее соответствие запланированному состоянию [7]. По В.Н. Иванову социальная эффективность – степень достижения социальных целей, приближение к выполнению социальных нормативов [14]. И.С. Парфенова, считает, что социальный эффект заключается в повышении уровня знаний и культуры, укреплении здоровья посредством вложения в непроектную сферу [19]. Существует и другие подходы [9, 12].

С нашей точки зрения социально-экономическая эффективность – это достижение максимальных стратегических целей комплексного социально-экономического развития территориальной природно-хозяйственной системы при заданных ограничениях по ресурсам, которые для этого могут быть привлечены. Обратная задача предполагает минимизацию всех видов ресурсов, необходимых для достижения фиксированного уровня социально-экономического развития ТПХС. В контексте решения поставленных задач мы исходим из необходимости выстраивания итеративной процедуры развития ТКИ для различных частей Сибири и Дальнего Востока, разных временных отрезков с ориентацией на общий геополитический фон.

Вместе с тем, Л.Б. Вардомский считает, что Россия уже не сможет занять наиболее привлекательные ниши на тихоокеанских рынках [10]. Сибирь находится в значительно более благоприятных условиях. Это усиливает роль ТКИ, исключительно значимой для Сибири, а для развития Дальнего Востока ставит задачу максимального использования выгод его географического положения. ТКИ должна стать одним из главных элементов экономики макрорегиона.

Одновременно, можно согласиться с А.Н. Пилясовым, что в постиндустриальную эпоху промышленное освоение территории становится во многом венчурным процессом, поскольку ресурсы не существуют безотносительно к технологиям их извлечения, переработки и транспортировки

[18]. Важен и учет сильнейшей зависимости ресурсной базы от мировых цен на соответствующий товар [1].

П.Я. Бакланов, рассматривая теоретические вопросы устойчивого развития региона, вводит представления об экономических, социальных и экологических качествах регионального развития [2], что в общем шире категории социально-экономической эффективности. Анализируя контактные структуры и функции Дальневосточного региона, уникальные особенности его экономико-географического и геополитического положения, он обосновывает необходимость совершенствования территориального управления и административно-территориального устройства. Рассматривая соотношение безопасности, устойчивости и эффективности регионального развития, он существенно более оптимистично, чем Л.Б. Вардомский, оценивает перспективы развития региона.

В другой своей статье, посвященной проблемам комплексобразования в приморских зонах, он подчеркивает, что акваториальные системы – это трехзвенные географические образования, состоящие из природно-ресурсных, техногенных и социально-экономических компонентов, размещенных в приморских, ... районах, на морских акваториях, ... а также – связывающих их морских берегов с соответствующими инженерными устройствами и сооружениями. Центральным интегральным компонентом географических аква-территориальных структур предлагается рассматривать любое поселение, расположенное непосредственно на морском побережье [3]. Эта мысль представляется очень важной, так как акцентирует внимание на межпоселенческую интеграцию.

Методологические и методические проблемы географии транспорта, в том числе вопросы транспортной доступности как общенаучной категории, наиболее подробно рассмотрены в работах В.Н. Бугроменко. Им был предложен новый показатель обеспеченности территории транспортной сетью – интегральная транспортная доступность (ИТД) и дана экономическая оценка ИТД в ее связи с категорией «единая транспортная сеть» [8]. И сегодня не устарели введенные им нормативы территориального развития транспортных сетей, варианты экономиче-

ской оценки транспортно-географического положения отдельных объектов и районов. Востребованной на новом этапе освоения Сибири и Дальнего Востока становится и предложенная А.А. Минцем концепция комплексной оценки территориальных сочетаний природных ресурсов, а также концепция ресурсных циклов И.В. Комара.

Реосвоение рассматриваемых регионов требует создания благоприятных внешнеполитических условий, повышения степени использования инновационного потенциала, формирование эффективной системы расселения Дальнего Востока, способной обеспечить приемлемые условия жизни для населения. И транспортная составляющая играет важную роль при решении всех этих задач.

Полученные результаты и их обсуждение. Пилотный анализ пространственной дифференциации восточной части России, проведенный в рамках работ по гранту РГО-РФФИ, позволил выделить несколько целевых субрегионов с разным уровнем транспортно-коммуникационной освоенности и возможностями ее наращивания:

1. Юг Сибири и Дальнего Востока, где развитие ТКИ является основным инструментом формирования низкоплотных агломераций, в качестве критерия социально-экономической эффективности для которых может выступать разнообразие мест приложения труда, услуг и досуга. В состав этого субрегиона вошли ядерные и субъядерные территории (расположенные в коридоре прохождения Транссиба и иных коммуникаций, как правило, приграничные) следующих субъектов РФ: юг Красноярского края, юг Иркутской области, юг Хабаровского края, Еврейская АО, юг Приморского края.

2. Геополитически значимые для России береговые зоны (побережья Тихого и Северного Ледовитого океанов), где развитие ТКИ является базовым условием устойчивости их существования как основного критерия социально-экономической эффективности. Там, где уровни концентрации позволяют, возможно формирование протоаква-территориальных систем (АТС). Субрегион включает в свой состав прибрежные территории Приморского и Хабаровского краев, Магаданской области, Чукотского АО и Республики Якутии, Сахалинскую область и Камчатский край.

3. Слабоосвоенные внутриконтинентальные части Восточной Сибири и Дальнего Востока с низкоплотной социально-экономической средой, где развитие ТКИ обеспечивает возможность эксплуатации территориальных комплексов природных ресурсов (протокластеров), в т.ч. низкокачественных, чье раздельное освоение экономически невыгодно и социально расточительно. В качестве критерия экономической эффективности для них выступает минимум совокупных издержек на развитие и поддержание ТКИ при фиксированных на длительный временной отрезок объемах добычи и рентабельной конъюнктуре рынка переработки природных ресурсов. Субрегион включает в себя основную часть Республики Якутия и Красноярского края, континентальные районы Магаданской области и Чукотского АО.

4. Западная Сибирь за исключением арктического побережья и горных территорий, где сформирована ТКИ, в целом обеспечивающая потребности экономики.

Рассмотрим в предварительном плане основные подходы к оценке Юга Сибири и Дальнего Востока, где развитие ТКИ является основным инструментом формирования низкоплотных агломераций. Общеизвестно, что эффекты урбанизации проявляются при высокой концентрации (плотности) субъектов экономических отношений (хозяйственной деятельности) и диверсификации этой деятельности. При близости субъектов происходит активный обмен и переток знаний, умений и компетенций. Формирование новых технологий за пределами городов возможно, но сильно ограничено. Расширяется и рынок труда, в т.ч. в части «творческих профессионалов».

В общем случае разнообразие является «матрешечным» понятием: разнообразие отраслей народного хозяйства (ОКОНХ) или видов деятельности (ОКВЭД); внутри ОКОНХ – разнообразие отраслей (например, внутри промышленности – топливно-энергетический комплекс, черная и цветная металлургия и т.д.); внутри отрасли промышленности – разнообразие подотраслей (например, угольная, газодобывающая промышленность и т.п.) и предприятий (например, шахта «Распадская»). Конечной ячейкой расчета разнообразия является хозяйствующий субъект

(в идеале пространственно-локализованное предприятие). При этом расстояние рассматривается как индикатор познавательной (степень близости в знаниях, умениях и компетенциях), а также, организационной (близость органов власти и управления), социальной (степень доверия), трудовых, институциональной, технологической, ментальной и иных видов близости.

В случае высокой моноспециализации (монофункциональности) города или региона (обедненном разнообразии) возможен «эффект блокировки», когда обмен между организационно и технологически близкими субъектами не происходит. В противоположном пространственном варианте (отсутствие или неразвитость ТКИ), он будет отсутствовать или крайне мал из-за невозможности взаимодействия между «удаленными» субъектами (агентами). Поэтому важно не просто разнообразие хозяйствующих субъектов и участников трудовых отношений в городе или регионе, а разнообразие в смежных отраслях – так называемое «связанное разнообразие» (от англ. *related variety*). Иными словами, максимальное разнообразие обеспечивает конструкция подобная ТПК и его сетевого каркаса – ЭПЦ.

Основной эффект оценивается через увеличение свободы выбора мест приложения труда, учебы, отдыха и т.п. Таким образом, критерием эффективности развития ТКИ может выступать повышение уровня разнообразия и сложности, запуск агломерационных и кластерных процессов, что позволяет оценить синергетический эффект, когда разнообразие и сложность растут за счет агломерирования отдельных в т.ч. монопрофильных населенных пунктов.

Обычно для формульного решения данной задачи используются различные модификации формулы Шеннона [23]. На понятийном уровне в науке введена негэнтропия как противоположная энтропии. Она характеризует открытую архитектуру свободной энергии в течение длительного времени, увеличивая ее внутри системы и делая более доступной. Это способствует тому, чтобы система стала более организованной, эффективной и достигла стабильного уровня функционирования, вследствие постепенного увеличения ее энергии [24]².

² Первые подходы к оценке разнообразия отраслевой структуры городов на основе формулы Шеннона предпринимались еще в работах А.Н. Бахчиева и П.П. Лебедева [5].

Р. Бошма [29] также оценивает отраслевое разнообразие с помощью формулы энтропии Шеннона:

$$E = \sum S_i \times \log \frac{1}{S_i},$$

где E – индекс энтропии Шеннона, S_i – доля отдельной отрасли в регионе.

Доля каждой отрасли (P_g) при двухуровневом разбиении состоит из суммы долей подотраслей при большем уровне разбиения (P_i):

$$P_g = \sum P_i,$$

где g – это отрасль хозяйства (промышленности), i – это подотрасль хозяйства (промышленности). Иными словами, возможно несколько уровней.

Тогда соотношение разнообразия на пятом уровне по отношению к первым двум уровням является показателем связанного разнообразия.

Энтропия подотраслей (H_g) рассчитывается по следующему формуле:

$$H_g = \sum \frac{P_i}{P_g} \log_2 \left(\frac{1}{P_i / P_g} \right).$$

Связанное разнообразие (RV) – это сумма произведений доли отрасли (P_g) на энтропию подотраслей (H_g):

$$RV = \sum P_g \times H_g.$$

Считается, что связанное разнообразие оказывает положительное влияние на рост занятости. В свою очередь разнообразие в регионе оказывает значимое влияние на инновационные процессы. Общеизвестно, что эффекты урбанизации проявляются при высокой концентрации (плотности) субъектов экономических отношений (хозяйственной деятельности) и диверсификации этой деятельности. Таким образом, критерием эффективности может выступать повышение

уровня разнообразия и сложности, запуск агломерационных и кластерных процессов.

Апробация подходов, ориентированных на оценку социально-экономической эффективности процессов агломерирования, а также на выявление преимуществ агломераций в регионах Дальнего Востока, была осуществлена на материале юга Приморского края, как части так называемого Большого Владивостока. Агломерация в указанных границах включает в себя собственно городской округ Владивосток и три ближайших к нему (смежных) муниципальных образований. Считается, что расположенные не смежно с городским округом Владивосток городские округа: Уссурийск (194 тыс. чел.), Большой Камень (40), Фокино (31), Находка (157), если их интерпретировать как потенциальных участников Большой низкоплотной Владивостокской агломерации, могут повысить ее население до 1,2 млн жителей.

Экспериментальный расчет был осуществлен на примере крупных промышленных предприятий для 4 наиболее компактно сгруппированных муниципальных образований: ГО Владивосток, ГО Артем, Надеждинский и Шкотовский МР, представляющих собой ядро Владивостокской агломерации.

Полученные при расчете значения локального разнообразия и соотнесение их с интегральным, демонстрируют значительный рост разнообразия мест приложения труда в промышленности для каждой из составных частей Владивостокской агломерации: Владивосток – в 1,4 раза; Артем – в 4,3 раза; Надеждинский МО – в 156 раз; Шкотовский МР – в 156 раз.

Данные результаты демонстрируют, что основные преимущества от агломерирования, с точки зрения роста разнообразия мест приложения труда, предоставления услуг и отдыха, получают жители малых, периферийных поселений. А учитывая комплексный характер синергии агломерирования,

Таблица 1
Основные параметры муниципальных образований ядра Владивостокской агломерации

Муниципальное образование	Территория (тыс. км²)	Население (тыс. чел.)
ВСЕГО	5,3	806
в том числе:		
ГО Владивосток	0,5	631
ГО Артём	0,5	113
Надеждинский МР	1,6	38
Шкотовский МР	2,7	24

Составлено по материалам Мультистат.

далеко выходящей за границы промышленности (имеется ввиду множество других сфер деятельности), эти преимущества будут многократно большими.

В границах береговых зон, где отсутствуют возможности формирования агломераций (в частности, на большей части Тихоокеанского и Арктического побережий), основным направлением повышения эффективности существующей и проектируемой ТКИ, является развертывание опорной сети многофункциональных поселений. При этом следует помнить, что в крупных странах проблемы береговой зоны рассматриваются в контексте наращивания морской мощи, предусматривающей государственные программы освоения ресурсов Мирового океана с учетом их военно-стратегического обеспечения. При этом военно-морская мощь должна соответствовать масштабам океанической хозяйственной деятельности. В.А. Дергачев предложил концепцию МОРЕМАР³, полагая, что в будущем, по мере расширения освоения энергетических ресурсов Мирового океана, в первую очередь континентального шельфа, МОРЕМАР станет ключевым объектом геополитики.

Сегодня Россия вынуждена вновь выходить на океаническое пространство международных коммуникаций, в т.ч. и для обеспечения своей целостности и конкурентоспособности. Как считает ряд экспертов (П.Я. Бакланов, В.С. Бондаренко, В.А. Дергачев, В.А. Шупер и др.) преодоление незавершенности тихоокеанского фасада России требует формирования единой системы расселения на Дальнем Востоке, которая не была завершена в советские времена. Островной характер систем расселения – ярчайшее свидетельство крайне низкого уровня освоения территории и соответственно потенциально низкой эффективности ТКИ.

Все это требует новых моделей развития береговых зон России. На Тихоокеанском и Арктическом побережье необходимо создание опорной сети многофункциональных поселений, ориентированных на геополитическое удержание прибрежных территорий и создание предпосылок для выбороч-

ного освоения внутренних территорий. Это в свою очередь создает условия для формирования прото-АТС. Хорошо известно, что формирование аква-территориальных систем начинается с момента выхода социально-экономических подсистем за границы береговых зон. Этот выход невозможен без:

- включения в агломерационные процессы прилегающих к береговым зонам внутриконтинентальных и морских подсистем;
- формирования высокоэффективной транспортно-коммуникационной инфраструктуры;
- оптимизации пропорций в многосторонних связях;
- административного и институционального оформления.

Формирование ориентированных на геополитическое удержание прибрежных территорий и создание предпосылок для выборочного освоения внутренних территорий малых береговых опорных баз предполагает создание многофункциональных центров (оборона, навигация, мониторинг, опорные базы внутриконтинентальной колонизации) на основе транзитно-распределительных интегрированных транспортных коммуникаций.

При общей «опустыненности» северных и восточных побережий России, в отдельных их частях существуют предпосылки для формирования АТС и встраивания в их состав усеченных низкоплотных агломераций. В предварительном плане в качестве таковых могут быть определены: Петропавловск-Камчатская, Южно-Сахалинская и Совгаванско-Ванинская прото-АТС.

Выводы. Масштабы территории Сибири и Дальнего Востока требуют регионально адаптированных подходов к развитию транспортно-коммуникационной инфраструктуры и необходимого разнообразия методов оценки социально-экономической эффективности ее развития.

Для каждого из субрегионов этого мега-региона потребовалось формулирование специфических задач и методов их решения.

³ МОРЕМАР – геополитическое и геоэкономическое понятие теории Больших многомерных пространств и концепции рубежной коммуникативности. Береговая зона, или контактная зона суша-море (океан) – исторический плацдарм колонизации Земли и создания геополитических и геоэкономических форпостов, основа эксцентрированных океанических природных систем. Береговая зона морей и океанов играет исключительно важную роль в становлении геополитической и геоэкономической мощи государства. Если страна развивается «лицом к морю», то её мощь прирастает за счет открытости к миру. Когда страна становится на путь изоляционизма, возникает угроза её распада за счет утраты коммуникационных функций [14].

Для относительно освоенных пространств юга Сибири и Дальнего Востока возможно использование модернизации ТКИ для формирования низкоплотных агломераций, мерой эффективности которых выступает рост разнообразия мест приложения труда, услуг и досуга. При этом остается трудно разрешимой проблема оценки затратной части, в силу информационной раздробленности ТКИ. Кроме того, несмотря на многочисленные работы в области оценки эффективности высокоскоростного транспорта, остается под вопросом уровень детерминированности роста их производительности. Существенно иной и более сложно разрешимой проблемой является

формирование опорного каркаса расселения на океанических побережьях. Здесь потенциал даже для формирования низкоплотных агломераций крайне мал, а геополитический контекст требует регулярной сети базовых пунктов. В предварительном плане исследование указывает в качестве наиболее эффективного варианта создание малых универсальных центров с опорой на транзитно-распределительную инфраструктуру.

Проблемы развития ТКИ во внутриконтинентальных территориях еще более сложные, с точки зрения оценки их эффективности и требуют отдельной серьезной проработки.

Библиографический список

1. Бабурин В.Л. Развитие территориальных природно-хозяйственных систем как основы экономики // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2012. № 5. С. 5–13.
2. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. 144с.
3. Бакланов П.Я., Романов М.Т., Мошков А.В. Особенности комплексобразования в приморских регионах // Вопросы географии океана: Тез. докл. I Всесоюз. конф. Л.: ГО СССР, 1983. С. 108–110.
4. Бахтияров Е.И. Социальная эффективность информационной системы управления предприятием: дисс. ... канд. соц. наук. Тюмень, 2008. 181 с.
5. Бахчиев А.Н., Лебедев П.П. Количественное и картографическое представление соседского положения // Новое в тематике, содержании и методах составления экономических карт. М.: МФГО СССР, 1974. С. 223–229.
6. Белова М.В. Социальная эффективность инвестиций в материальное производство: дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 2005. 272 с.
7. Белоусов Р.А. Общий и специальный менеджмент / Общ. ред. А.Л. Гапоненко; А.П. Панкрухин. М.: Изд-во РАГС, 2000. 568 с.
8. Бугроменко В.Н. Транспорт в территориальных системах. М.: Наука, 1987. 112 с.
9. Валиурова Л.С., Евтушенко Е.В., Исакова Э.И., Казаков М.В. Оценка эффективности развития региональных социально-экономических систем: учеб. пособие. Уфа: БАГСУ, 2012. 84 с.
10. Внешнеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2014. 218 с.
11. Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России / Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. 640 с.
12. Гаман-Голутвина О.В., Сморгун Л.В., Соловьев А.И., Туровский Р.Ф. Эффективность государственного управления в Российской Федерации в 2008 году // Ежегодный доклад Института общественного проектирования, 2008. 86 с. URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter2.pdf>
13. Дергачев В.А. Геоэкономический словарь-справочник. Одесса: ИПРЭИ НАНУ, 2004. 177с.
14. Иванов В.Н., Иванов А.В., Доронин А.О. Управленческая парадигма XXI века. Т. 1. М.: МГПУ, 2002. 180 с.
15. Калиниченко Л.А. Социальная организация государственной службы. М.: РАГС, 2000. 177 с.
16. Маергойз И.М. Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, 1986. 272 с.
17. Нагимова А.М. Государственное управление качеством жизни регионального социума: методология оценки эффективности: автореф. дисс. ... д-ра соц. наук. Казань, 2011. 46 с.
18. Ногин В.Д. Принятие решений в многокритериальной среде: количественный подход. М.: Физматлит, 2002. 144 с.
19. Парфенова И.С. Социальная эффективность профессиональной переподготовки безработных: опыт социолого-управленческого анализа: дисс. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2005. 188 с.
20. Петросян Л.А., Зенкевич Н.А., Шевкопляс Е.В. Теория игр. СПб: БХВ-Петербург, 2012. 432 с.
21. Пиясов А.Н. И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знаний. М.: Кн. дом «Либроком», 2009. 544 с.
22. Растворцева С.Н., Фаузер В.В., Задорожный В.Н., Залевский В.А. Социально-экономическая эффективность регионального развития / Отв. ред. С.Н. Растворцева. М.: Экон-Информ, 2011. 131 с. (Б-ка менеджера; Вып. 17).
23. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд. иностр. лит., 1963. 832 с.
24. Энтропия и неэнтропия / Лиза Ренее. URL: www.energeticsynthesis.com.
25. Boschma R. Proximity and Innovation: A Critical Assessment // Regional Studies. 2005. V. 9(1). P. 1–74.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

УДК 314.151

Эндрюшко А.А. (Москва)

МАСШТАБЫ И НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ (1989–2015 ГГ.)

Endryushko A.A.

SCOPE AND DIRECTIONS OF YOUTH MIGRATION OF THE IRKUTSK REGION (1989–2015)

Аннотация. Проблема депопуляции населения восточных регионов страны в целом, и Иркутской области в частности, усиливается устойчивым миграционным оттоком населения, особенно молодого. Это ускоряет процессы старения в регионе и увеличивает нагрузку на трудоспособное население. В статье представлен анализ масштабов и направлений миграции молодежи Иркутской области с использованием данных трех последних переписей населения (1989, 2002, 2010 гг.) и данных текущего учета (2012–2015 гг.). Обнаружено, что 50% районов области имеют отток молодежи более 45%, остальные – 10–30%. Небольшой положительный эффект имеет возвратная миграция после учебы (23–27 лет), но она не способна компенсировать высокий уровень потерь более ранних возрастов. Вокруг столицы региона сформировалось окружение демографически «депрессивных» городов и районов и их окончательное истощение видится неизбежным в ближайшем будущем.

Abstract. The problem of depopulation of the population of the eastern regions of the country in general, and of the Irkutsk region in particular, is strengthened by a steady migration outflow, especially the young. This accelerates the aging processes in the region and increases the burden on the able-bodied population. The article presents an analysis of the scope and trends of migration of young people in the Irkutsk region using the data of the last three population censuses (1989, 2002, 2010) and currently compiled statistics data (2012–2015). The study found that 50% of the districts of the region have an outflow of youth of more than 45%, the rest – 10–30%. A small positive effect has a return migration after school (23–27 years), but it is not able to compensate for the high level of losses of earlier ages. Around the capital of the region, an environment of demographically "depressed" cities and districts was formed and their final depletion is seen as inevitable in the near future.

Ключевые слова: Иркутская область, миграция, молодежь, депопуляция, всероссийская перепись населения, текущий учет, метод «передвижки возрастов».

Key words: Irkutsk region, migration, youth, depopulation, Russian Census, currently compiled statistics, «cohort component method».

Введение и постановка проблемы.

Одной из значимых проблем современной России является депопуляция населения. В восточных регионах страны она усугубляется устойчивым миграционным оттоком. Иркутская область не является исключением. Данные текущего учета, скорректированные с учетом двух последних переписей, показывают, что регион с 1991 г. испытывал миграционную убыль. Это связано с тенденциями миграции в России в целом: выездом людей из районов севера и востока страны, а также направлением, которое ученые называют «западным дрейфом» [10]. К 2015 г. в Иркутской области по-прежнему наблюдается миграционная убыль населения, особенно

молодого. Увеличивается демографическая нагрузка на трудоспособное население, происходят процессы старения населения. По этой причине исследования миграции молодежи имеют особую значимость.

Согласно результатам зарубежных и российских исследований, наиболее активно участвует в миграции населения молодежь. Она, по сравнению с людьми старших возрастов, более свободна от стереотипов и предрассудков, обладает высоким уровнем мотивации к миграции. Сейчас молодежная миграция способна проявлять себя как никогда раньше, поскольку для нее сформированы подходящие условия: быстрый и доступный транспорт, наличие коммуникаций, развитие

торговли, образования и другие факторы. В свою очередь, миграция молодежи, имеет важное для общества демографическое, экономическое, социальное и культурное значение.

Следует сразу отметить, что в социально-гуманитарных науках понятие «молодежь» толкуется широко. Для данной работы подходит определение, данное В.Т. Лисовским: «...это поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих или усвоивших образовательные и другие социальные функции. В зависимости от конкретных условий, возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [7]. «Конкретными условиями» в нашем случае являются используемые в работе данные официальной статистики (текущего учета и переписи населения). Для удобства анализа возрастные рамки молодежи в работе ограничены 16–29 годами.

В России важность изучения миграции молодежи определяется также в целом ее недоизученностью. Например, Всероссийская перепись населения 2010 г. показала довольно крупные отклонения в подсчете населения [1, 8]. Это свидетельствует о неточности данных о миграции, особенно на региональном уровне, что вынуждает пользоваться сразу несколькими источниками (перепись, текущий учет). При этом региональных исследований миграции молодежи проводится недостаточно.

Целью данной статьи является анализ масштабов и направлений миграции молодежи на уровне городов и районов Иркутской области за два последних межпереписных периода и в последующие годы.

Изученность проблемы. Опыт изучения внутристрановой миграции молодежи имеет давнюю историю в советской и российской науке. Отток молодежи из села в город, из столицы регионов в более крупные города и столицу страны активно изучался ещё во времена СССР и остается актуальным предметом исследований в настоящее время.

Преобладание молодежи во внутренних миграционных потоках считается довольно типичным. Ещё в 1975 г. В.И. Переведенцев отмечал, что «...более 60% всех прибывших в города и выбывших из них находятся в возрасте 15–29 лет...» [14]. Также он выделял три главных потока молодежи в направлении село-город: 15–16 лет, после окон-

чания неполной средней школы; 17–18 лет по окончании средней школы и 20–21 год, после службы в армии. В настоящее время возраст основных потоков немного изменился. В связи с повсеместным распространением высшего образования пик возраста 15–16 сместился на 17–18 лет – после окончания средней школы. Снизилась и роль миграции после армии. При этом, получение высшего образования дало большое число перемещений молодежи в возрасте 22–23 года.

Из ученых советского периода особенно стоит выделить Т.И. Заславскую и ее идеи о влиянии субъективных факторов на процесс миграции и мотивы миграционного поведения [3]; Л.Л. Рыбаковского и его концепцию трехстадийности миграционного процесса (подготовительная, основная и завершающая стадии) [15]. Ж.А. Зайончковская, В.М. Моисеенко, Н.В. Тарасова рассматривали региональные и пространственные аспекты миграции. Ж.А. Зайончковская производила оценку миграционных потерь сельской местности за межпереписные периоды 1959, 1970 и 1979 гг. [2], используя метод «возрастной передвижки».

С момента распада СССР основным трендом миграции молодежи в России стал «западный дрейф» – миграция из периферийных районов страны в центральные части, центростремительные перемещения в крупные города и регионы. Указанные тренды характерны для миграции в целом, но у молодежи они выражены сильнее.

Сейчас вопросы миграции молодежи в России также исследуются учеными довольно подробно. Например, работы А.Л. Арефьева, М.Б. Денисенко, А.П. Катровского, Л.И. Леденевой, Д.В. Полетаева, О.С. Чудиновских посвящены изучению миграции студентов и учебной миграции.

Пристально занимаются изучением миграции молодежи Н.В. Мкртчян и Л.Б. Карачурина [4, 9, 13]. Они рассматривают вопросы миграции молодежи в региональные центры России в период конца XX – начала XXI в., используя, в том числе, метод «передвижки возрастов» для оценки миграционных потерь (подробнее о методе ниже). Как было упомянуто выше, это метод использовался Ж.А. Зайончковской для оценки миграционных потерь сельской местности РСФСР в межпереписные периоды 1959, 1970 и 1979 гг., и продолжает

использоваться Н.В. Мкртчяном, Л.Б. Карачуриной и И.С. Кашницким [5].

Материалы и методика исследования. В настоящее время в России применяются два основных источника сведений о населении: данные текущего учета демографических событий и миграции, а также данные переписей населения. Существуют также редкие, преимущественно нерепрезентативные обследования, которые не позволяют делать количественную оценку миграции.

В советский период текущий учет мигрантов считался наиболее достоверным источником, поскольку очень жестко регулировался процесс регистрации населения по месту жительства. В постсоветской России, когда изменились правила регистрации, ухудшилось и качество текущего учета [5, 16, 17]. Вплоть до последнего изменения методики учета миграции одной из основных его проблем считалась неспособность учесть молодежную, особенно образовательную миграцию. Только в 2011 г. стали регистрироваться те, кто пребывает на срок 9 месяцев и более, что сразу дало «рост» молодежной миграции.

Для анализа миграции молодежи Иркутской области нами использованы:

- данные текущего учета миграции по Иркутской области, полученные с официальных сайтов Федеральной службы государственной статистики – базы данных муниципальных образований в период 2012–2015 гг.;
- данные трех последних Всероссийских переписей населения (далее ВПН): 1989, 2002, 2010 гг., полученные из региональных статистических сборников по итогам переписей (1989 г.), а также по специальному запросу из Росстата. Данные ВПН обладают также несомненным преимуществом – они позволяют проводить анализ внутри региона, на уровне низовых административно-территориальных единиц.

Основной метод – метод «передвижки возрастов», который позволяет оценить миграцию за межпереписные периоды. При его помощи мы оцениваем миграцию молоде-

жи за два межпереписных периода 1989–2002 и 2002–2010 гг. на уровне городов и административных районов Иркутской области. Это позволяет увидеть, как менялась численность интересующей нас когорты – от детских возрастов к возрасту, в котором наблюдается высокая миграционная активность.

Обычно, когда применяют метод «передвижки», учитываются также числа умерших либо вероятность дожития для выбранной возрастной группы. Однако, для выбранной нами когорты вероятность дожития очень высока. И. Кашницкий показывает, что вклад смертности в изменение численности когорт, которые достигли к 2010 г. студенческого возраста (18–22 года), не превышал 1% от численности этой когорты в 2002 г. [5]. Поэтому мы полагаем, что вкладом смертности в выбранной нами возрастной группе можно пренебречь.

Иркутская область на фоне других сибирских регионов. Как уже было упомянуто, периферийные районы страны в большей степени отдают свое население (особенно Сибирь и Дальний Восток). Из 12 регионов Сибирского федерального округа (СФО) только 4 имеют положительный миграционный прирост к 2015 г. А Иркутская область находится на втором месте по оттоку населения, пропуская «вперед» лишь Забайкальский край, где ситуация ещё хуже (см. табл. 1).

Данные текущего учета. По данным Росстата, численность населения Иркутской области на 1 января 2017 г. составила 2408,9 тыс. чел. Городское население составляет 78,9%¹. В области 22 города (из них 14 – областного подчинения), 54 поселка городского типа, 33 административных района, 1488 сельских населенных пунктов. Три города из 22 имеют численность свыше 100 тыс. чел.: Иркутск (623,4 тыс.), Ангарск (226,8), Братск (234,1). Иркутск вместе с Иркутским районом, городами Ангарск и Шелехов образуют агломерацию с суммарной численностью населения около 1 млн чел.

Согласно текущему учету, ежегодная миграционная убыль населения за 1990–2015 гг. составляла 5–15 тыс. чел. в год

¹ Данные Территориального органа государственной статистики по Иркутской области. URL: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/09dc69804e42364fb64ef6395b460ee0/post_nasel_obl_2017.html

Таблица 1

Миграционный прирост (убыль) регионов СФО, 2013–2015 гг.

Субъект Федерации	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Республика Алтай	-749	19	-220
Республика Бурятия	-3 579	-1276	-2 006
Республика Тыва	-3 411	-2486	-2 380
Республика Хакасия	-321	571	313
Алтайский край	-6 419	-3269	-4 457
Забайкальский край	-8 554	-6742	-7 207
Красноярский край	1 391	935	2 753
Иркутская область	-8 553	-7164	-6 114
Кемеровская область	-5 917	-5314	-1 941
Новосибирская область	19 991	13615	12 365
Омская область	-2 773	702	-1 800
Томская область	3 716	2263	108

Источник: Иркутстат.

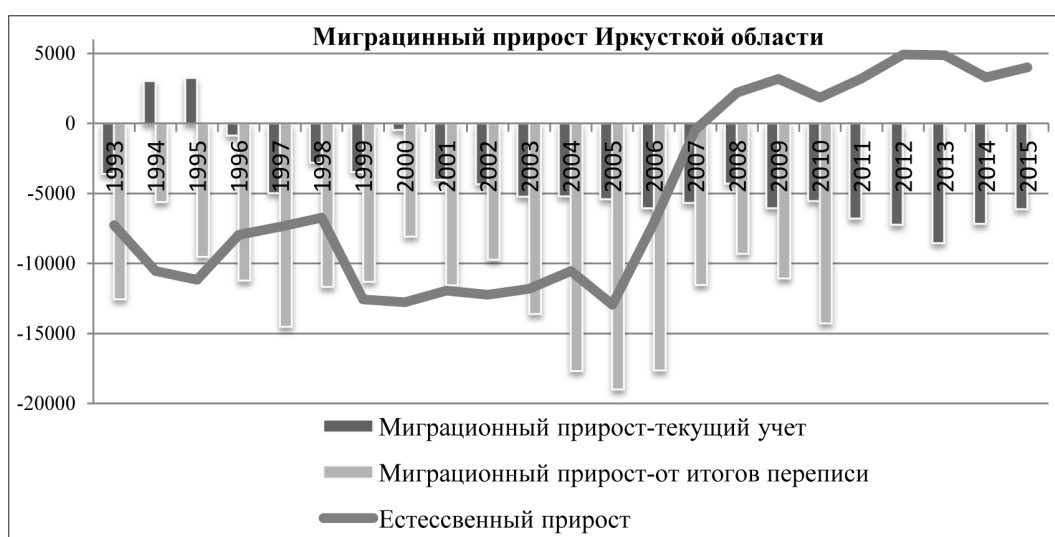

Рис. 1. Миграционный прирост по текущему учету, по итогам переписи, естественный прирост Иркутской области в 1993–2015 гг., чел.

Источник: Данные ЕМИИС.

(см. рис. 1). Однако данные текущего учета не всегда отражают реальную картину, что связано с регистрацией по месту жительства (до 2010 г. учитывалась только миграция зарегистрированных по месту жительства) и пребывания. Поэтому масштабы оттока больше, чем фиксирует официальная статистика. Также на графике видны значительные расхождения в цифрах миграционной убыли по текущему учету и с учетом данных переписи населения.

По данным исследований во внутри-российской миграции более 40% прибывших составляла молодежь в возрасте 17–29

лет [11]. Эта тенденция подтверждается и в Иркутской области (см. рис. 2). В возрастной группе 15–29 лет видны пики наибольших перемещений. Наблюдается прирост в региональном центре и агломерации (Ангарск и Шелехов), в других же районах значительный отток. Доля молодежи в возрасте 16–29 лет от общего количества прибывших составляет 39,8%, среди выбывших – 38,74%.

Внутрирегиональная и внешняя (для региона) миграция. Во внутрирегиональной миграции отчетливо видны потоки

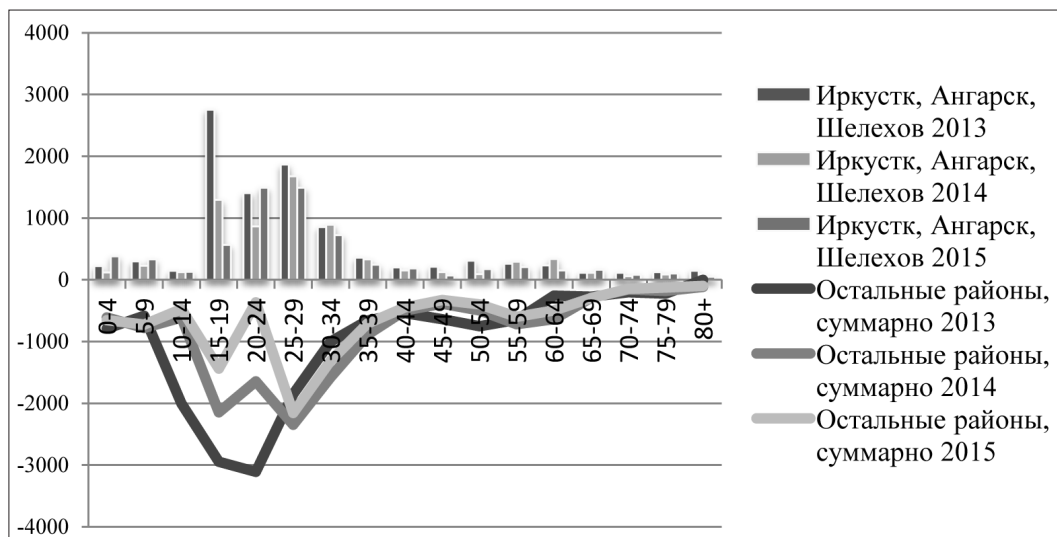

Рис. 2. Миграционный прирост по пятилетним возрастным интервалам, 2013–2015 год, чел.

Источник: Росстат, БДМО.

Рис. 3. Возрастной профиль внутрирегиональной миграции Иркутской области, городская и сельская местность, 2015 г., чел.

Источник: Росстат.

между городской и сельской местностью (см. рис. 3). На графике они «зеркально» отражают друг друга: в 15–19 лет из села в город, а в 20–24 года наблюдается отток из города в село, что связано с возвратной миграцией части молодежи после учебы. Однако в возрастной группе с 25 до 39 лет сельская местность снова теряет население. Высокая доля возвратной миграции после 20 лет может быть связана не с реальным возвратом после учебы, а лишь с особенностями учета. Когда молодежь перестает числиться студентами и снимается с места времен-

ной регистрации, она автоматически учитывается по месту постоянной регистрации. В то время как молодые люди могут остаться в городе, где учились, не регистрируясь по месту пребывания.

По возрастному профилю внешней (для региона) миграции видно, что миграция за пределы региона зависит от статуса населенного пункта. Наблюдается значительный отток за пределы региона из городской местности, хотя здесь может играть роль тот факт, что население Иркутской области на 78% городское (см. рис. 4).

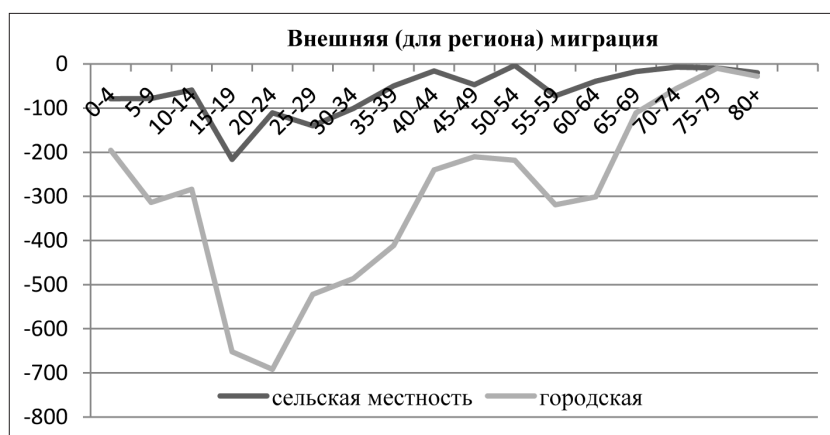

Рис. 4. Возрастной профиль внешней (для региона) миграции Иркутской области, городская и сельская местность, 2015 г., чел.

Источник: Росстат.

Направления миграции молодежи.

Миграционный прирост складывается из миграционных потоков. На основе данных текущего учета за 2012–2015 гг. мы рассчитали коэффициенты выбытия внешней (для региона) и внутрирегиональной миграции по районам и городским округам Иркутской области. Поскольку показатель относительный (на 1000 населения), его можно сравнивать. По самым крупным городским округам (Иркутск, Ангарск, Братск, Усть-Илимск) коэффициенты выбытия выше для внешней (для региона) миграции (табл. 2). То есть, миграция из наиболее крупных городов области направлена в большей степени за её пределы. Для остальных же городских округов коэффициенты внутрирегиональной миграции превышают коэффициенты внешней в 2 и более раз.

По муниципальным районам коэффициенты миграционного выбытия внешней (для региона) миграции выше внутрирегиональной в тех районах, которые находятся на пограничной части региона – Тайшетский, Усть-Кутский, Казачинско-Ленский, за исключением Катангского и Усть-Илимского, что показывает процессы «стягивания» молодежи региона из периферийных районов в центральную его часть (прежде всего, в региональный центр). Также значение выше у Ангарского района, что, скорее всего, связано с тем, что он входит в Иркутскую агломерацию и теряет население подобно региональному центру. В целом же, коэффици-

енты выбытия по муниципальным районам выше для внутрирегиональной миграции, чем внешней (для региона).

Межрегиональная миграция молодежи (по данным ВПН 2010 г.). Данные ВПН 2010 г., в которой задавался вопрос: «Где Вы проживали в октябре 2009 года?», позволили нам проанализировать потоки межрегиональной миграции по отдельным возрастным группам. Мы выделили регионы оттока/притока молодежи возраста 16–29 лет.

Среди тех, кто ответил, что в 2009 г. проживал(а) в Иркутской области, отчетливо виден отток в Красноярский край, Республику Бурятия и Забайкальский край. Причем пик оттока в Красноярский край приходился на 18–19 лет – возраст начала учебы, а в Бурятию и Забайкальский край – на 22–23 года – возраст возврата после учебы. Также значима миграция с Новосибирской областью, которая является ещё одним крупным образовательным центром, «забирающим» молодежь (пик оттока – 17–18 лет). Отток в Москву и Санкт-Петербург выше, чем в регионы СФО (см. табл. 3).

Из числа молодых жителей (16–29 лет) Иркутской области, сказавших, что в октябре 2009 г. они проживали в другом регионе, преобладают приехавшие из Республики Бурятия и Забайкальского края. Это говорит о том, что Иркутская область способна «притянуть» население только из ещё более неблагополучных в миграционном плане, более восточных регионов.

Таблица 2

*Коэффициенты миграционного выбытия лиц 16–29 лет
(на 1000 населения) по некоторым районам и городским округам
Иркутской области (2013, 2015 гг.)*

Муниципальный район/ городской округ	2013 г.		2015 г.	
	Внутрирегио- нальная	Внешняя (для региона)	Внутрирегио- нальная	Внешняя (для региона)
Городские округа				
г. Иркутск	16,0	18,0	23,6	23,5
Ангарское городское МО	–	–	17,2	24,4
г. Братск	15,6	39,5	19,5	36,7
Зиминское	47,5	15,5	51,7	20,3
г. Саянск	70,1	33,1	61,1	30,6
г. Тулун	46,0	23,2	35,8	22,2
г. Усолье-Сибирское	35,7	18,9	28,6	18,1
г. Усть-Илимск	31,2	66,5	25,4	55,0
г. Черемхово	37,5	11,8	34,1	13,7
г. Свирск	63,1	20,1	63,9	21,1
Муниципальные районы				
Нижнеудинский	53,9	29,9	37,1	28,7
Тайшетский	41,1	52,9	33,7	51,8
Братский	55,3	30,3	48,4	32,2
Бодайбинский	53,3	43,9	55,3	66,7
Катангский	90,9	28,5	59,2	32,3
Балаганский	83,7	25,2	65,2	9,1
Заларинский	102,9	19,2	83,3	14,9
Нукутский район	89,8	23,5	85,6	33,3
Ангарский	33,4	49,5	–	–
Иркутский	36,1	11,9	35,6	16,3
Усть-Кутский	37,9	47,1	33,3	42,5
Шелеховский	25,5	19,3	23,5	17,2
Казачинско-Ленский	53,1	55,6	32,0	41,9

Источник: БДМО.

Метод «передвижки» (по данным ВПН 1989, 2002, 2010 гг.). По методу возрастной «передвижки» мы оценили миграцию на уровне городов и районов Иркутской области за два межпереписных периода. За период 1989–2002 гг. за основу анализа брались две детские группы 1989 г.: 1980–1984 и 1975–1979 годов рождения, а за 2002–2010 гг. – три детские группы 2002 года: 1993–1997, 1988–1992, 1983–1987 годов рождения. Это связано с различием в продолжительности межпереписных периодов (в первом случае промежуток почти вдвое больше), а также с тем, что в переписи 2010 г. используются однолетние возрастные интервалы, что облегчает «передвижку» возраста.

Из когорт 1980–1984 гг. к 2002 г. в регионе осталось только 78,9%, а из когорт 1975–1979 гг. – 79,9% молодежи. Не наблюдается прироста за счет внешней для региона миграции, поскольку число 24–28 летних меньше численности 10–14 летних 14 годами ранее (см. табл. 4).

В 2002–2010 гг. процент потери молодежи для региона несколько меньше (порядка 15–20% для всех возрастных групп), однако также не наблюдается прироста за счет внешней (по отношению к региону) миграции, так как идет снижение численности по всем возрастным группам (см. табл. 5).

На уровне страны перемещение населения осуществляется центростремительно – с востока на запад, в наиболее крупные и экономически благополучные города. На уровне региона население сосредотачивается в региональном центре и ближайших к нему районах [11].

Согласно результатам исследований, основными «каналами» миграции молодежи выступает система высшего образования и рынок труда (как региональные, так и за пределами региона) [6].

Роль высшего образования. В последние годы популяризация высшего образования «закрепила» пик миграционной актив-

Таблица 3

Количество положительно ответивших на вопрос о том, что в 2009 г. они проживали в Иркутской области (2010 г.), чел.

Возраст	Москва и Московская область	Санкт-Петербург и Ленинградская область	Краснодарский край	Алтайский край	Красноярский край	Кемеровская область	Забайкальский край	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Республика Бурятия	Республика Якутия
16	20	23	17	0	114	4	9	32	4	0	62	7
17	57	56	6	5	247	11	3	151	13	37	67	6
18	45	53	20	9	315	10	12	101	11	29	84	9
19	19	20	20	24	120	20	56	44	9	14	97	21
20	26	20	21	33	142	32	96	61	19	18	135	32
21	36	17	16	22	117	37	60	53	28	9	140	34
22	46	34	34	25	182	16	87	51	25	13	190	39
23	40	22	34	18	159	13	59	42	15	9	157	44
24	34	35	29	4	104	9	44	48	15	14	123	33
25	32	8	19	14	90	13	38	34	7	8	102	28
26	40	14	29	6	75	3	27	30	8	6	85	17
27	22	10	24	3	74	10	35	32	3	4	72	21
28	21	15	25	11	67	7	24	24	6	0	66	13
29	29	14	22	9	57	5	19	29	4	0	61	20

Источник: ВПН-2010, база микроданных.

Таблица 4

Численность детей в 1989 г.р. и молодежи в 2002 г., Иркутская область, чел.

	1989 г.		2002 г.			
	1980–1984 г.р.	1975–1979 г.р.	1980–1984 г.р.	1975–1979 г.р.	в % к численности данной когорты в 1989 г.	
					1980–1984 г.р.	1975–1979 г.р.
Оба пола	256 270	231 912	202 163	185 442	78,9	79,9
Мужчины	129 650	117 616	100 837	92 620	77,8	78,7
Женщины	126 620	114 296	101 327	92 822	80,0	81,2

Рассчитано по данным ВПН 1989 и 2002 гг.

Таблица 5

Численность детей в 2002 г. и молодежи в 2010 г., Иркутская область, чел.

	2002 г.			2010 г.					
	1993– 1997 г.р	1988– 1992 г.р.	1983– 1987 г.р.	1993– 1997 г.р	1988– 1992 г.р.	1983– 1987 г.р.	в % к численности данной когорты в 1989 г.		
							1993– 1997 г.р	1988– 1992 г.р.	1983– 1987 г.р.
Оба пола	157 712	238 258	270 332	155 520	223 132	248 075	98,6	93,6	91,8
Мужчины	80 692	121 132	135 189	80 185	112 547	125 594	99,4	92,9	92,9
Женщины	77 020	117 126	135 143	76 141	110 585	122 481	98,9	94,4	90,6

Рассчитано по данным ВПН 2002 и 2010 гг.

ности молодых людей в возрастах окончания школы и поступления на программы бакалавриата. В такой ситуации, на уровне региона миграционно привлекательными

должны быть те города, где располагаются высшие учебные заведения. Однако, это не всегда так. В Иркутской области в 6 городах имеются вузы: Иркутск, Ангарск, Братск,

Таблица 6

Численность детей возрастных групп 10–14 и 15–19 лет в 2002 г. и данных когорт на дату переписи в 2010 г. в городах Иркутской области с возможностью получения высшего образования, чел.

Города	2002 г.		2010 г.			
	1988–1992 г.р.	1983–1987 г.р.	1988–1992 г.р.	1983–1987 г.р.	в % к численности данной когорты в 2010 г.	
					1988–1992 г.р.	1983–1987 г.р.
Иркутск	41 457	67 198	64 910	58 664	156,57	87,30
Ангарск	17 552	22 029	18 699	21 620	106,53	98,14
Братск	20 181	23 972	19 322	21 901	95,74	91,36
Усолье-Сибирское	7 334	8 279	6 347	7 307	86,54	88,26
Усть-Илимск	7 772	9 174	5 258	7 192	67,65	78,40

Рассчитано по данным ВПН 2002 и 2010 гг.

Усолье-Сибирское, Усть-Илимск, Усть-Кут, Бохан. Но притягивать молодежь возраста 18–22 года способен только региональный центр – Иркутск. Вероятно, что помимо наличия самого факта возможности получения высшего образования, играет роль также и некоторый уровень его престижа, а также другие факторы (в т.ч. внеэкономические). Но и столице региона не удастся удержать собственную молодежь, численность возрастной когорты 1983–1987 г.р. сократилась к 2010 г. Иркутск стягивает молодежь из других городов и муниципальных районов области после окончания школы, но не способен удержать её после окончания высшего учебного заведения. Увеличение численности молодежи в возрасте 1988–1992 г.р. наблюдается также в Ангарске, находящимся в маятниковой доступности к столице региона. Примерно в таком же положении и Шелехов (см. табл. 6).

На региональном уровне притягивать и/или удерживать молодежь в последние годы удастся городам, имеющим население не менее 100 тыс. человек [4]. В Иркутской области – это Иркутск, Ангарск, Братск. Братск – второй по численности город региона (население 234,1 тыс. чел. на 1 января 2016 г), располагающийся довольно далеко от столицы (618 км по автомобильной дороге), образует центр второго порядка. Но это не позволяет ему «прирастать» молодежью: за межпереписной период 2002–2010 гг. (также, как и за период 1989–2002 гг.) из когорт 1988–1992 и 1983–1987 гг. на дату следующей переписи сохранилось 95,7 и 91,3% молодого населения соответственно. Сильного оттока не наблюдается, скорее удается пока что «сохра-

нить то, что осталось», вероятнее всего, за счет притока из своих же ближайших районов, ресурсы которых не бесконечны. Такой вывод можно сделать на том основании, что в межпереписной период 1989–2002 гг. картина была несколько другой: из числа детей 1975–1979 г.р. к 2002 г. сохранилось 100,8%. То есть за последние годы Братск начинает терять роль «столицы второго порядка» Иркутского региона.

В целом, за межпереписной период 2002–2010 гг. кроме регионального центра (Иркутска) и агломерации (Ангарск и Шелехов), ни одному городу и району области не удалось увеличить или хотя бы сохранить численность молодежи возрастной когорты 18–27 лет по отношению к численности когорты в 2002 г.. Практически во всех случаях мы наблюдаем потерю за межпереписной период не менее 30% молодежи, а где-то – и до 60% (см. табл. 7). В таблице ниже для выделения мест наибольшего оттока мы берем города с условием, что они потеряли за межпереписной период более 30% численности определенной возрастной группы, а для района – более 40%. Виден большой отток молодежи возраста получения профессионального образования – 18–22 года. Для молодежи 1983–1987 г.р. к 2010 г. миграционные потери ниже. Здесь может играть роль возвратная миграция после получения профессионального образования, но на имеющихся данных её вклад оценить не представляется возможным. Те же тенденции выделены в работе И.С. Кашницкого, который отмечает, что, несмотря на имеющуюся долю возврата молодежи, она мала по сравнению с оттоком ранее [5].

Таблица 7

*Динамика когорт молодежи в отдельных городах
и районах Иркутской области
за межпереписной период 2002–2010 гг.**

Название города/ района	Численность в 2002 г., чел.		в % к численности данной когорты в 2010 г.	
	1988–1992 г.р.	1983–1987 г.р.	1988–1992 г.р.	1983–1987 г.р.
Города				
Тулун	4337	5349	68,66	71,92
Усть-Илимск	7772	9174	67,65	78,40
Черемхово	6460	6631	61,53	67,56
Свирск	1377	1205	63,47	80,66
Районы				
Бодайбинский	2563	2082	58,72	86,17
Жигаловский	1137	833	43,71	81,87
Заларинский	3502	2894	51,43	74,71
Казачинско-Ленский	1969	1614	56,78	94,49
Катангский	447	382	42,28	72,51
Качугский	2275	1735	45,01	71,12
Киренский	2307	2011	51,71	79,61
Куйтунский	3866	3368	50,34	75,18
Мамско-Чуйский	705	553	40,85	64,01
Усть-Удинский	2926	2322	52,46	81,09
Чунский	4133	3401	49,75	79,04
Аларский	3325	2432	45,62	64,80
Баяндаевский	1816	1161	43,61	84,84
Нукутский	2231	1454	53,56	91,75
Осинский	2627	1870	54,02	103,37

* Выбраны МО с наиболее отрицательной динамикой когорт.
Построено по данным ВПН 2002 и 2010 гг.

За межпереписной период 2002–2010 гг. в Иркутской области 15 районов из 33 (то есть почти 50%) имели отток молодежи к 18–22 годам более 45%, остальные – на уровне 10–30%. В возрастах возвратной миграции после получения образования процент снижается для всех районов и остается на уровне примерно 20–30%. При этом, как показали расчеты на уровне отдельных поселений, в центрах муниципальных образований не наблюдается увеличение доли соответствующих возрастных групп, следовательно, миграция молодежи в большинстве случаев минует эти центры и направлена на региональный центр, либо происходит процесс замещения – молодежь из районного центра едет в региональный центр, а её заменяют недавние жители иных населенных пунктов района.

Рынок труда. Помимо высшего образования, существенную роль в распределении молодежи региона должен играть региональный рынок труда. Основные предприятия сосредоточены в Иркутске, Ангарске, Братске, Усолье-Сибирском, Усть-Илимске,

Бодайбинском районе. Однако закономерностей в этом отношении не наблюдается. Это можно объяснить тем, что основные предприятия – промышленные и они не могут обеспечить работой молодежь разных специальностей, например, гуманитарных. В малых городах региона повсеместно существует проблема безрезультатного поиска работы, что априори является для молодежи одним из «выталкивающих» факторов.

Картограмма распределения районов по динамике когорт молодежи за межпереписной за период 2002–2010 гг. (см. рис. 5) показывает, что большинство из них относятся к районам со значительным оттоком молодежи, что негативно сказывается на прогнозах распределения населения по территории региона в будущем.

Выводы. Проведенное исследование показало, что Иркутская область испытывает продолжительную убыль населения, особенно молодого. Она занимает второе место по оттоку населения среди 12 регионов СФО, «уступая» лишь Забайкальскому краю, где ситуация ещё хуже. Внутри региона прирост

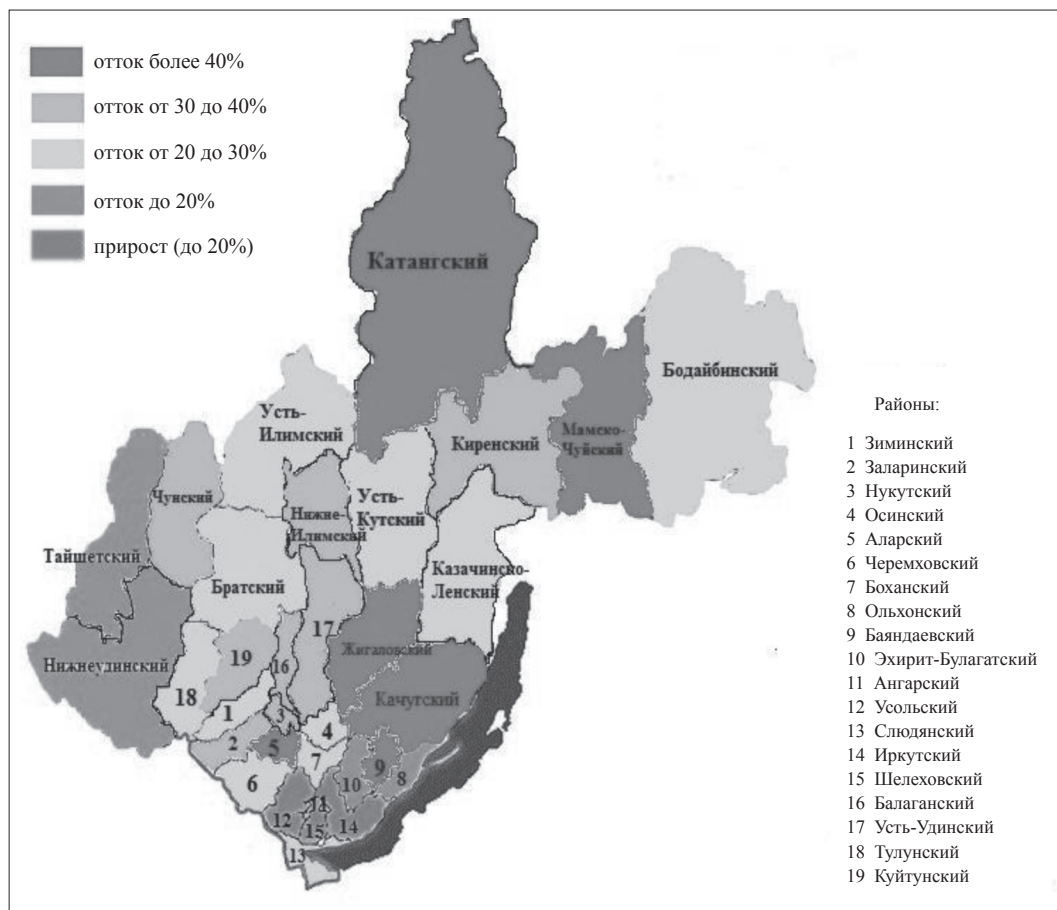

Рис. 5. Распределение районов Иркутской области по динамике когорт молодежи за межпереписной за период 2002–2010 гг., чел.

Источник: Данные ВПН 2002 и 2010 гг.

молодежи (возрастная группа 16–29 лет) наблюдается только в региональном центре и агломерации (Ангарск и Шелехов), в других же районах – значительный отток.

Данные трех последних переписей населения позволили оценить масштабы оттока молодежи за два последних межпереписных периода. За период 1989–2002 гг. города и районы Иркутской области теряли от 10 до 40% молодого населения (в возрасте 16–29 лет), максимальные потери достигли 75% в Мамско-Чуйском районе. В следующий межпереписной период (2002–2010 гг.) процент потерь оказался немногим ниже – 20–30%, при максимальном значении в 60%.

Снижение численности молодежи происходит по всем выделенным нами молодым возрастным группам. За последний межпереписной период только региональному центру и двум ближайшим к нему городам –

Ангарску и Шелехову, которые составляют агломерацию с численностью около 1 млн чел., удалось увеличить или хотя бы сохранить численность молодежи.

Почти 50% районов Иркутской области имеют отток молодежи более 45% в «пик» миграционной активности (18–22 года), связанный с получением высшего образования, остальные имеют отток на уровне 10–30%. В более старших возрастах (23–27 лет) небольшой положительный эффект имеет возвратная миграция после учебы, но она не способна компенсировать высокий уровень потерь более ранних возрастов.

Как и для страны в целом, для миграционных отношений в Иркутской области характерна центрo-периферийная модель: миграция из районов направлена в региональный центр и другие крупные города региона, а из них – за ее пределы. Вокруг

Иркутска и его агломерации сформировалось окружение из истощенных в демографическом плане муниципальных образований, активно теряющих население молодых возрастов, что усугубляет данную негативную тенденцию и позволяет прогнозировать их дальнейший демографический кризис в ближайшем будущем.

Библиографический список

1. Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35.
2. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. 132 с.
3. Заславская Т.И. Миграция сельского населения. М.: Мысль, 1970. 348 с.
4. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, №4. С. 47–65.
5. Кашницкий И.С. Влияние миграции на демографическую структуру в малых территориях России: магис. дисс. М., 2014. 97 с. URL: https://www.researchgate.net/publication/269916857_Vlianie_migracii_na_demograficeskuu_strukturu_v_malyh_territoriah_Rossii.
6. Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. Т. 13. № 3. С. 169–203.
7. Лисовский В.Т. Советское студенчество. Социологические очерки. М.: Мысль, 1990. 216 с.
8. Мкртчян Н.В. Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия РАН. Сер. геогр. 2011. № 5. С. 28–42.
9. Мкртчян Н.В. Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв. / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 41–61.
10. Мкртчян Н.В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской агломерации) // Демоскоп Weekly. 2010. № 419–420. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0419/analit05.php>.
11. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века // Известия РАН. Сер. геогр. 2013. № 6. С. 19–32.
12. Мкртчян Н.В. Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых // Демографические аспекты социально-экономического развития / Под ред. М.Б. Денисенко. Сер.: Демографические исследования. Вып. 22. М.: МАКС Пресс. 2012. С. 197–214.
13. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2009. Т. 7. С. 688–712.
14. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
15. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). М.: Наука, 2001. 114 с.
16. Чудиновских О.С. Современное состояние статистики миграции в России: новые возможности и нерешенные проблемы // Вопросы статистики. 2010. № 6. С. 8–16.
17. Чудиновских, О.С. Статистика миграции знает не все // Демоскоп Weekly. 2008. № 335–336. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0335/index.php>

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК: 330.16, 332.13, 330.837

Никишина Е.Н. (Москва)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРЕДПОЧТЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ИНДИИ, КИТАЯ, ЮЖНОЙ КОРЕИ, ЯПОНИИ¹

Nikishina E.N.

REGIONAL DIFFERENCES IN POPULATION PREFERENCES IN CHINA, INDIA, JAPAN, SOUTH KOREA

Аннотация. В статье приведен анализ региональной специфики ценностей и предпочтений для четырех стран: Китая, Индии, Южной Кореи, Японии. На основе данных Всемирного исследования ценностей описывается специфика ценностей по Ш. Шварцу, социальный капитал, нормы гражданской кооперации. Наибольшая однородность в ценностях и предпочтениях населения разных регионов выявлена в Японии и Южной Корее, наименьшая – в Индии. Несмотря на существующее лингвистическое разнообразие, китайские провинции достаточно однородны по ценностям, возможно, в силу конфуцианских традиций. В статье приведены примеры мер, направленных на продуктивное использование особенностей культурного разнообразия стран.

Abstract. The paper presents a descriptive analysis of values and preferences in China, India, Japan and South Korea. The paper is based on the World Values Survey and focuses on S. Schwartz values, social capital and norms of cooperation. The results show that regions in Japan and South Korea are very similar in values and preferences. Despite linguistic diversity China's provinces are rather similar, probably due to Confucian traditions. The most diverse regions in terms of values and preferences are in India. Some policy advice is suggested to deal with regional diversity of values and preferences.

Ключевые слова: Индия, Китай, Южная Корея, Япония, ценности, Шварц, социальный капитал, нормы гражданской кооперации, экономическое поведение.

Key words: India, China, South Korea, Japan, values, social capital, civic norms, economic behaviour, Schwartz.

Введение и постановка проблемы. На региональное развитие влияет множество факторов: климат, обеспеченность ресурсами, расселение населения, структура экономики, инфраструктура, качество институтов, государственная политика и др. [3, 11]. Немаловажным, но сравнительно малоизученным фактором являются социокультурные особенности населения – ценности, поведенческие установки и предпочтения, которые, согласно исследованиям последних десятилетий, оказывают значимое воздействие на экономические процессы.

Несмотря на большое количество междисциплинарных исследований, вопрос о региональных различиях в ценностях и пове-

денческих установках населения (вопрос, особенно актуальный для стран со значительной протяженностью территории и существенным культурным разнообразием населения) часто остается за скобками либо в силу отсутствия релевантных данных, либо в силу малого числа регионов внутри страны, мешающих построению качественных эконометрических моделей.

Цель данной статьи – на примере Индии, Китая, Южной Кореи и Японии на основе данных Всемирного исследования ценностей проанализировать различия в ценностях и предпочтениях населения, проживающих в разных регионах страны². Такого рода анализ позволит оценить, с одной стороны,

¹ Работа выполнена за счет средств Российского научного фонда, проект № 15-18-00098.

² Выбор стран обусловлен принадлежностью стран азиатскому макрорегиону, а также наличием данных по этим странам.

относительную потребность в проведении региональных социокультурных исследований и, соответственно, в учете региональной социокультурной специфики в странах с разным уровнем социокультурного разнообразия³. С другой стороны, может служить основой для определения регионально-специфических конкурентных преимуществ при осуществлении разных видов деятельности, а также потребности в диверсификации мер государственной политики для разных регионов страны.

Ценности и предпочтения: мотивация региональных исследований. В современных исследованиях статистически доказана связь между культурой (ценностями и поведенческими установками) и экономическим ростом [15, 16], производством инноваций [29], международной торговлей [25], качеством и спецификой институтов [7, 22].

Различия в ценностях и предпочтениях культурных групп, проживающих на разных территориях, выявлены в ряде зарубежных и отечественных эмпирических исследований [7, 12, 13, 17, 18, 23]. Причем в отдельных работах зафиксированы различия не только на страновом, но и на региональном уровне [2, 4, 6, 7, 8, 24, 30]. Р. Патнэм – автор пионерной и одновременно одной из классических работ по данной теме – на примере реформ местного самоуправления в Италии в 1970–1980-е гг. приводит яркий пример различий в эффектах от одной и той же политики, реализованной в южных и северных районах Италии [5]. Так, южные регионы со сравнительно менее развитыми социальным капиталом и нормами гражданской кооперации, значительно проигрывали в эффективности проведения реформ северным регионам с более высокой гражданской культурой.

Результаты оценки социокультурных особенностей населения могут использоваться для определения сравнительных преимуществ в осуществлении разных видов деятельности, для повышения эффективности работы формальных институтов, для разработки систем мотивации и организационных структур, в лучшей степени отвечающих убеждениям и предпочтениям населения [1, 9]. При этом важно учитывать, что ресурсом развития может выступать как относительная гомогенность ценностей предпочтений, так и их разнообразие [14]. Всё это актуализирует проведение исследований, направленных на выявление различий в убеждениях и предпочтениях различных культурных групп.

Методика исследования региональных различий. Для оценки различий в специфике предпочтений населения разных регионов Индии, Китая, Японии и Южной Кореи использовались данные шестой волны Всемирного исследования ценностей, проведенной в 2010–2014 гг.⁴ Для обеспечения большей надежности результатов в анализ включались только те регионы, для которых количество респондентов превышало 50 человек. Таким образом, анализ проводился по 18 регионам Индии⁵, 17 регионам Китая⁶, 8 регионам Южной Кореи⁷ и 11 регионам Японии⁸ (здесь и далее названия приведены в соответствии с разбиением регионов в базе Всемирного исследования ценностей).

Для анализа были отобраны три группы вопросов:

1. Вопросы из методики Ш. Шварца, позволяющие оценить ценности населения на индивидуальном уровне⁹. В данной методике представлены 10 ценностей: безопасность (Security), власть (Power), гедонизм (Hedon-

³ По данным проекта Этнолог (Ethnologue.com), коэффициент лингвистического разнообразия в Индии, Китае, Южной Кореи и Японии составляет соответственно 0,92; 0,51; 0,01; и 0,03 (что означает, что наибольшее лингвистическое разнообразие наблюдается в Индии, наименьшее – в Южной Кореи) [21].

⁴ World Values Survey Wave 6 2010–2014 OFFICIAL AGGREGATE v.20160101. World Values Survey Association (www.worldvaluessurvey.org). Aggregate File Producer: Asep/JDS, Madrid SPAIN.//WV6_Data_spss_v_2016_01_01 (Spss SAV). При этом необходимо помнить, что такого рода анализ, проводимый даже на основе Всемирного исследования ценностей (<http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>), носит «разведочный» характер – целью авторов проекта не было создание репрезентативных выборок по каждому региону в отдельности. Для уточнения выводов требуется проведение дополнительных полевых исследований.

⁵ Андхра-Прадеш, Бихар, Гуджарат, Дели, Джаркханд, Западная Бенгалия, Карнатака, Керала, Мадхья-Прадеш, Махараштра, Орисса, Пенджаб, Раджастан, Тамилнад, Уттаркханд, Уттар-Прадеш, Харьяна, Чхаттисгарх.

⁶ Ганьсу, Гуандун, Гуанси-Чжуанский автономный район, Гуйчжоу, Ляонин, Пекин, Сычуань, Хубэй, Хунань, Хэйлунцзян, Хэнань, Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун, Шаньси, Шэньси.

⁷ Инчхон, Кёнгидо, Кёнсан-Намдо, Кёнсан-Пукто, Пусан, Сеул, Тэгү, Чолла-Намдо.

⁸ Кансай, Кюсю, Северный Канто, Сикоку, Токайский регион, Токио, Тохoku, Тюгоку, Хоккайдо, Хокурику и Синэцу, Южный Канто.

⁹ Во Всемирном исследовании ценностей представлена сокращенная, по сравнению с базовой версией, методика Ш. Шварца (10 против 21 вопроса), которая позволяет получить базовое представление о ценностях населения.

ism), достижение (Achievement), конформность (Conformity), самостоятельность (Self-Direction), стимуляция (Stimulation), традиция (Tradition), благожелательность (Benevolence), универсализм (Universalism) [28].

Для оценки ценностей по Ш. Шварцу респондентам задается вопрос типа «Я кратко опишу несколько людей. Покажите, пожалуйста, на этой карточке, насколько каждое из описаний похоже, или не похоже на вас?» Например, «Для этого человека важно предлагать новые идеи, быть творческой личностью, идти своим путем» и т.д.¹⁰

2. Вопросы, характеризующие социальный капитал населения и определяющие специфику предпочтений, связанных с доверием различным группам людей.

Для оценки специфики социального капитала использовался вопрос: Насколько вы доверяете разным категориям людей: 1) вашей семье; 2) вашим соседям; 3) людям, с которыми вы лично знакомы; 4) людям, с которыми вы впервые встретились; 5) людям другой религии/веры; 6) людям другой национальности.

3. Вопросы, характеризующие нормы гражданской кооперации.

Для оценки норм гражданской кооперации использовались вопросы, предложенные в работе С. Нэка и Ф. Кифера [19]: «Насколько, по Вашему мнению, то, о чем говорится, заслуживает оправдания: 1) получение государственных пособий, на которые человек не имеет права; 2) проезд «зайцем» в общественном транспорте; 3) получение взятки с использованием служебного положения; 4) неуплата налогов, если есть такая возможность».

Региональные различия в ценностях и предпочтениях.

1. Индия – страна высокого лингвистического разнообразия, которое проявляется также в высокой неоднородности ценностей и предпочтений населения разных штатов. Как видно из рисунка 1¹¹, ценностные профили индийских штатов значительно отлича-

ются друг от друга. Более того, нет ни одной ценности, которая была бы свойственна всем рассматриваемым штатам Индии.

Выраженность отдельных ценностей (пестрая заливка секторов) и соответствующая им специфика мотивации населения в разных штатах систематизированы в таблице 1.

На рисунке 2 схематично отражена специфика доверия в разных регионах Индии. Из него видно, что практически для всего населения Индии свойственен бондинговый социальный капитал (доверие узкому кругу лиц, семье) при невысоком бриджинговом социальном капитале (доверие широким группам лиц). При этом наименьшая склонность доверять свойственна населению штатов Бихар и Джаркханд (штаты с самым низким качеством институциональной среды в 2011–2012 гг. [20]). Сравнительно в большей степени склонны доверять другим жителям Махараштры.

Стоит отметить, что, по данным WVS, в Андхра-Прадеше, Дели, Керале, Мадхья-Прадеше, Ориссе, Тамилнаде, Уттаракханде и Чхаттисгархе уровень доверия соседям в среднем ниже доверия людям, которых респондент знает лично. Вероятно это связано со значительной культурной разнородностью региона и плохо налаженными коммуникациями между разными группами населения: взаимодействие происходит, прежде всего, между «своими» и в меньшей степени между людьми, которые оказываются в непосредственной близости.

На рисунке 3 схематично изображена специфика норм гражданской кооперации в разных штатах Индии. Бихар и Джаркханд вновь относятся к регионам со сравнительно низко развитыми нормами гражданской кооперации. При этом подобная ситуация (или даже худшая) наблюдается дополнительно в Тамилнаде, Дели, Мадхья-Прадеше, Чхаттисгархе. То есть, можно предположить, что в этих штатах, с одной стороны, желательны предпринимать меры, направленные на развитие кооперативных отношений между

¹⁰ Чтобы снизить смещения, вызванные персональными особенностями использования шкалы Лайкерта, проводилась процедура центрирования данных [27], в ходе которой для каждого респондента рассчитывается отцентрированное значение ценности. Значение больше нуля означало, что данная ценность свойственна/важна респонденту; значение меньше нуля – не свойственна/не важна респонденту; значение близкое к нулю означало, что данная ценность не более и не менее важна, чем другие ценности.

¹¹ Здесь и далее использовался следующий подход к визуализации данных. Для каждого региона рассчитывалось среднее отцентрированное значение по каждой из десяти ценностей, а также 95% доверительный интервал. Если среднее значение, а также доверительный интервал находились целиком в положительной зоне, соответствующий сектор круга закрашивался пестрой заливкой. В случае, если эти параметры были отрицательными – штриховкой. В том случае, если доверительный интервал захватывал ноль, сектор окрашивался в серый цвет. То есть, серый цвет заливки означает либо относительную «неважность» этой ценности для населения региона, либо существование значительного разброса в оценке важности этой ценности для населения.

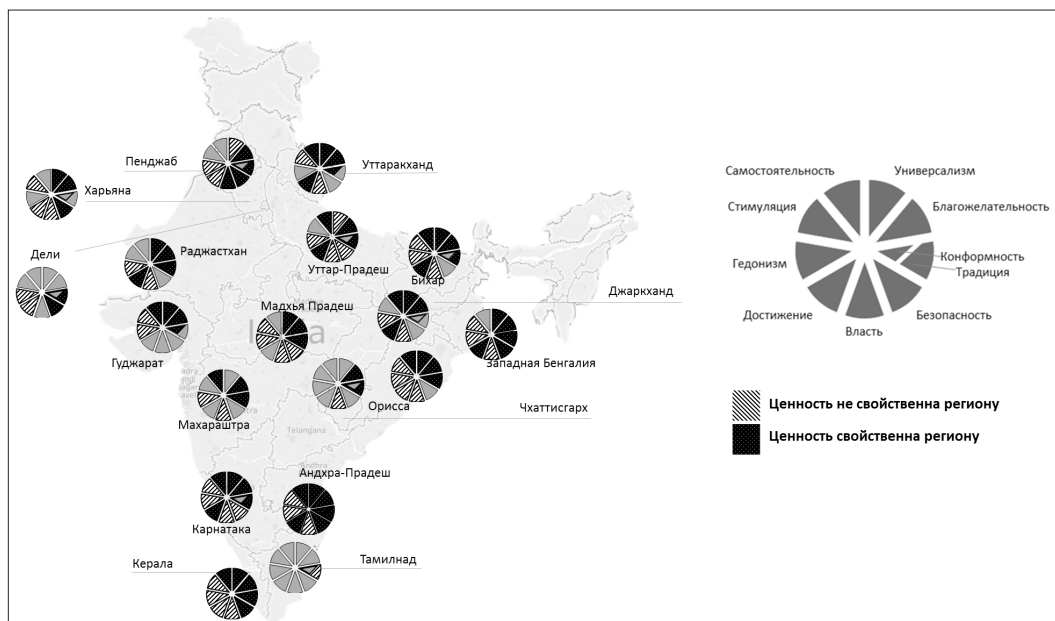

Рис. 1. Индивидуальные ценности по Шварцу по степени выраженности, оцененные на основе WVS, 2010–2014 гг.

Выраженность ценностей по Ш. Шварцу
в разных штатах Индии

Таблица 1

Ценности	Влияние на мотивацию ¹²	Регионы
Благожелательность и традиция	Преданность своей группе	Андхра-Прадеш, Бихар, Чхаттисгарх, Карнатака, Керала, Мадхья-Прадеш, Махараштра, Орисса, Пенджаб, Раджастан, Уттар-Прадеш, Западная Бенгалия
Благожелательность и конформность	Распространенность норм поддержки и кооперации при взаимоотношении между людьми	Андхра-Прадеш, Гуджарат, Керала, Мадхья-Прадеш, Махараштра, Орисса, Раджастан, Западная Бенгалия
Традиция и конформность	Важность сохранения социальной стабильности за счет самоограничения и подчинения	Андхра-Прадеш, Керала, Мадхья-Прадеш, Махараштра, Орисса, Раджастан и Западная Бенгалия
Традиция и безопасность	Важность сохранения существующего социального порядка, обеспечивающего определенность в жизни	Андхра-Прадеш, Дели, Керала, Пенджаб, Западная Бенгалия
Конформность и безопасность	Важность социальной гармонии и защиты порядка	Андхра-Прадеш, Керала, и Западная Бенгалия
Безопасность и власть	Важность избегания и преодоления угроз за счет контроля за природными ресурсами и человеческими отношениями	Пенджаб
Самостоятельность и универсализм	Важность комфортной среды, толерантных отношений, общества, где каждый может иметь свое собственное мнение	Андхра-Прадеш, Бихар, Гуджарат, Джаркханд, Карнатака, Керала, Орисса и Уттаркханд
Универсализм и благожелательность	Отказ от эгоистических интересов	Андхра-Прадеш, Бихар, Гуджарат, Харьяна, Джаркханд, Карнатака, Керала, Мадхья-Прадеш, Орисса, Раджастан, Западная Бенгалия, Уттаркханд

¹² Здесь и далее – на основе [26, 28].

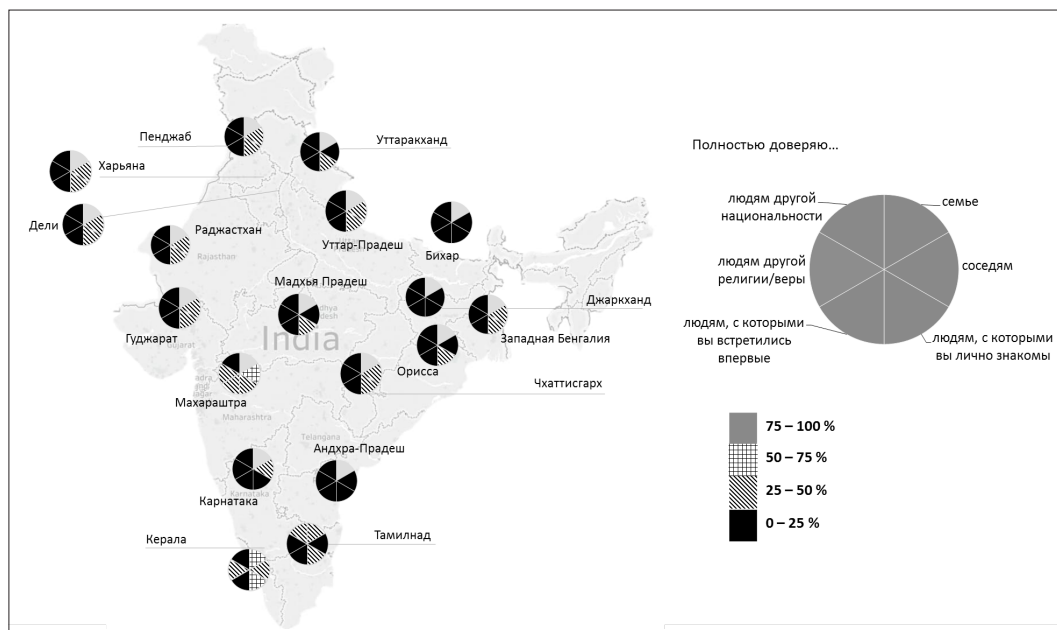

Рис. 2. Особенности доверия населения, оцененные на основе WVS, 2010–2014 гг.

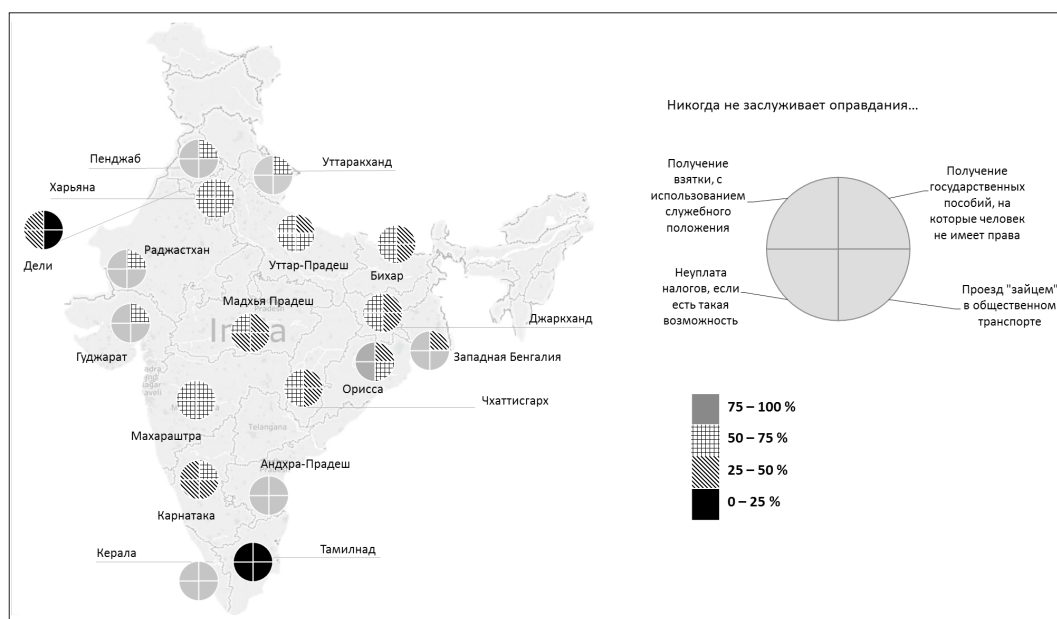

Рис. 3. Особенности норм гражданской кооперации, оцененные на основе WVS, 2010–2014 гг.

населением и государством, а с другой стороны, осуществлять сравнительно больший государственный контроль за соблюдением правил населением. Сравнительно более благоприятна ситуация в Керале, Уттаркханде, Гуджарате, Андхра-Прадеше, Раджастхане, Пенджабе. Потребность в такого рода мерах в этих штатах ниже.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что для штатов Индии характерны не только высокие показатели лингвистического разнообразия, но и существенные различия в предпочтениях населения. Это определяет потребность в развитии механизма учета интересов разных культурных групп, а также реализации мер, направленных

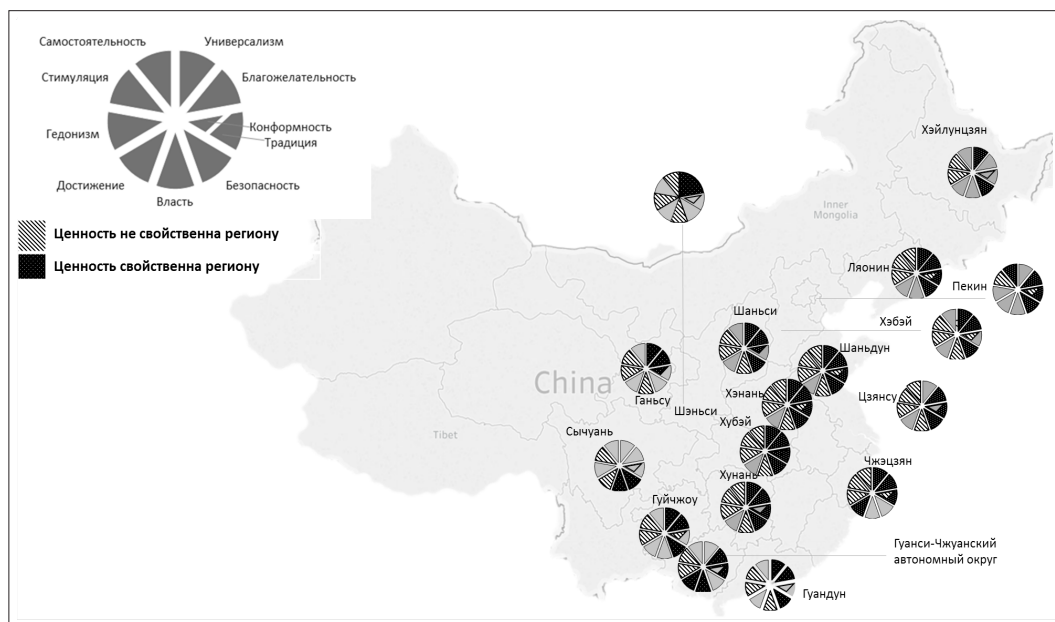

Рис. 4. Индивидуальные ценности по Шварцу по степени выраженности, оцененные на основе WVS, 2010–2014 гг.

на рост человеческого и социального капитала в стране, вместе способствующих эффективному использованию фактора культурного разнообразия и бесконфликтному развитию [19].

Что это может значить на практике?

Во-первых, необходимость диверсификации региональной политики. Так, например, можно ожидать, что снижение административных барьеров в Керале или Андхра-Прадеше (штатах с высоким качеством институциональной среды по данным за 2011–2012 гг. [20] и развитыми нормами гражданской кооперации) приведет к снижению транзакционных издержек и росту экономической эффективности, в то время, как в Тамилнаде (высокое качество институциональной среды и низкие показатели норм гражданской кооперации) – к отрицательным внешним эффектам (отрицательному отбору, снижению качества товаров и услуг и др.).

Во-вторых, анализ ценностей и предпочтений позволяет уточнить регионально-специфические конкурентные преимущества. Например, можно предположить, что в Махараштре (штате с высоким уровнем доверия, а также сравнительно высоким качеством институциональной среды) будут сравнительно более эффективны виды деятельности, опирающиеся на межличностное взаимодействие. А в бурно ра-

стущем в последнее десятилетие Бихаре – предпочтительно делать ставку на виды деятельности, предполагающие конкуренцию работников, а также на развитие человеческого капитала (не только согласуется с ценностями достижения, но и способствует накоплению дефицитного для штата социального капитала [10, 19]).

2. Китай – страна значительно меньшего лингвистического разнообразия, чем Индия. Как видно из рисунка 4, китайские регионы более однородны по ценностям. Во всех (или почти всех) провинциях у населения выражены ценности безопасности, благожелательности, универсализма и не выражены ценности стимуляции и гедонизма. Это означает, что в целом для населения в большей степени свойственны ценности, направленные на сохранение текущего положения, а не его изменение, а также ценности самопреодоления (подчинения собственных интересов общественным), нежели самовозвышения.

Выраженность отдельных ценностей (пестрая заливка секторов) и соответствующая им специфика мотивации населения в разных штатах систематизированы в таблице 2.

На рисунке 5 схематично отражена специфика доверия в разных регионах Китая. Как видно из рисунка, практически для всего населения Китая свойственен бон-

*Выраженность ценностей по Ш. Шварцу
в разных провинциях Китая*

Ценности	Влияние на мотивацию	Регионы
Власть и достижение	Важность социального превосходства и уважения со стороны других людей	Гуанси-Чжуанский автономный округ
Универсализм и благожелательность	Отказ от эгоистических интересов	Хэбэй, Шаньси, Ляонин, Чжэцзян, Шаньдун, Хэнань, Хубэй, Хунань, Гуандун, Гуйчжоу, Шэньси, Ганьсу
Благожелательность и традиция	Преданность группе	Пекин, Ляонин, Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун, Хэнань, Хубэй, Хунань, Гуанси-Чжуанский автономный округ
Благожелательность и конформность	Распространенность норм поддержки и кооперации при взаимоотношении между людьми	Шаньси, Хубэй и Ганьсу
Традиция и конформность	Важность сохранения социальной стабильности за счет самоограничения и подчинения	Хубэй
Традиция и безопасность	Важность сохранения существующего социального порядка, обеспечивающего определенность в жизни	Пекин, Ляонин, Цзянсу, Шаньдун, Хэнань, Хубэй, Хунань
Конформность и безопасность	Важность защиты порядка и социальной гармонии	Шаньси и Хубэй
Безопасность и власть	Важность избегания и преодоления угроз за счет контроля за природными ресурсами и человеческими отношениями	Сычуань

*Рис. 5. Особенности доверия населения,
оцененное на основе WVS, 2010–2014 гг.*

динговый социальный капитал (доверие узкому кругу лиц, семье) при низком бродинговом социальном капитале (доверие широким группам лиц). Наименьшая склонность доверять семье, по данным WVS,

наблюдается в провинции Хэйлунцзян, а в целом наиболее низкий уровень доверия – в провинциях Шэньси и Сычуань. Сравнительно в большей степени склонны доверять другим людям (в частности, соседям) жители

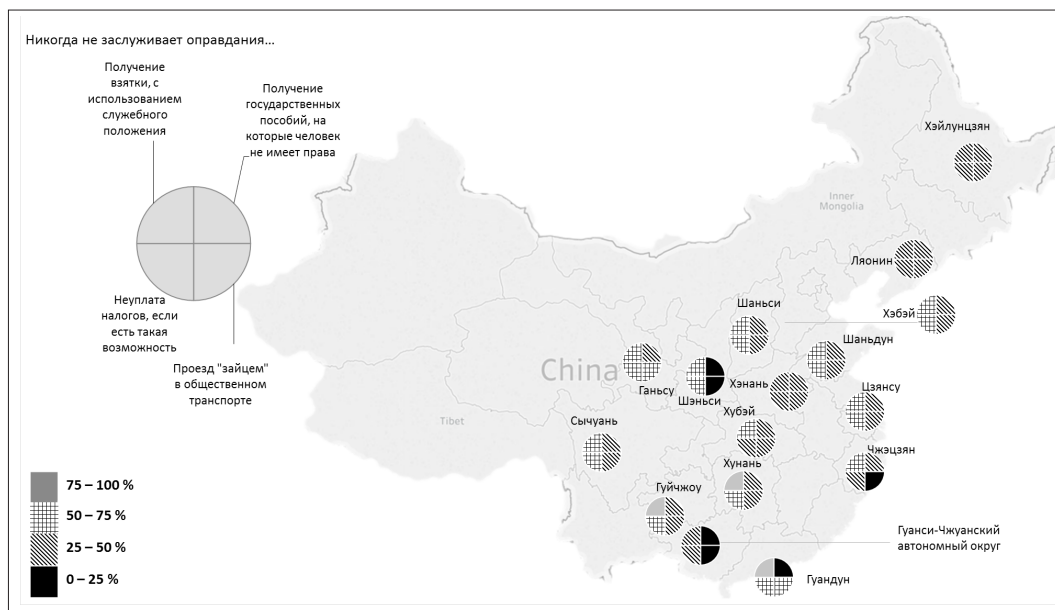

Рис. 6. Особенности норм гражданской кооперации, оцененные на основе WVS, 2010–2014 гг.

Ляонина, Хэнаня, Хубэя, Гуанси-Чжуанского автономного округа и Шаньдуна.

Однако относительно низкий уровень бриджингового социального капитала¹³ компенсируется сравнительно высоко развитыми нормами гражданской кооперации. При этом, как видно из рисунка 6, почти во всех регионах население более негативно относится к получению взятки с использованием служебного положения и реже порицает получение от государства пособий, на которые человек не имеет право.

Важно отметить, по данным WVS, что нормы гражданской кооперации сравнительно менее развиты в Гуанси-Чжуанском автономном округе, Шэньси и Хэнане. Это может означать потребность в сравнительно большем контроле государства за соблюдением правил населением, а также определять потребность в мерах, способствующих росту доверия населения к государству и соответствующему росту склонности к кооперации с государством, а не к его обману.

Наиболее благоприятная ситуация по данным показателям наблюдается в Гуйчжоу и Гуандуне. В этих регионах наименьшая склонность населения к обману государства, что может означать сравнительную эффек-

тивность мер по снижению контрольно-надзорной деятельности, направленной на стимулирование экономической активности.

Результаты анализа китайских регионов в целом свидетельствуют о несколько большей однородности населения по ценностям и предпочтениям, чем в Индии. Возможное объяснение этому – конфуцианские традиции страны, поддерживаемые неформальными правилами. Однако учет отдельных социокультурных особенностей китайских провинций (например, сравнительно мало развитых норм гражданской кооперации в Гуанси-Чжуанском автономном округе и Шэньси; или выраженности ценностей самостоятельности в Пекине или ценностей достижения в Чжэцзяне) может повысить эффективность действующих в компаниях мотивационных схем работников или эффективность мер государственной политики.

3. Южная Корея – страна с самым низким лингвистическим разнообразием среди рассматриваемых стран. Однако, как видно из рисунка 7, ценностный профиль населения различных регионов Южной Кореи умеренно однороден, что следует как из специфики раскраски кругов, так и из большого числа

¹³ Для Пекина, а также провинций Сычуань, Хэйлунцзян, Хэнань, Чжэцзян, Шэньси ответы на вопросы, «доверяете ли вы людям другой национальности» и «доверяете ли вы людям другой веры» приведены по выборке от 30 до 50 человек, для Гуанси-Чжуанского автономного округа – по 28 респондентам (в силу отсутствия ответов на эти вопросы по другим респондентам из базы, участвовавшим в анализе).

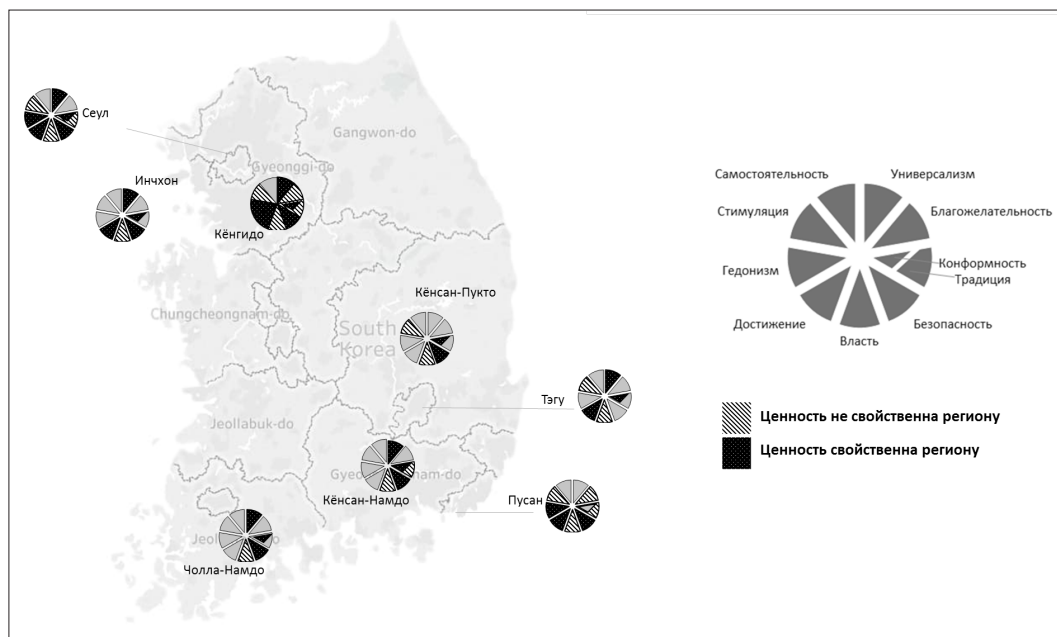

Рис. 7. Индивидуальные ценности по Шварцу по степени выраженности, оцененные на основе WVS, 2010–2014 гг.

серых секторов на карте. При этом во всех провинциях для населения не свойственна ценность власти (то есть, стремление к высокому социальному статусу, контролю над ресурсами и людьми не являются движущей мотивацией корейского населения).

Выраженность отдельных ценностей (пестрая заливка секторов) и соответствующая им специфика мотивации населения в разных штатах систематизированы в таблице 3.

При этом, как видно из рисунка 8, население Южной Кореи сравнительно однородно по показателю доверия к разным категориям людей. Для населения Южной Кореи свойственен бондинговый социальный капитал (доверие узкому кругу лиц, семье) при низком бриджинговом социальном капитале (доверие широким группам лиц). При этом наименьшая склонность доверять семье характерна для Инчхона.

Как и в Китае, относительно низкий уровень бриджингового социального капитала в Южной Корее компенсируется сравнительно развитыми нормами гражданской кооперации. Почти во всех регионах (см. рис. 9) население сильнее прочего порицает получение взятки с использованием служебного положения и уклонение от уплаты налогов, если есть такая возможность, и сравнительно реже – проезд «зайцем» в общественном

транспорте и получение от государства пособий, на которые человек не имеет права.

В целом сравнительно развитые нормы гражданской кооперации (прежде всего, в Тэгу, Чолла-Намдо и несколько в меньшей степени – в других регионах) дают возможность региональным властям рассчитывать на кооперативное поведение со стороны населения и низкую склонность к обману, что при прочих равных позволяет надеяться на то, что снижение контрольно-надзорной деятельности со стороны государства будет способствовать росту экономической активности при одновременном соблюдении установленных государством правил.

В целом можно констатировать, что в Южной Корее – хотя и в меньшей степени, чем в Индии и Китае – также наблюдается разнообразие по ценностям и предпочтениям респондентов в разных регионах. Это означает, что эффективная государственная политика должна учитывать различия в интересах разных групп населения. В частности, выраженность ценностей достижения в пяти регионах (Сеуле, Пусане, Тэгу, Инчхоне, Кёнги-до) может способствовать более быстрому и эффективному достижению целевых показателей (как в корпоративном, так и государственном управлении), а также большей склонности населения к конкуренции.

Выраженность ценностей по Ш. Шварцу
в разных регионах Южной Кореи

Ценности	Влияние на мотивацию	Регионы
Достижение и гедонизм	Важность получения удовольствий	Сеул, Пусан, Кёнгидо
Конформность и безопасность	Важность защиты порядка и социальной гармонии	Сеул, Инчхон, Кёнгидо, Кёнсан-Пукто, Кёнсан-Намдо, Чолла-Намдо

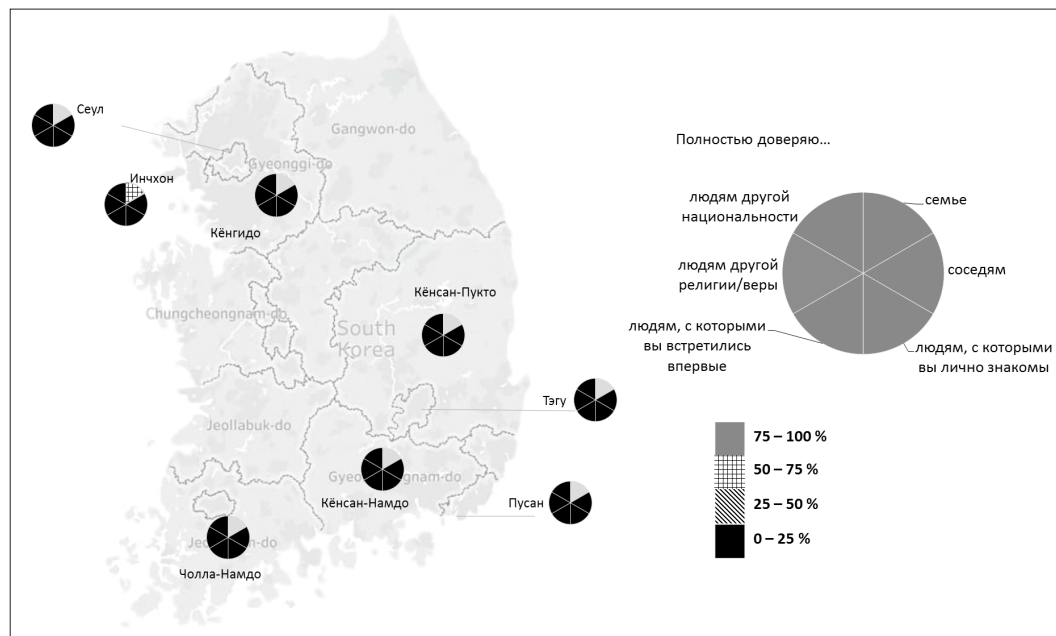

Рис. 8. Особенности доверия населения, оцененные на основе WVS, 2010–2014 гг.

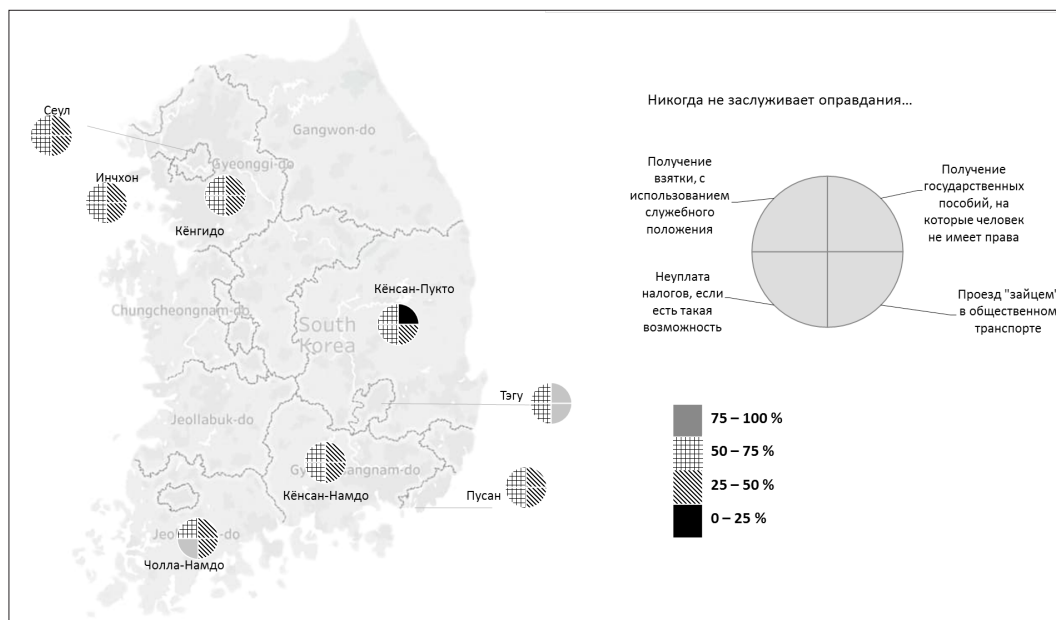

Рис. 9. Особенности норм гражданской кооперации, оцененные на основе WVS, 2010–2014 гг.

При этом в среднем более развитые, по сравнению с Индией, нормы гражданской кооперации, дают возможность Южной Корее в меньшей степени опираться на инструменты контроля за населением и в большей степени – на построение условий для взаимовыгодного сотрудничества, основанного на взаимном доверии и уважении.

4. Япония, как и Южная Корея – страна с низким лингвистическим разнообразием. Однако, как видно из рисунка 10, ценностный профиль населения различных регионов Японии в значительной степени однороден.

В частности, для всех регионов важны ценности безопасности, универсализма и самостоятельности, что означает важность для населения комфортной и безопасной среды,

толерантных отношений, существования общества, в котором каждый может иметь свое собственное мнение.

Выраженность отдельных ценностей (пестрая заливка секторов) и соответствующая им специфика мотивации населения в разных штатах систематизированы в таблице 4.

На рисунке 11 видна также сравнительная однородность населения Японии по показателю доверия к разным категориям людей. Из рисунка следует, что для населения страны в целом свойственен бондинговый социальный капитал (доверие узкому кругу лиц, семье) при низком бриджинговом социальном капитале (доверие широким группам лиц). При этом наименьшая склонность доверять семье, по данным WVS, характерна для Южного Канто, Тохоку, и Хоккайдо.

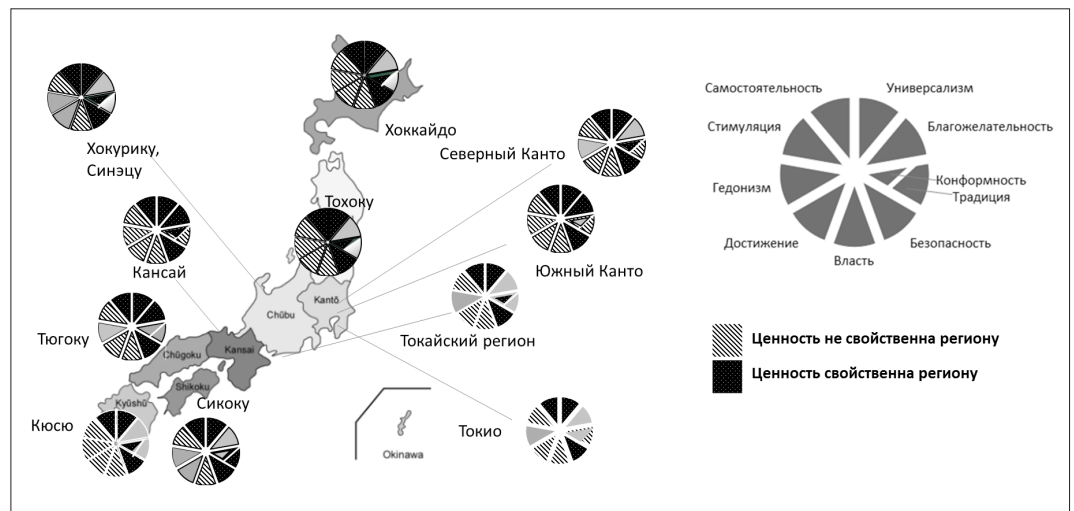

Рис. 10. Индивидуальные ценности по Шварцу по степени выраженности, оцененные на основе WVS, 2010–2014 г.

Таблица 4

Выраженность ценностей по Ш. Шварцу в разных регионах Японии

Ценности	Влияние на мотивацию	Регионы
Универсализм и благожелательность	Отказ от эгоистических интересов	Южный Канто, Кансай и Тюгоку
Благожелательность и конформность	Распространенность норм поддержки и кооперации при взаимоотношении между людьми	Кансай
Традиция и безопасность	Важность сохранения существующего социального порядка, обеспечивающего определенность в жизни	Сикоку
Конформность и безопасность	Важность защиты порядка и социальной гармонии	Хоккайдо, Северный Канто, Токайский регион, Тохоку, Кансай, Кюсю, Хокурику

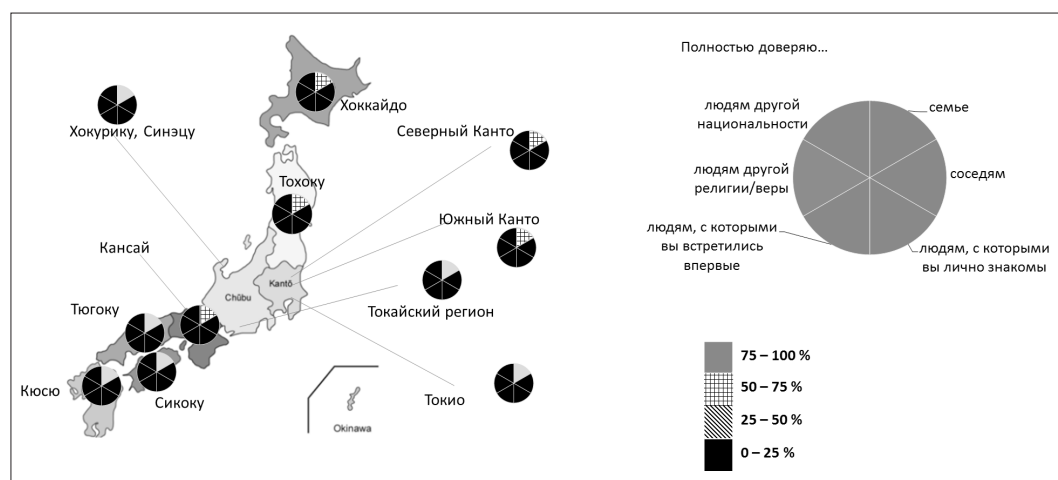

Рис. 11. Особенности доверия населения, оцененные на основе WVS, 2010–2014 гг.

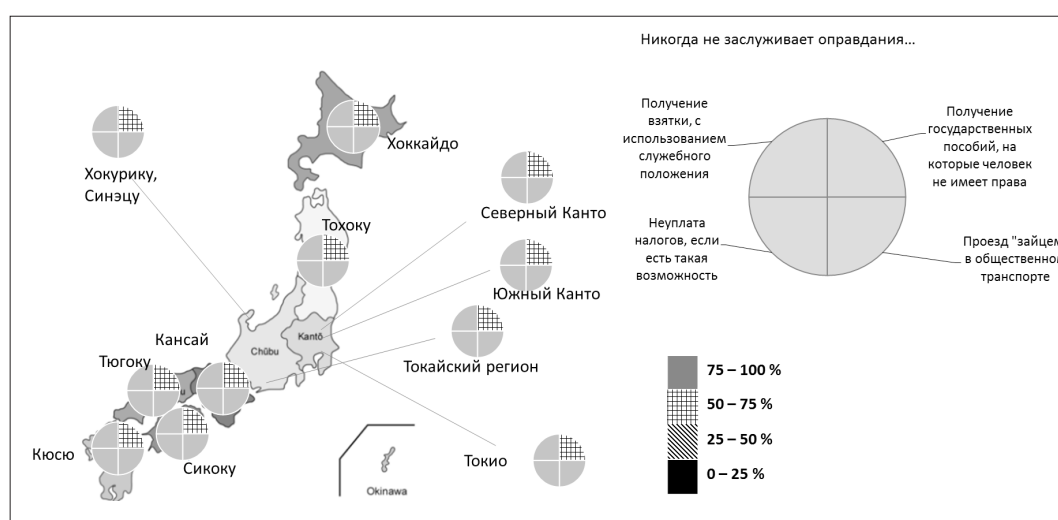

Рис. 12. Особенности норм гражданской кооперации, оцененные на основе WVS, 2010–2014 гг.

Вывод о значительной однородности ценностей и предпочтений у японского населения подтверждается также рисунком 12, иллюстрирующим уровень развития норм гражданской кооперации. Причем Япония демонстрирует лучшие показатели среди четырех исследуемых стран. При этом сравнительно в большей степени респонденты оправдывают действия по получению от государства пособий, на которые человек не имеет права.

Сравнительно высокие показатели норм гражданской кооперации отражают большую склонность соблюдать правила, установленные государством. Это означает, что, при прочих равных условиях, государство может

рассчитывать на продуктивное взаимодействие с населением: снижение административных барьеров, вероятно, будет приводить к повышению эффективности экономической деятельности (за счет снижения транзакционных издержек) при незначительном росте нарушителей (в данном случае норма поддерживается в меньшей степени за счет формальных правил, в большей степени – за счет неформальных правил и ценностей).

Результаты проведенного анализа показывают, что население Японии в значительной степени однородно по ценностям и предпочтениям, что снижает необходимость проведения в стране специализированной региональной политики, учитывающей

социокультурную разнородность населения. Вместе с тем важно обратить внимание, что в целом для японского общества свойственна ценность самостоятельности, но для Хоккайдо, Тохоку, Северного Канто, Токайского региона, Хокурику и Кансай она ограничивается также выраженными ценностями конформности, что создает дополнительные сложности для использования ресурса, заключенного в ценностях самостоятельности. При этом при запуске изменений в стране необходимо особое внимание уделять Сикоку, так как от населения можно ожидать сопротивления изменению существующего порядка, в особенности при недостаточной информированности о целях изменений.

Выводы. Результаты проведенного анализа предпочтений населения в Индии, Китае, Южной Корее и Японии свидетельствуют о том, что проблема культурного разнообразия (и соответственно потребность в проведении культурно специфической региональной политики) стоит перед этими странами не одинаково остро. Наибольшее разнообразие регионов по ценностям и предпочтениям наблюдается в Индии и Китае, затем – в Южной Корее и, наконец, наименьшее разнообразие в предпочтениях – в Японии.

В Индии высокий уровень разнообразия наблюдается как по выраженности ценностей, так и по уровню доверия и уровню развития норм гражданской кооперации. Это, с одной стороны, ограничивает возможности по снижению контрольно-надзорной деятельности в экономике. С другой стороны – обостряет необходимость развития человеческого и социального капиталов, способных снизить вероятность конфликтных взаимодействий между культурно отличающимися группами. Вместе с этим разнообразие может использоваться как ресурс для региональной политики. В частности, исходя из специфики ценностей и предпочтений, можно ожидать, что виды деятельности, требующие взаимного доверия и высокого уровня межличностного взаимодействия, будут более эффективны в Махараштре, а те, которые сопряжены с получением индивидуальных результатов и напористостью – в Бихаре.

Степень разнообразия в ценностях и предпочтениях населения Китая значительно

ниже аналогичного показателя в Индии. Для всех (или почти всех) регионов свойственны ценности, поддерживающие сохранение текущего порядка, а также подчинение собственных интересов общественным. Такого рода предпочтения вместе со сравнительно развитыми нормами гражданской кооперации снижают риск конфликтных взаимодействий. Вместе с тем учет региональных различий в выраженности ценностей достижения (Гуанси-Чжуанский автономный округ) или конформности (Хубэй, Ганьсу, Шаньси) при проектировании организационных и мотивационных схем может повысить эффективность работы компаний, базирующихся в разных провинциях.

При сравнительно развитых нормах гражданской кооперации для Южной Кореи характерен существенный разброс в ценностях населения. При прочих равных условиях это дает стране дополнительные возможности по использованию ресурса регионального разнообразия. В частности, позволяет опираться на проактивные ценности достижения и гедонизма в Сеуле, Пусане и Кёнгидо, а на консервативные ценности конформности и безопасности – преимущественно в Чолла-Намдо и Кёнсан-Намдо.

Наконец, высокая однородность ценностей и предпочтений при одновременно высоком развитии норм гражданской кооперации в Японии, не только снижает потребность в проведении культурно специфической региональной политики, но и позволяет получить дополнительные выгоды от снижения контрольно-надзорной деятельности в экономике (и сопутствующего снижения трансакционных издержек). Однако при проведении любых масштабных изменений в стране необходимо особое внимание уделять Сикоку. Для того чтобы разблокировать сопротивление населения изменениям, здесь может потребоваться специальная система стимулирующих и компенсирующих (изменение в статус-кво) мер.

В заключении следует вновь подчеркнуть, что приведенные выше результаты анализа данных Всемирного исследования ценностей носят «разведочный характер». Направления дальнейших исследований связаны, во-первых, со сбором дополнительных полевых данных, позволяющих, с одной стороны, оценить ценности и предпочтения отдельных этнических групп, а с другой стороны,

получить репрезентативные данные по каждому региону для осуществления более точных сравнений. Во-вторых, (при расширении выборки) с проведением углубленного статистического анализа, который позволил бы с большей уверенностью утверждать существование статистически значимых различий в ценностях и предпочтениях между

регионами. В-третьих, с построением моделей, позволяющих выявить закономерности в региональных различиях в ценностях и предпочтениях, а также связать разные параметры культурного разнообразия не только с распространенными в обществе ценностями и предпочтениями, но и с социально-экономическими характеристиками.

Библиографический список

1. Аузан А.А., Никишина Е.Н. Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 48–57.
2. Дубицкая В. Капитализм под копирку: Иллюзии эффективных менеджеров. Альпина Паблишер, 2015.
3. Кузнецова О.В. Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 121–131.
4. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2007.
5. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. М.: Изд. фирма «AdMarginem», 1996.
6. Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. 2002. № 2. С. 349–363.
7. Alesina A., Giuliano P. Culture and institutions // National Bureau of Economic Research. 2013. № w19750.
8. Alesina A., Giuliano P. The power of the family // Journal of Economic growth. 2010. Т. 15. № 2. Р. 93–125.
9. Beugelsdijk S., Maseland R. Culture in economics, Cambridge University press, 2014.
10. Bisin A., Verdier T. The economics of cultural transmission and socialization // National Bureau of Economic Research. 2010. № w16512.
11. Capello R., Nijkamp P. (ed.). Handbook of regional growth and development theories. Edward Elgar Publishing, 2010.
12. Crang M. Cultural geography. Psychology Press, 1998.
13. Fernandez R., Fogli A. Culture: An empirical investigation of beliefs, work, and fertility // American Economic Journal: Macroeconomics. 2009. Т. 1. № 1. Р. 146–177.
14. Ginsburgh V., Weber S. How many languages do we need?: The economics of linguistic diversity. Princeton University Press, 2011.
15. Gorodnichenko Y., Roland G. Which dimensions of culture matter for long-run growth? // The American Economic Review. 2011. Т. 101. № 3. Р. 492–498.
16. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does Culture Affect Economic Outcomes? // The Journal of Economic Perspectives. 2006. Т. 20. № 2. Р. 23–48.
17. Hofstede G.H. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Sage, 2001.
18. Jackson P. Maps of meaning: an introduction to cultural geography. Psychology Press, 1989.
19. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // The Quarterly journal of economics. 1997. Т. 112. № 4. Р. 1251–1288.
20. Kumar G., Borbora S. Institutional Environment Differences Across the Indian States for Entrepreneurial Development // Review of Integrative Business and Economics Research. 2017. Т. 6. № 4.
21. Lewis, M. Paul, Gary F. Simons, and Charles D. Fennig (eds.). Ethnologue: Languages of the World, Eighteenth edition. Dallas, Texas, 2015.
22. Licht A.N., Goldschmidt C., Schwartz S.H. Culture rules: The foundations of the rule of law and other norms of governance // Journal of comparative economics. 2007. Т. 35. № 4. Р. 659–688.
23. Luttmer E.F.P., Singhal M. Culture, context, and the taste for redistribution // American Economic Journal: Economic Policy. 2011. Т. 3. № 1. Р. 157–179.
24. Putnam R. Bowling Alone Simon and Schuster. New York, 2000.
25. Rauch J.E., Trindade V. Ethnic Chinese networks in international trade // Review of Economics and Statistics. 2002. Т. 84. № 1. Р. 116–130.
26. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications // Journal of personality and social psychology. 1990. Т. 58. № 5. Р. 878–891.
27. Schwartz S. Schwartz Value Survey, 1998–2005: SVS codebook.
28. Schwartz S.H. An overview of the Schwartz theory of basic values // Online readings in Psychology and Culture. 2012. Т. 2. № 1. С. 11.
29. Shane S. Cultural influences on national rates of innovation // Journal of Business Venturing. 1993. Т. 8. № 1. Р. 59–73.
30. Tabellini G. Culture and institutions: economic development in the regions of Europe // Journal of the European Economic Association. 2010. Т. 8. № 4. Р. 677–716.

Токбулатова Ж.Е., Колосов В.А. (Москва)

ОБРАЗ КАЗАХСТАНА В РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Tokbulatova Z.Y., Kolosov V.A.

THE IMAGE OF KAZAKHSTAN IN RUSSIA IN PUBLIC OPINION

Аннотация. Исследуются сложившиеся в российском обществе представления о Казахстане, выявляемые посредством анализа проведенных в разные годы опросов общественного мнения. Используются два типа опросов: общие, в которых Казахстан фигурирует среди возможных вариантов ответов, и специальные, посвященные непосредственно Казахстану. Первые помогают выявить общие контуры образа Казахстана в сопоставлении с образами других государств. Казахстан предстает как культурно близкое и дружественное России государство с ограниченным потенциалом в налаживании экономических отношений и неявным положением в кругу политических союзников, остающееся перспективным объектом интеграции. Второй тип позволяет раскрыть внутреннюю структуру образа, содержащего природно-географическую, культурную, историческую, социально-экономическую и политико-географическую составляющие. Анализ показал выраженное доминирование исторического «слоя», составленного преимущественно стереотипами советского периода, непропорционально большой вклад образа степи, противоречивость социально-экономического и непроработанность политико-географического компонента. В то же время сравнение результатов опросов за разные годы говорит о формировании более сбалансированного, дифференцированного и актуализированного образа.

Abstract. The article concerns with the Russian public perceptions of Kazakhstan, identified by analysis of surveys of different years. Two surveys of two types are used: general, where Kazakhstan stands among other possible answers, and special, devoted directly to Kazakhstan. The firsts can help in defining the outlines of Kazakhstan's image in comparison with the images of other countries (esp. post-Soviet ones). Kazakhstan appears to be a friendly and culturally close to Russia with the limited potential in developing economic relations and unclear position among Russian political allies that remains to be a promising object of integration. The survey of second type allows studying the structure of image that contains five components – natural geographic, cultural, historic, socio-economic and political geographic. Analysis revealed the strong domination by historical «layer» that consists mostly of stereotypes of Soviet times, disproportionate contribution of the image of steppes, contradictoriness of social economic component as well as weakness of political geographic one. At the same time, comparison of results of surveys of different years indicates the developing of more balanced, differentiated and up-to-date image.

Ключевые слова: гуманитарная география, когнитивная география, географический образ, образ страны, общественное мнение, общественные представления, социологический опрос, Казахстан, Россия, постсоветское пространство.

Key words: human geography, cognitive geography, geographical image, country image, public opinion, public perceptions, survey, Kazakhstan, Russian, post-Soviet space.

Введение и постановка проблемы.

Изучение особенностей формирования образа страны приобретает все большую значимость в современном мире, где благосостояние государства и его место на политической и экономической карте во многом зависят от возможностей развития отношений с другими странами. Мир в целом уже осознал важность образа как реального понятия. Как следствие, многие государства стали уделять внимание работе над формированием собственного позитивного имиджа на мировой арене.

Всякий образ многогранен, и отдельные его составляющие влияют на разные аспекты межгосударственных отношений, что делает его перспективным объектом исследования

для специалистов разного профиля – политологов, экономистов, культурологов и т.д. Не остаются в стороне и географы, рассматривающие образ страны (государства) как частный случай «образа территории» или «географического образа».

Строго говоря, более корректно здесь говорить не об образе как некоторой единой характеристике объекта, а о множестве различных образов, формирующихся у разных носителей представлений о нем. Рассуждения об образе в единственном числе требуют предварительного очерчивания круга людей, чьи конкретные и неизбежно неодинаковые представления об объекте «усредняются» и в таком виде кладутся в основу рассматриваемого частного образа.

Контекст международных отношений предполагает фокусировку на «внешних» образах той или иной страны, присущих населению других стран, – в особенности это относится к странам-соседям, жители которых по определению обладают выраженными представлениями об объекте изучения. Так, образ России, к примеру, чаще всего фигурирует в работах в виде частных образов, распространенных в странах постсоветского пространства, сохранивших с Россией исторические и ментальные связи – в Украине [3], Белоруссии [21], Казахстане [2, 18] и др. В свою очередь, исследования представлений о государствах бывшего СССР в еще большей степени замкнуты на России, чья роль в современной экономической, политической и культурной жизни местного населения остается крайне высокой.

Цель данной работы состоит в выявлении сложившихся в российском обществе представлений о Казахстане на основе анализа проведенных к настоящему времени опросов общественного мнения.

Материалы исследования. В качестве основных источников информации были использованы материалы исследований группы Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), Аналитического центра Юрия Левады и исследовательской группы ЦИРКОН. Эти социологические агентства регулярно проводят серии репрезентативных опросов общественного мнения по стандартным выборкам, нацеленных на определение отношения россиян к зарубежным странам. Она варьировала в опросах всех агентств, состоявшихся в 1998–2015 гг., от 1 500 до 1 600 чел., число населенных пунктов, в которых проводились исследования – от 100 до 153, число охваченных субъектов РФ – от 42 до 53, статистическая погрешность колебалась между 2,5% и 3,6%. Исключениями являются опросы двух первых и двух последних лет: опросы Левада-Центра за 1993 и 1997 гг., имеющие несколько больший объем выборки (1800 респондентов), и опросы ВЦИОМ за 2016 и 2017 гг., отличающиеся главным образом методикой проведения (телефонное интервью), а в 2016 г. – еще и меньшим охватом опрошенных (1 200 человек). В анализ были

включены также материалы проекта ФОМ «ГеоРейтинг» за 2009 г. с выборкой в 34 000 респондентов. Особняком стоят также исследования ФОМ «Геопроект: Казахстан» и «Отношение к Казахстану», целиком посвященные выявлению формируемого у россиян образа Казахстана. Всего были проанализированы результаты более 100 опросов¹, проведенных с 1993 по 2017 г. Общероссийский характер выборки и сходство специально отобранных вопросов позволяет сравнивать результаты исследований, хотя отдельные исследования отличаются по методике проведения, объему и структуре выборки. Эти отличия, насколько возможно, были учтены при интерпретации результатов.

Образ страны в географических исследованиях: краткий обзор. Поскольку данная работа опирается на традиции и взгляды, сложившиеся в рамках географических дисциплин, целесообразно рассмотреть наиболее значимые из них. Прежде всего, выделяется обширный пласт работ Д.Н. Замятина, выстроившего комплексную систему подходов к изучению образа территории с доминированием культурологической составляющей. Согласно трудам этого автора, географический образ – это «система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну)» [8]. Образ страны характеризуется им как «устойчивый и диверсифицированный географический образ, основной чертой или особенностью которого является стремление к усложнению структуры и усилению степеней взаимосвязанности его основных элементов» [9].

Похожим образом определяет образ территории и Н.Ю. Замятина: «образ территории – цельное представление о территории, сформированное в сознании; система аналитических соотношений территории с другими присутствующими в сознании понятиями» [25]. В рамках соответствующего подхода образ территории можно исследовать на трех уровнях – психологическом, ментальном и культурном [11].

Обычно исследователи относят географический образ к категориям *гуманитарной*

¹ Здесь под опросом понимается один заданный вопрос в один рассматриваемый год.

географии наряду с такими понятиями, как культурный (этнокультурный) ландшафт, региональная (пространственная) идентичность, пространственный (территориальный) или локальный миф (региональная мифология) [10, 12, 17]. При этом гуманитарная география понимается как «междисциплинарное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность» [10].

Выделяется также отдельное направление гуманитарной географии, известное как *имажинальная (образная) география*, которая изучает «особенности и закономерности формирования географических образов, структуры географических образов, специфику моделирования географических образов, способы и типы репрезентации и интерпретации географических образов» [10].

Многие авторы, помимо (или вместо) образа территории, используют такие близкие ему по смыслу понятия, как *имидж территории* и *бренд территории*. Обычно они, в противовес образу, наделяются коннотацией осознанности и завершенности формирования [7, 25], однако существуют и более сложные трактовки (к примеру, оригинальный подход по разделению имиджа и бренда города Д.В. Визгалова [4]).

Другой, не менее важной областью применения концепта образа территории выступает политическая география. В фокусе таких исследований лежит *низкая геополитика*, составляющая «набор геополитических представлений, символов и образов, о месте страны в мире, ее внешнеполитической ориентации, потенциальных союзниках и главных соперниках, содержащихся в сообщениях СМИ, рекламе и мультфильмах, кино и карикатурах» [16]. На ключевые позиции здесь выходят методы сбора, систематизации и интерпретации данных.

Одним из устоявшихся подходов к изучению политико-географического образа страны является анализ соответствующего дискурса, формируемого СМИ [3, 5, 13, 15, 20, 27]. Кроме того, источниками необходимой информации могут выступать учебные, справочные или художественные тексты [3,

22], а также с недавнего времени и Интернет, благодаря которому появляются новые методы изучения образов территорий, например, с привлечением сервиса Google Earth [23, 24], социальных сетей, блогов и микроблогов [19]. Однако наиболее распространенными методами изучения образов территорий являются социологические, построенные вокруг опросов общественного мнения, т.е. нацеленные на получение информации о сложившихся представлениях непосредственно от их носителей [1, 2, 14, 16, 27, 28, 29].

Результаты исследования.

Казахстан как объект восприятия.

После распада СССР начались необратимые изменения в мировоззрении россиян, их восприятии собственной обновленной страны и отделившихся государств – новых соседей. Начался процесс формирования нового образа Казахстана как независимого государства, поэтому временные рамки исследования включают только постсоветский период. Подчеркнем также, что логично определять важность складывания образа не самого по себе, а в сравнении с другими странами, в том числе в рамках СНГ.

1. Значимый, дружественный, успешный.

Прежде всего, необходимо выяснить, как россияне видят отношения между Казахстаном и Россией и насколько Казахстан, по мнению респондентов, важен и интересен для России. В 1999–2000 гг. около половины опрошенных оценили отношения между странами как благоприятные, остальные же примерно в равной степени – как нейтральные и скорее неблагоприятные². В 2007 г. подобный опрос показал, что первых уже подавляющее большинство: 72% опрошенных назвали отношения хорошими и только 6% плохими³. При этом 80% поддерживают сближение с Казахстаном.

Отметим, что в советский период отношение к Казахской ССР в российском обществе также было вполне положительным, однако в начале 1990-х гг. оно заметно ухудшилось из-за масштабного оттока русскоязычного населения из Казахстана на фоне общих проблем переходного периода. Восстановление позитивного образа можно объяснить

² По материалам опросов ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=383&q_id=31190&date=30.06.1999, https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=348&q_id=28175&date=15.12.2000 (дата посещения: 07.02.2018).

³ Здесь и ниже – по материалам опроса ФОМ «Отношение к Казахстану». URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d071827> (дата посещения: 07.02.2018).

решением ряда потенциально конфликтных вопросов (делimitация границы, положение русскоязычного населения и др.), формированием единой внешнеполитической позиции и набирающим силу интеграционным оптимизмом в обеих странах, а также успешным экономическим развитием России, ставшим определенным драйвером и для казахстанской экономики.

Среди стран СНГ Казахстан стабильно попадает в категорию наиболее значимых потенциальных партнеров, хотя никогда не занимает в ней центральное место. Отвечая на такого рода вопрос в 1993 г., респонденты выделяли три государства – Украину (55%), Белоруссию и Казахстан (по 33%)⁴, правда, в 1997 г. на долю Казахстана выпало уже всего 18%. Другой подобный опрос, проводившийся в 1998–2003 гг., привел к схожим результатам – образовалась лидирующая тройка, в которой Казахстан (15–34%) шел после Белоруссии (43–57%) и Украины (37–55%)⁵. Четвертой страной-партнером среди стран СНГ в то время выступала Молдавия (8–17%).

Такой выбор россиян обусловлен несколькими вполне объективными факторами, среди которых – взаимность в стремлении к сотрудничеству и осязаемое расположение со стороны данных государств к России, а также высокая доля русскоязычных граждан в их населении [6]. Эти страны объединены многовековыми культурными и экономическими связями, в том числе сохранившимися с советских времен.

В масштабе всего мира Казахстан, по мнению россиян, входит только во второй «круг значимости» вместе с США (9%), Японией (6%) и Украиной (по 5%)⁶. Как показали исследования 2009 г., самыми ценными партнерами России тогда виделись Белоруссия, Китай и Германия (соответственно 18%, 12% и 11%). Такое распределение отражало сосуществование в сознании россиян двух

ориентиров – на страны с уже сложившимися прочными связями (Белоруссия) и на развитые державы, сотрудничество с которыми может дать толчок развитию экономики России (Китай, Германия). Респондентами, отметившими значимость Казахстана, предсказуемо оказались жители приграничных регионов – Оренбургской, Новосибирской и Курганской области (19%, 13%, 11%), Алтайского края (10%). В 2014–2017 гг. положение Казахстана в ряду важных партнеров России практически не изменилось (его отметило всего 3–5%), однако в лидеры вышел Китай (31–35%)⁷.

Едва ли не в каждом социологическом исследовании такого рода встречался вопрос, касающийся выявления стран, с которыми у России уже сложились наиболее близкие, прочные, дружественные отношения. Тенденция изменения распределения ответов с 2005 по 2017 г. (по разным источникам) говорит об общем постепенном увеличении роли Казахстана среди стран-друзей – с 20–22% в 2005 г. до 50–51% в 2016 г. – с небольшими проседаниями в отдельные годы (2010 и 2016 гг.)⁸.

Симпатии к Казахстану косвенным образом отражаются в представлениях о наиболее стабильных и успешных странах. По итогам соответствующей серии опросов в 2009–2016 гг. Казахстан прочно занимает первое или второе (после Белоруссии) место среди стран СНГ⁹.

2. Прочность культурных связей

Под культурными связями в данном случае понимается, во-первых, ментальная близость населения (взаимопонимание, культурная общность), а, во-вторых, выраженность интереса к другой стране, желания узнать больше о ее культуре, литературе, истории, музыке.

В ходе опроса 2010 г. 14% респондентов отметило Казахстан среди стран, чья история и культура привлекает их в наибольшей

⁴ По материалам опросов Левада-Центра [6].

⁵ По материалам опросов ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/t8039104>, <http://bd.fom.ru/report/map/t903814>, <http://bd.fom.ru/report/map/dd033931>, <http://bd.fom.ru/report/map/dd051424> (дата посещения: 07.02.2018).

⁶ Здесь и ниже – по материалам мегаопроса ФОМ «ГеоРейтинг». URL: <http://bd.fom.ru/report/map/news10709> (дата посещения: 07.02.2018).

⁷ По материалам опросов ФОМ. URL: <http://fom.ru/Mir/13624> (дата посещения: 07.02.2018).

⁸ Здесь и ниже – по материалам опросов ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центра, а также опросов в рамках проекта «Интеграционный барометр ЕАБР». URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115016>, http://bd.fom.ru/report/cat/fre_an/aliens/d073421, <http://fom.ru/Mir/13624>, <http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2017/06/Vestnik-obshchestvennogo-mneniya-3-4-2016.-Levada-TSentr.pdf>, <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/?YEAR=all&SECTION=integratsionnyy-barometr-eabr> (дата посещения: 07.02.2018).

⁹ По материалам опросов ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111162>, <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=12881>, <https://wciom.ru/index.php?id=241&uid=111190>, <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114637> (дата посещения: 07.02.2018).

степени. Это лишь немногим меньше, чем у Украины и Белоруссии (по 15%)¹⁰.

Такой уровень интереса к Казахстану подтверждается и ответами на более конкретные вопросы: к примеру, отвечая на вопрос «Как Вам кажется, из каких стран надо больше приглашать в нашу страну артистов, писателей, художников, закупать и переводить книги, кино, музыкальные произведения и другую культурную продукцию?», большинство респондентов в 2015–2016 гг. отдавали предпочтение Белоруссии (24–29%); на втором месте среди стран СНГ был Казахстан (16–19%)¹¹. Однако в мировом масштабе такие страны, как Франция, Германия и Великобритания, вызывали у россиян больший интерес (соответственно 27–28%, 24–25% и 21–22%).

Наиболее показательными с точки зрения идентификации ментальных связей оказываются результаты опросов ФОМ от 2014–2017 гг. В ответ на вопрос «С жителями каких стран у россиян, на ваш взгляд, больше всего общего, с кем легче всего найти общий язык, взаимопонимание?» россияне поставили Казахстан сразу после Белоруссии (35–46%), сходство с которой практически не подвергается сомнению (64–71%)¹². Любопытно, что доля ответов в пользу обеих стран падает, что обусловлено увеличившейся с 13 до 22% долей Китая.

3. Ограниченность сфер экономических интересов

Большинство россиян отмечает важность развития экономических связей с Казахстаном. В то же время, по мнению респондентов, их сферы немногочисленны. Крупные страны Западной Европы, Япония и Китай выступают более реальными источниками инвестиций, чем Казахстан. Россияне считают желательным приход компаний, предпринимателей, бизнесменов из Германии (30–39%), Франции (20–23%) и Великобритании (18–22%), а также из Японии (22–26%)

и Китая (14–27%)¹³. Однако доля тех, кто отмечает значение Белоруссии и Казахстана, выросла в 2012–2016 гг. соответственно с 5 до 14% и с 3 до 10%.

По сходным причинам сотрудничество в области науки и техники, проведение совместных исследований, обмен разработками, технологиями, научными идеями, по мнению россиян, также не является областью, в которой Казахстан может быть полезен – здесь в ответах респондентов в 2012–2016 гг. доминируют Япония (45–50%), Германия (36–41%) и Китай (21–43%), а в 2012–2013 гг. еще и США (26–17%). Что касается Казахстана и Белоруссии, то динамика здесь такая же – доля респондентов в 2012–2016 гг., выделивших Казахстан, возросла с 3 до 11%, а упомянувших Белоруссию – с 5 до 16%.

Тем не менее, по результатам ответов на прямой вопрос «Как вы считаете, сотрудничество с какими из этих стран сейчас важнее всего для российской экономики?» Казахстан уступает лишь Китаю (48–56%) и Белоруссии (29–40%)¹⁴. В 2014 и 2016 гг. респонденты считали, что важность экономического сотрудничества с Казахстаном сопоставима с Германией, в 2017 г. – с Германией и США (20–35%).

4. Парадоксы взглядов на внешнюю политику

В рейтинге доверия россиян к отдельным государствам СНГ Казахстан с 2009 г. занимает главенствующие позиции (37–55%), чаще всего располагаясь сразу после Белоруссии (23–68%)¹⁵. В 2010–2011 гг. он даже опережал Белоруссию, но впоследствии уступил лидерство, хотя доля доверяющих Казахстану респондентов к 2016 г. возросла. Остальные страны заметно отстают от лидеров¹⁶.

Это говорит о том, что Казахстан выступает в российском общественном мнении традиционно надежным партнером России на мировой арене. Однако круг предполагаемых политических союзников неустойчив,

¹⁰ По материалам опросов ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111162> (дата посещения: 07.02.2018).

¹¹ По материалам опросов в рамках проекта «Интеграционный барометр ЕАБР». URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/integratsionnyy-barometr-eabr-2015/>, <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/integratsionnyy-barometr-eabr-2016/> (дата посещения: 07.02.2018).

¹² Здесь и ниже – по материалам опросов ФОМ. URL: <http://fom.ru/Mir/13624> (дата посещения: 07.02.2018).

¹³ Здесь и ниже – по материалам опросов в рамках проекта «Интеграционный барометр ЕАБР». URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/?YEAR=all&SECTION=integratsionnyy-barometr-eabr> (дата посещения: 07.02.2018).

¹⁴ По материалам опросов ФОМ. URL: <http://fom.ru/Mir/13624> (дата посещения: 07.02.2018).

¹⁵ По материалам опросов ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=12881>, <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113435>, <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116003> (дата посещения: 07.02.2018).

¹⁶ По материалам опросов ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=12881>, <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116003> (дата посещения: 07.02.2018).

и именно отношение к политическим связям в наибольшей степени реагирует на изменения общей обстановки.

Примеры таких зачастую парадоксальных мнений о внешней политике России встречаются в самые разные периоды¹⁷. На вопрос о блоках государств, на которые России следует ориентироваться во внешней политике, в 2003–2013 гг. ответ «Украина, Беларусь, Казахстан, другие страны СНГ» (45–54%) уступал варианту «Германия, Франция, Великобритания, другие страны Западной Европы», а в 2015 г. вариант с упоминанием страны СНГ пропустил вперед ответ «Индия, Китай» – 39% против 52%¹⁸.

Опросы в рамках проекта «Интеграционный барометр ЕАБР» в 2012–2016 гг. показали постоянство в выборе стран, которым Россия могла бы оказать военно-политическую помощь. На протяжении последних пяти лет респонденты стабильно выбирали Белоруссию (37–48%), Казахстан (26–36%), Армению (18–28%), в 2012–2014 г. многие отмечали также Украину (21–27%)¹⁹. Изменилось отношение россиян к Китаю – его доля возросла с 8% в 2012 г. до 22% в 2016 г. Более того, в 2017 г. едва ли не половина опрошенных (41%) назвала Китай государством, которое могло бы поддержать Россию в случае нападения; в меньшей степени в этой роли россияне видят Белоруссию (25%) и Казахстан (18%)²⁰.

5. Интеграционный оптимизм

Особое внимание в опросах общественного мнения занимает тема интеграционных настроений. Этот блок включает самые разные виды вопросов – от создания общих границ до отношения к ныне существующим интеграционным объединениям. Россияне поддерживают все формы интеграционных объединений с Казахстаном. Выбирая между двумя основными векторами интеграции – союзом России, Украины, Белоруссии

и Казахстана и Европейским союзом, 43% опрошенных в 2014 г. предпочитали первый, тогда как второй получил всего 9%²¹.

Среди групп стран, предпочтительных для объединения с созданием общей границы, респонденты в 2004–2011 гг. чаще других отмечали страны бывшего СССР. Больше всего «голосов» за восстановление Союза было подано в 2005 г. (27%); затем доля постепенно падала, но не опускалась ниже 14–21%²². В 2004 г. всего 9% респондентов выбрали вариант «в объединенном союзе России, Украины, Белоруссии и Казахстана», однако затем доля сторонников такого альянса росла, хотя и с перепадами, и составила в 2011 г. 17%. В Европейском союзе хотели бы жить 10–15% опрошенных, а 7–12% респондентов отметили СНГ как лучший вариант. Впрочем, предсказуемо наибольшую долю в 2004–2011 г. получал ответ «в своей собственной стране» – от 30 до 51%. В 2015 г. в связи с событиями на Украине этот ответ выбрали 57% россиян.

Результаты другого подобного опроса выявили иную закономерность – с 1998 г. разница между долей респондентов, выбравших опции «в нынешних границах плюс Белоруссия и Украина» и «в нынешних границах плюс Белоруссия, Украина и Казахстан», постепенно росла в пользу второй из них²³.

Среди интеграционных объединений, в которые входят Россия и Казахстан, наименьшей поддержкой пользуется сотрудничество в рамках СНГ по причине господствующего в российском обществе скептического отношения к его перспективам и восприятия данного объединения в первую очередь как «суррогата» СССР.

В целом в разные годы отмечалось положительное отношение большинства россиян к гипотетическому присоединению Казахстана к союзу Белоруссии и России (80%)²⁴, к подписанию договора о создании Единого

¹⁷ По материалам опросов ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/of19991602> (дата посещения: 07.02.2018).

¹⁸ По материалам опросов Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/02/OM20151.pdf> (дата посещения: 07.02.2018).

¹⁹ Здесь и ниже – по материалам опросов в рамках проекта «Интеграционный барометр ЕАБР». URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/?YEAR=all&SECTION=integratsionnyy-barometr-eabr> (дата посещения: 07.02.2018).

²⁰ По материалам опросов ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116285> (дата посещения: 07.02.2018).

²¹ По материалам опросов Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/om14.pdf> (дата посещения: 07.02.2018).

²² Здесь и далее – по материалам опросов ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111840> (дата посещения: 07.02.2018).

²³ По материалам опросов Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/om14.pdf> (дата посещения: 07.02.2018).

²⁴ По материалам опросов ФОМ. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=502&q_id=36642&date=30.10.2000 (дата посещения: 07.02.2018).

экономического пространства (76%)²⁵, созданию Евразийского экономического союза (67–79%)²⁶.

Структура образа Казахстана. В общем случае в любом сложном географическом образе можно выделить некоторое количество обобщенных структурных компонентов, или слоев, под каждым из которых кроется более или менее выраженный комплекс разнообразных тематически сближенных, а порой и функционально связанных частных элементов, мотивов. Совокупное число такого рода слоев невелико, однако их соотношение варьирует в крайне широких пределах, формируя в конечном итоге общую картину. К примеру, В.В. Чихичин в структуре образа города выделяет географическую, историческую, культурную, политическую и экономическую составляющую, рассматривая их все как равноправные [26]. Другие авторы выводят из общего ряда политический (политико-географический) образ, представляя его как результат сложного синтеза природного, культурного и социально-экономического образных слоев, опирающихся на географическую основу [2].

Рассмотрение образа страны как системы сравнительно автономных смысловых слоев существенно облегчает процесс его выявления посредством анализа контента СМИ, блогов, результатов опросов общественного мнения и т.п. Распределение сюжетов/записей/ответов по тематическим группам, каждой из которых ставится в соответствие определенный образный слой, представляется наиболее простым и в то же время корректным способом перехода от содержания первичных материалов к смысловой структуре образа. Подчеркнем, что речь идет только о первичной оценке структуры: более глубокое раскрытие образа требует более сложных подходов, однако на начальном этапе исследования данный прием вполне эффективен. Пример использования такого подхода, в частности, представлен в работе «Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика» под редакцией В.А. Колосова, где при анализе опросов весь массив ответов был разделен на категории, отражающие географические,

культурные и исторические, геополитические, социальные, экономические и бытовые сведения или ассоциации о стране.

Смысловая структура образа Казахстана в России оценивалась на основе опросов населения, проведенных ФОМ в рамках исследований «Геопроект: Казахстан» и «Отношение к Казахстану» в 2002 и 2007 гг. (по 1 500 респондентов в 100 населенных пунктах 44 регионов России)²⁷. Особый интерес представляет открытый вопрос о первой ассоциации, возникающей у респондента при упоминании Казахстана (на него был получен ответ примерно у 60% респондентов в оба года). Такой простой по сути вопрос позволяет «заглянуть вглубь» образа, выделить соотношение различных составляющих (см. табл. 1).

Нередко подчеркивается, что базой образа страны обычно выступают ее природные и географические особенности, поскольку образы появляются в первую очередь на визуальном уровне: человек представляет характерные для страны ландшафты [2]. Опросы 2002 г. показали, что у 16% респондентов Казахстан ассоциируется прежде всего с красотами степной природы; реже встречаются другие образы, также отсылающие к природной составляющей. Тем не менее, фундаментом образа служит описание одной из природных зон страны, хотя степи покрывают лишь около четверти ее территории.

Следующая составляющая образа – культурная. Здесь к визуальным представлениям подключаются и простые тексты (байки, анекдоты, легенды и мифы) [2]. Лишь 2% респондентов первоначально ассоциируют Казахстан с материальной культурой. Этнический фактор также является важной составляющей культурного слоя, т.к. зачастую образ страны может сводиться к представлениям о проживающем в ней населении. В первую очередь о жителях Казахстана вспоминают 5% опрошенных.

Историческая составляющая образа представляет собой условную совокупность всех категорий элементов, для которых расположение на ленте времени важнее, чем природа появления. К примеру, в 2002 г. в первую

²⁵ По материалам опросов ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd033931> (дата посещения: 07.02.2018).

²⁶ По материалам опросов в рамках проекта «Интеграционный барометр ЕАБР». URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/integratsionny-barometr-eabr-2016/> (дата посещения: 07.02.2018).

²⁷ Здесь и ниже – по материалам опросов ФОМ «Геопроект: Казахстан» и «Отношение к Казахстану». URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d071827>, <http://bd.fom.ru/report/map/dd022230> (дата посещения: 07.02.2018).

Таблица 1

Смысловые слои образа Казахстана
(по материалам опроса ФОМ «Геопроект: Казахстан», 2002 г.)

Слой	%	Примеры ассоциаций
Природно-географический	16	Бесконечная степь, отары овец; жаркий климат, хлебный край, хорошие природные данные; страна на юге; большая страна около Каспийского моря; красивое озеро, прекрасная природа; арбузы, дыни, степи; горные массивы
Культурный	2	Культура: юрты, шапочки; женщины в национальных костюмах, юрта; плов; народные казахские костюмы
	5	Этнический фактор: народность – казахи; основное население – казахи; казахи – они и есть казахи
Исторический	6	СССР: бывшая республика СССР; когда-то был с нами; есть такая наша бывшая республика; бывший Советский Союз
	16	Байконур: Байконур, космос; Байконур – наша база; космонавтика; ракеты запускают оттуда; полигон ракетный
	8	Освоение целины: целинные просторы; освоение целины; целину поднимал весь народ
Социально-экономический	2	Бедное государство: нищая страна; бедная страна, нищета
	1	Богатое государство: очень богатая страна; у них все в порядке, живут лучше нас; обеспеченность, самостоятельность, спокойствие
	1	Сотрудничество между странами: дружественная республика; братская страна
Политико-географический	3	Н.А. Назарбаев: президент Назарбаев – умный мужик; президент Казахстана; хороший президент

очередь о советском прошлом вспомнили 6% опрошенных, но при этом встречались и другие ассоциации, косвенно отсылающие к советскому периоду: 16% респондентов прежде всего вспомнили Байконур, а 8% – освоение целины.

При соединении этих трех групп ассоциаций получается, что у 30% опрошенных первые представления о Казахстане связаны с советским периодом. Внимание к этому периоду истории Казахстана выглядит логичным, однако почти полное отсутствие каких-либо упоминаний более ранних и более поздних событий вызывает вопросы. По какой причине досоветский период остался за рамками внимания, определить сложно, а низкую информированность населения о независимом Казахстане, вероятно, можно связать с ослаблением связей и ограниченностью источников информации, среди которых главным является телевидение, где преобладают политические новости.

Более динамичным предстает социально-экономический слой, охватывающий целый комплекс экономических процессов и показателей, таких как уровень развития и темпы роста экономики, внешняя торговля, инвестиционное сотрудничество, миграционные процессы и т.д. Однако лишь 4% респондентов

связывают образ Казахстана с экономическими факторами. Парадоксальным образом 2% респондентов воспринимают Казахстан как бедную страну, 1% – как богатую, и, наконец, еще 1% вспоминает о сотрудничестве между Россией и Казахстаном. Делать какие-либо далеко идущие выводы из такого распределения едва ли целесообразно.

Выделяется также и политико-географический фактор формирования образа, в 2002 г. практически полностью замыкавшийся на образ одного человека – главы государства. Около 3% респондентов свели первую ассоциацию с Казахстаном к Н.А. Назарбаеву, при этом большинству (42%) президент Казахстана симпатичен.

Выводы. Сравнение результатов опросов за разные годы позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, стереотипы о Казахстане в первую очередь как о бывшем советском государстве постепенно размываются. Следствием этого стал «рост» политико-географического слоя, уже не ограниченного образом президента, с 3 до 10%, а также сокращение исторически обусловленной составляющей, по-прежнему распадающейся на три части, связанные с Байконуром, целиной и Казах-

ской ССР. В 2007 г. лишь около 20% опрошенных связывали Казахстан с советским периодом против 30% в 2002 г. Надо полагать, что эта тенденция получила в последующие годы дальнейшее развитие.

Во-вторых, снизилась важность природной составляющей – стереотип о степях в 2007 г. фигурировал в ответах лишь 8% респондентов, тогда как в 2002 г. таких было 16%.

В-третьих, упоминаемость культурных и экономических ассоциаций практически не изменилась, хотя можно отметить некоторое улучшение образа, отраженное в росте ответов, связанных с восприятием Казахстана как богатой, стабильной и дружественной страны.

Наконец, стоит отдельно подчеркнуть, что в целом образ стал заметно более сбалансированным, дифференцированным и актуализированным: уменьшился перекося в сторону советских ассоциаций, ослабла роль «точечных» и устаревших стереотипов (степь, целина, Назарбаев). Если результаты опроса 2002 г. вызывали вопросы о приемлемости и допустимости такого уровня ментальной освоенности государства, с которым имеется самая длинная в мире общая сухопутная граница, общее историческое прошлое и предполагаемое будущее, то данные за 2007 г. настраивают скорее на оптимистический лад. Вероятно, данную тенденцию можно считать вполне естественной, отражающей медленную трансформацию ментальной карты россиян, с большим трудом

избавляющихся от атавизмов советского мировоззрения. В этой связи с учетом того, что с момента второго опроса прошло уже более 10 лет, особенно интересным представляется проведение еще одного схожего исследования, на основании которого уже можно было бы сделать более обоснованные выводы касательно господствующих тенденций в изменении образа Казахстана в зеркале общественного мнения россиян.

Что касается места страны на ментальной карте россиян, то здесь выводы скорее неутешительны. Хотя образ Казахстана как культурно близкого и дружественного государства, выделяющегося даже среди прочих постсоветских республик, сохраняет свою выраженность, в других сферах ситуация не такая однозначная. Дефицит видимых точек развития отношений между странами в экономической сфере не позволяет Казахстану войти в круг предполагаемых перспективных партнеров в области инвестиций, технологий, научных разработок и т.п., тогда как представления россиян о стратегических союзниках и противниках в принципе не отличаются стабильностью и чутко реагируют на изменения текущей внешнеполитической ситуации. В то же время отмеченная выше тенденция роста ментальной освоенности государства может быть связана с растущим интеграционным оптимизмом: выраженная поддержка россиянами интеграционных связей с Казахстаном дает основания надеяться на скорые позитивные изменения.

Библиографический список

1. Баринов С.Л., Гриценко А.А., Самсонова А. Образ Украины и особенности местной идентичности населения российско-украинского пограничья // Региональные исследования. 2009. № 3 (24). С.22–28.
2. Бочкарева И.Б., Есимова А.Б., Замятин Д.Н. Образы Центральной Азии в России и России в Казахстане (анализ ответов студентов и публикаций в СМИ) // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 30–47.
3. Вендина О.И., Колосов В.А., Попов Ф.А., Себенцов А.Б. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 50–67.
4. Визгалов Д.В. Брендинг города. М.: Фонд «Ин-т экономики города», 2011. 157 с.
5. Грибок М.В. Анализ формирования образов регионов России в федеральных информационных программах телевидения с помощью ГИС. Дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2009. 146 с.
6. Дубин Б. Россия и соседи: проблемы взаимопонимания // Вестник общественного мнения. 2005. № 1 (75); янв.–февр. С. 19–33.
7. Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 11–23.
8. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. № 2. Т. 9. С.26–50.
9. Замятин Д.Н. Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С.107–112.
10. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Известия РАН. Сер. географическая. 2011. № 5. С. 97–108.
11. Замятина Н.Ю. Концептуальные основы изучения региональных образов // Региональные исследования. 2011. № 2 (32). С.24–35.

12. Замятина Н.Ю. Создание образа территории – одна из сфер практического применения гуманитарной географии // *Общественная география: многообразие и единство*. Под ред. А.С. Фетисова, И.С. Ивановой, И.М. Кузиной / Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 19. М.–Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 127–140.
 13. Замятина Н.Ю., Арутюнян К.М. Взаимосвязи образов стран Европы в прессе (по материалам газет «Таймс» и «Нью-Йорк Таймс») // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География*. 2005. № 5. С.60–65.
 14. Колосов В.А., Зотова М.В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа? // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 5. С.170–186
 15. Колосов В.А., Себенцов А.Б. Северный Кавказ в российском геополитическом дискурсе // *Полис: Политические исследования*. 2014. №2. С.146–163.
 16. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Под ред. В.А. Колосова. М.: Ин-т Фонда общественного мнения, 2003. 304 с.
 17. Митин И.И. Методика комплексной культурно-географической характеристики территории. Дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2007. 221 с.
 18. Панарин С.А., Разумов Я.В. Как воспринимают Россию в Казахстане? // *Вестник Евразии*. 2008. №1. С.129–148.
 19. Перминова Ю.Ю., Тикунов В.С. Образы регионов России в интернете // *География и природные ресурсы*. 2014. № 3. С.148–156.
 20. Попов Ф.А. Эволюция представлений об интеграционных процессах на постсоветском пространстве // *Мир перемен*. 2016. № 1. С. 147–163.
 21. Рева Е.К., Казеева К.С. Образ России как информационный конструкт в постсоветском пространстве (на материалах газеты. «Народная воля») // *Вестник Пензенского государственного университета*. 2014. № 2 (6). С.19–24.
 22. Руцинская И.И. Путеводитель как феномен массовой культуры. Образы российских регионов в провинциальных путеводителях второй половины XIX – начала XX веков. М., 2013. 285 с.
 23. Соколова А.А. Виртуальное освоение и виртуальные образы региона (по данным Google Earth и Panoramio) // *Известия РГО*. 2010. Т. 142. Вып. 6. С. 31–36.
 24. Соколова А.А. Зона Волго-Балтийского водного пути на геоизображении Google Earth: виртуальное пространство и визуализированная реальность // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2011. № 141. С.148–160.
 25. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 325 с.
 26. Чихичин В.В. Географический анализ образов городов Ставропольского края. Дисс. ... канд. геогр. наук. Ставрополь, 2006. 181 с.
 27. Kolossov V., Toal G. An Empire's Fraying Edge? The North Caucasus Instability in Contemporary Russian Geopolitical Culture // *Eurasian Geography and Economics*. 2007. Vol. 48, № 2. P.202–225.
 28. O'Loughlin J., Kolossov V., Toal G. Inside Abkhazia: Survey of Attitudes in a De Facto State // *Post-Soviet Affairs*. 2011. Vol. 27, № 1. P.1–3.
 29. O'Loughlin J., Kolossov V., Toal G. Inside the post-Soviet de facto states: A comparison of attitudes in Abkhazia, Nagorny Karabakh, South Ossetia and Transnistria // *Eurasian Geography and Economics*. 2014. Vol. 55, Is. 5. P. 423–456.
-

УРБАНИЗАЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ

УДК 911:3 (470.311)

Махрова А.Г., Бабкин Р.А. (Москва)

АНАЛИЗ ПУЛЬСАЦИЙ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДАННЫХ СОТОВЫХ ОПЕРАТОРОВ¹

Makhrova A.G., Babkin R.A.

ANALYSIS OF MOSCOW AGGLOMERATION SETTLEMENT SYSTEM PULSATIONS BASED MOBILE OPERATORS DATA

Аннотация. С использованием обезличенных данных сотовых операторов о локализации абонентов проведен анализ пульсации системы расселения Московской агломерации. На основе абсолютных значений и относительных диапазонов колебаний даны объяснения причин флуктуаций численности населения. С позиций хроногеографической концепции изучены суточные, недельные и сезонные особенности колебаний численности населения отдельных элементов системы расселения столичной агломерации в зависимости от различного рода зональных и азональных факторов. Выявлены ведущие типы пульсаций для конкретных территорий в разрезе поясной структуры Москвы и поясно-секторальной структуры Московской области. Кроме того, проведено сравнение численности ночного населения с данными официальной статистики, которое выявило завышение численности населения Москвы при его занижении в Московской области, объяснены причины обнаруженных несоответствий.

Abstract. Using impersonal data of cellular operators on subscriber localization the pulsation of the settlement system of the Moscow agglomeration was analyzed. On the basis of absolute values and relative ranges of oscillations explanations for the causes of population fluctuations are given. From the positions of the chrono-geographical concept, the daily, weekly and seasonal features of population variations in the elements of the agglomeration settlement system depending on the various zonal and azonal factors have been studied. The leading types of pulsations for specific areas were identified in the context of Moscow's belt structure and the belt-sectoral structure of the Moscow Region. In addition, a comparison of the number of the night population with the official statistics, which revealed an overestimation of the population of Moscow at its underestimation in the Moscow region, explained the reasons for the discrepancies found.

Ключевые слова: Московская агломерация, система расселения, хроногеография, маятниковые миграции, суточные, недельные и сезонные пульсации населения.

Key words: Moscow metropolitan area, resettlement system, chrono-geography, commuting, daily, weekly, seasonal fluctuations of population.

Введение и постановка проблемы. Возвратная мобильность населения, прежде всего маятниковые миграции с трудовыми, учебными, культурно-досуговыми целями, — неизменный спутник процесса агломерирования, которые служат яркими маркерами глубины его протекания. Диспаритет в размещении мест проживания населения и центров занятости, учебы, культуры и досуга является мощным фактором, стимулирующим миграции населения и

обуславливающим постоянную пульсацию системы расселения агломераций. Этот процесс, протекающий одновременно в разных пространственно-временных срезах, особенно заметен в одной из крупнейших агломераций мира — Московской агломерации и отличается чрезвычайной сложностью и комплексностью.

Использование методов анализа, базирующихся на данных официальной статистики, не может дать релевантную картину действи-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме») Института географии РАН.

тельности. Более того, официальные статистические данные серьезно искажают информацию о распределении населения, что предопределяет необходимость использования альтернативных источников информации. В данной работе на основе обезличенных сведений о локализации абонентов сотовой связи впервые за последние 30 лет проводится комплексная оценка разновременных пульсаций населения Московской агломерации. Это позволяет не только преодолеть существующий статистический «тупик», но и выявить реальную картину распределения населения в разных пространственно-временных срезах, и дать оценку расхождений с данными официальной статистики.

Обзор ранее выполненных исследований. Масштабные работы по исследованию пространственно-временных пульсаций на территории Московской агломерации были выполнены в конце 1980-х гг., когда Н.В. Петровым был проведен комплексный анализ пространственной динамики системы расселения при помощи имеющихся в то время технических средств и источников на основе использования хроногеографической концепции [9, 10]. В дальнейшем значимых работ в данном направлении не предпринималось, несмотря на значительные преобразования, произошедшие в системе расселения столичной агломерации за этот период. Можно выделить лишь несколько работ, в которых на основе разных источников информации, делались попытки такого анализа. Так, А.И. Трейвишем с опорой на модели, а также расчетные и экспертные материалы многих авторов была получена приблизительная картина расселения в регионе на условный день его обычного «сжатия» (будний зимний) и «растяжения» (летний выходной), включая оценки численности и плотности населения в отдельных структурных элементах Московской агломерации [6]. В работе А.Г. Махровой и П.Л. Кириллова на основе разных источников информации, прежде всего данных социологических опросов, сделаны оценки пульсации «реальной» численности населения Московской области по поясам периферийности [4].

Появление новых источников информации в виде данных операторов сотовой связи возвратило интерес к изучению пульсаций населения и в последние 5 лет появилось несколько работ, рассматривающих частные случаи этого процесса. Первая работа с использованием такого вида данных, но с ограниченной выборкой, была проведена в 2013 г. на основе информации по локализации абонентов «Мегафон» [1]. Позднее данные операторов сотовой связи использовались для оценки дачной мобильности населения столичного региона и изучения передвижений типа «дом – работа» [2, 3]. Однако широта возможностей для применения данного источника информации намного больше: она позволяет решать и другие исследовательские задачи по изучению пульсаций системы расселения Московской агломерации.

Материалы и методы исследования. В данной работе были использованы обезличенные данные операторов сотовой связи («Билайн», «МТС», «Мегафон») о локализации абонентов по состоянию на июль (лето) и октябрь (зима) 2015 г., предоставленные Департаментом информационных технологий города Москвы². Использование этих сведений позволяет с достаточно высокой точностью и временной дробностью анализировать флуктуации системы расселения Московской агломерации³ и решать ряд научных задач, выполнить которые в рамках других методов анализа было бы невозможным.

Использование этих данных в пространственно-временном разрезе производится в контексте актуальной и вобравшей в себя множество теоретических подходов хроногеографической концепции, становление и развитие которой тесно связано с именем шведского географа Т. Хегерстранда и его учеников [14, 16, 17]⁴. Ее особенность – идея тождественного равенства в исследованиях пространственных и временных характеристик географических явлений, когда территория рассматривается через пространственно-временную призму, на которую проецируются реальные и планируемые траектории движения индивидов.

² Авторы благодарят Департамент информационных технологий правительства г. Москвы за возможность использовать предоставленные данные о передвижениях абонентов сотовой связи для написания данной работы.

³ Вопрос о границах Московской агломерации, ее ядра и пригородной зоны остается открытым и разными авторами трактуется по-разному. В данной работе Московская агломерация упрощенно рассматривается в составе Москвы и Московской области из-за особенностей предоставления данных сотовых операторов только по этим двум субъектам РФ.

⁴ Подробный анализ эволюции работ в области хроногеографии дан в работе А.В. Стариковой и А.И. Трейвиша [12].

Использование пространственно-временной концепции позволяет решать различные исследовательские задачи, включая выявление траекторий движения индивидов и их групп, выделение ареалов интенсивности проявления пространственно-временных явлений, а также ареалов, где происходит «замыкание» разновременных циклов жизнедеятельности людей и их сообществ. Кроме того, пространственно-временная концепция предоставляет возможность охарактеризовать такие аспекты расселенческих структур, как интенсивность связей, мощность коммуникационных потоков, функциональная организация внутренней структуры. Особенно важно изучение различий и ритмики функционирования структур расселения в суточном, недельном, сезонном режимах. На изучение именно этих пульсаций системы расселения Московской агломерации направлена данная работа.

Результаты исследования.

Оценка численности постоянного населения. Вопрос о том, какова реальная численность населения Москвы и Московской области, наверное, возникает в первую очередь. Привычные для исследователей официальные статистические данные в силу ряда причин искажают реальную картину распределения постоянного населения по территории агломерации, а также не позволяют изучать динамические элементы ее пространственно-временной структуры. Сравнение общей численности постоянного населения, фиксируемого статистикой, и оценки населения по данным сотовых операторов в зимнюю буднюю ночь, которые максимально приближены к численности постоянного населения, дают неожиданный результат. Официальная статистика существенно завышает численность населения Москвы, но занижает показатели Московской области. Население столицы в зимнюю буднюю ночь меньше фиксируемой статистикой на 1,6 млн чел., составляя 10,7 млн чел. против 12,3 млн чел. Численность населения Московской области по данным сотовых операторов достигает почти 8,5 млн чел. против «официальных» 7,2 млн человек [13]. При этом, как показывают данные сотовых операторов, даже в будний зимний день, когда численность наличного населения столицы максимальна за счет, прежде всего,

маятниковых мигрантов с трудовыми и учебными целями, она более чем на 600 тысяч меньше, чем показывает статистика.

Такие расхождения сложно объяснимы и могут быть связаны с действием разных причин. Во-первых, это двудомность москвичей, которые, сохраняя столичную регистрацию, постоянно живут на своих дачах в Московской области, что уменьшает население столицы и увеличивает людность области. Однако социологические опросы показывают, что таковых довольно немного – около 300 тыс. чел. [4]. Кроме того, часть москвичей постоянно живет в своих городских квартирах в области, когда для решения жилищной проблемы покупается более дешевое подмосковное жилье, но сохраняется регистрация в Москве и все связанные с этим «столичные блага» (доплаты к пенсиям, московское здравоохранение и пр.). Однако, как представляется, значительная часть расхождений в оценках людности столицы может быть связана с погрешностями проведения переписи. Такие отклонения были зафиксированы еще в ходе переписи населения 2002 г., когда учтенное население превысило реальное. Так, текущие данные статистики показывали, что на 2002 г. людность столицы составляла 8,6 млн, но перепись оценила ее уже в 9,9 млн чел. Аналогичные расхождения были характерны и для 2010 г., когда население выросло с 10,6 до 11,4 млн чел. Как правило, эти расхождения связывают с недоучетом миграций, но данные сотовых операторов позволяют по-новому оценить эти расхождения, вызывая большие сомнения в корректности методики проведения переписей населения.

Наименьшие расхождения между данными сотовых операторов и официальной статистикой (в пределах 10%) характерны для центрального (в границах Центрального административного округа) и субцентрального поясов Москвы (районы – непосредственные соседи центра). Большие различия наблюдаются при рассмотрении остальной территории Старой Москвы, включающей в себя срединный, периферийный и внешний пояса. Официальная статистика завышает численность населения срединного пояса на 13%, а периферийного и внешнего – почти на четверть.

В Московской области, напротив, численность населения двух ближних поясов

занижается официальной статистикой примерно на треть (причем первого пояса – на 42%). Кроме незарегистрированных москвичей свое влияние оказывает и ведущееся здесь активное жилищное строительство. Статистика попросту не успевает оперативно отслеживать изменение населения застраиваемых территорий. С другой стороны, большие объемы относительно дешевого жилья (в сравнении с московским) обеспечивают высокий спрос на его арендный сегмент. Для дальних (третьего и четвертого) поясов характерно небольшое завышение официальной статистикой реальной численности населения (на 10–15%). Причины этого могут быть связаны с так называемым «мини-отходничеством» в виде растянутой более чем на сутки маятниковой миграции, а также с обучением молодежи в вузах Москвы (в отличие от жителей ближних поясов области студентам из периферийных районов области, как правило, предоставляется общежитие)⁵.

Отдельно стоит сказать о Новой Москве, для которой характерны серьезные диспропорции между официальной численностью населения и показателями, предоставляемыми сотовыми операторами. Росстат «занижает» численность населения, граничащего с МКАД Новомосковского округа, примерно в 2 раза, а более удаленного Троицкого округа – в 1,4 раза. Таким образом, общее «занижение» для Новой Москвы составило примерно 1,8 раз. Причины таких различий идентичны с ближними и средними поясами подмосковных муниципалитетов (активное жилищное освоение территории, распространение второго жилья и др.), что позволяет говорить о сохранении прежних тенденций развития этой территории ещё в составе Московской области.

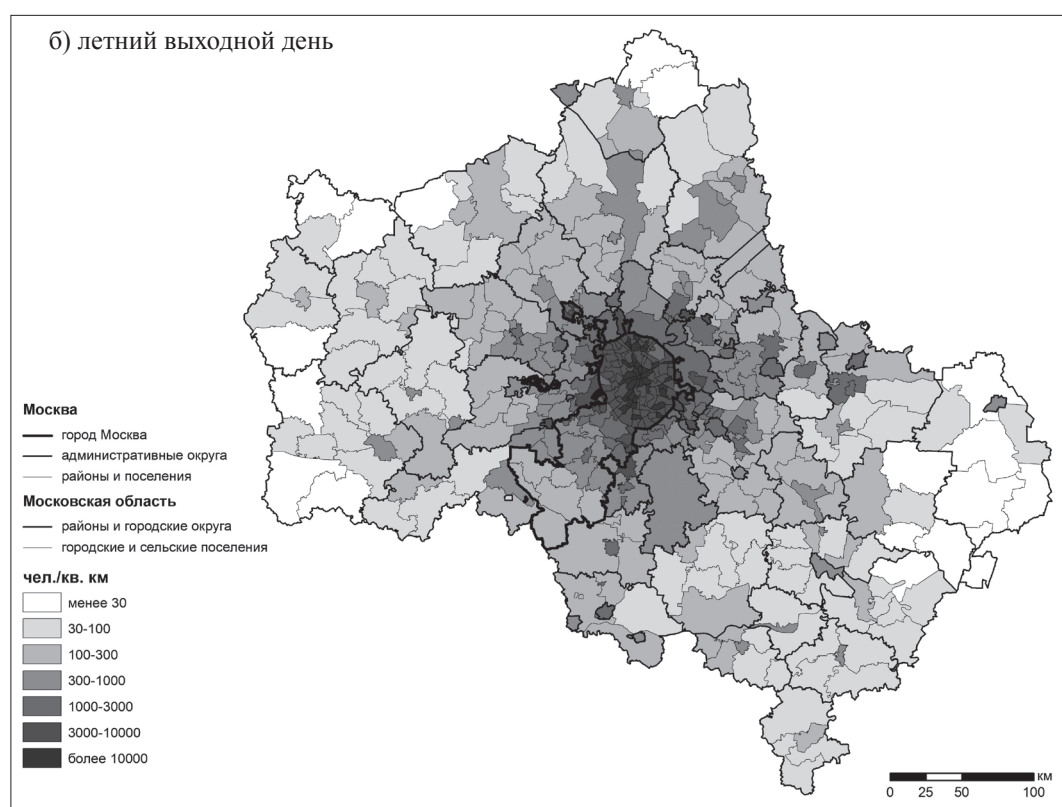
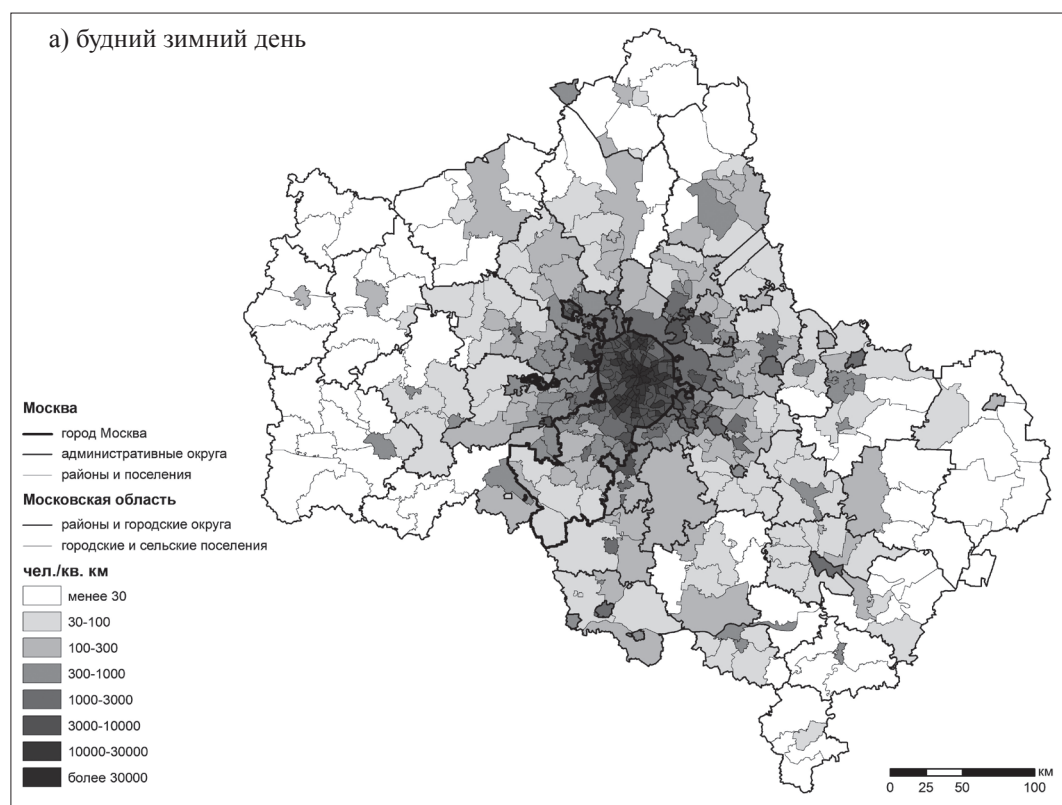
Сезонная динамика. Наиболее показательными характеристиками различий в противоположные временные полюса будут численность и плотность населения, используемые в данной статье как показатели сезонной динамики в будний зимний и летний выходной дни. В летние месяцы ночное население области достигает 9,2 млн чел., становясь сопоставимым с московским, которое, напротив, уменьшается до 10 млн чел.

В выходные дни, т.е. уже в рамках недельной динамики, когда наблюдается пик поездок на дачи и отпусков, численность населения, сконцентрированного на территории области, даже превышает ночное население столицы. В это время Москва теряет статус 10-миллионного города, «сжимаясь» примерно на 15% в сравнении с будним летним днем. С учетом сезонных изменений интервал пульсаций населения столицы достигает 30% между выходным днем летом и будним днем зимой. Еще больше он для области – 40% в течение года.

Зимний будний день – это период максимальной концентрации населения в Москве, особенно в ее районах-аттракторах с развитым рынком труда, концентрацией учебных и торгово-развлекательных функций. В это время наблюдается ярко выраженный процесс «стягивания» населения к центру агломерации: наивысшую плотность имеют районы центра Москвы, для некоторых из которых показатель плотности превосходит 30 тыс. чел./км² (рис. 1а). В противовес этому в летний выходной день значительная часть населения Москвы и городов Подмосковья рассредоточивается по дачно-рекреационным муниципалитетам. В это время плотность населения в центральных районах столицы не превышает 10 тыс. чел./км², а плотность населения слабоурбанизированных муниципальных образований области значительно увеличивается. Сезонные колебания плотности населения – наиболее показательная иллюстрация процесса пульсации, позволяющая в общем виде выделить как районы тяготения коммьютеров, так и районы дачно-рекреационной «специализации» (рис. 1а, 1б).

Поясные и секторальные особенности пульсации населения. Рассмотрение столичной агломерации сквозь призму хроно-географической концепции требует детального анализа ее территориальной структуры, включая традиционно выделяемые пояса и сектора. Сильные колебания численности населения Москвы и Московской области в суточных, недельных и сезонных ритмах при практически стабильной совокупной численности их населения говорят о формировании единой и взаимосвязанной системы

⁵ Стоит отметить, что важность отходничества из дальних районов Московской области для других поясов незначительна в виду его «размазывания» на обширной территории с высокой численностью населения (отходники из других регионов, величина которых существенна, из-за отсутствия данных в данной работе не учитываются).

**Рис. 1. Плотность населения Московского столичного региона
в будний зимний и летний выходной день**

Составлено авторами на основе данных сотовых операторов

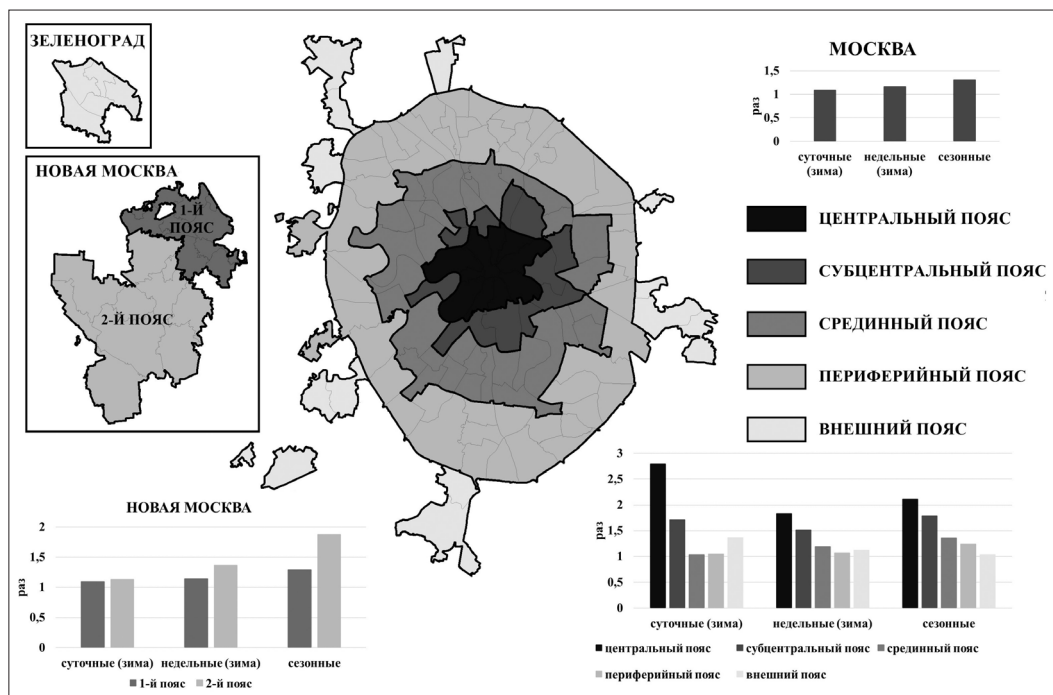

Рис. 2. Градиенты пульсаций населения по поясам Москвы в различных временных срезах

Составлено авторами на основе данных сотовых операторов

расселения, в которой изменения в одной части прямо отражаются в других частях. При этом необходимо отметить, что для каждого структурного элемента агломерации можно выделить ведущее направление пульсации населения – суточное (соотношение крайних значений дня и ночи буднего зимнего дня), недельное (соотношение дневной численности населения буднего и выходного дней) или сезонное (соотношение дневного населения буднего зимнего и летнего выходного дней) (рис. 2).

Центральный пояс Москвы, состоящий из районов Центрального административного округа (ЦАО), подвержен наиболее сильным флуктуациям численности населения во всех временных срезах. При этом суточная динамика здесь проявляется наиболее ярко: разница между дневным максимумом и ночным минимумом населения в зимний будний день составляет 2,8 раз, что соответствует максимальному перепаду и в течение года (различие между выходным днем летом и будним днем зимой здесь такое же).

Центральный пояс представляет собой деловое ядро столицы, притягивающее маятниковых мигрантов со всей территории агло-

мерации. Так, в дневной максимум буднего зимнего дня на территории центрального пояса находится 0,5 млн жителей Московской области, что составляет 21% населения центра. Маятниковые миграции из дальних поясов Московской области сюда часто имеют тип кратковременного отходничества (недельного), что выражается в значительном градиенте численности населения в недельном срезе (1,8 раз). Для центра характерна и ярко выраженная сезонность – различие в численности населения между выходным летним и зимним будним днем (в 2,1 раза в пользу последнего).

Субцентральный пояс, состоящий из районов Москвы, соседствующих с ЦАО, также подвержен существенным суточным колебаниям численности населения. Можно отметить, что данный пояс по характеру изменений является полным соответствием центрального пояса, но с меньшей глубиной их протекания. Так, разница между дневным максимумом и ночным минимумом населения зимнего буднего дня здесь составляет 70% (против 180% у центра), недельные перепады численности населения составляют 1,5 раза, а сезонные – 1,8 раза.

Таким образом, субцентральный пояс служит продолжением центра и состоит из районов с высокой аттрактивностью, часть из которых по своим характеристикам вполне соответствуют наиболее привлекательным районам центра (например, Донскому и Даниловскому с суточными градиентами пульсаций в 2,5 раза).

Таким образом, все муниципалитеты ЦАО, а также Даниловский и Донской районы относятся к «районам-аттракторам», в которых дневное население превосходит ночное в 2–4 раза. Формирование «районов-аттракторов» в субцентральной зоне, который по существу является продолжением центра, не только уменьшает время транспортных корреспонденций для трудовых мигрантов из Московской области и расширяет границы агломерации, но приводит к расширению территории центра Москвы. В отличие от советского периода развития города, когда его деловое ядро было относительно стабильным [11], для современной Москвы характерно расширение границ центра.

Срединный пояс Москвы состоит из соседей ЦАО 2-го порядка и служит своеобразным буфером между районами-аттракторами и спальными районами. Флуктуации населения здесь максимально сглажены, показатели суточных колебаний составляют всего 5%. На этом уровне более значимую роль играют недельные и сезонные изменения, однако и эти значения не столь велики, достигая 1,2–1,4 раз. Таким образом, районы срединного пояса характеризуются меньшей аттрактивностью и практически постоянной численностью населения за счет частичной ротации населения в течение суток, когда выезжающих из своего района жителей замещают маятниковые мигранты из внешних поясов Москвы и Московской области. Так, на территории срединного пояса в будний день находится свыше 500 тыс. жителей Московской области, которые составляют 20% населения этой территории в дневные часы (в ночные часы этот показатель уменьшается более чем в три раза.), что сопоставимо с показателями центрального пояса.

Оставшиеся районы Москвы в пределах МКАД формируют обширный *пояс внешней периферии*. Как и в срединном поясе, суточные колебания здесь также составляют всего 5%, однако дневное население меньше ноч-

ного, а значительное число районов представляют типичные «спальни». Сезонная динамика выражена меньше, чем в срединном поясе (межсезонные изменения в пределах 25%). Еще меньше показатели недельной динамики (в пределах 10%), что говорит о слабой привлекательности районов этой зоны для подмосковных коммьютеров.

Районы Москвы, расположенные за кольцевой автодорогой (кроме Новой Москвы), образуют *первый или ближний пояс внешней периферии*. Для них характерны значительные суточные колебания численности населения, а спальный характер территории обуславливает значительное превышение ночного населения над дневным (на 37%). Недельная и сезонная ритмика выражена слабее: разница между максимальными и минимальными значениями составляет 1,05–1,15 раз. В то же время внешний пояс внутри себя весьма неоднороден. Наименьшая «спальность» характерна для Зеленограда, теряющего в рамках дневной маятниковой миграции около 10% населения, что типологически приближает его к наиболее экономически диверсифицированным муниципалитетам первого пояса Московской области (Химки, Королёв, Долгопрудный и т.д.). Напротив, «суперспальные» показатели присущи таким районам как Митино, Выхино-Жулебино, Некрасовка, Южное Бутово, Солнцево, Ново-Переделкино, в которых численность дневного населения составляет только 62–73% от ночного.

Отдельного рассмотрения заслуживают вновь присоединенные к Москве территории – Новомосковский и Троицкий АО, которые по характеру пульсаций населения гораздо больше похожи на Московскую область, нежели на Москву. Здесь наблюдается ярко выраженный сезонный рост численности населения: в ближнем к Москве Новомосковском округе он составляет примерно 30%, достигая в более удаленном Троицком округе почти 90%, что сближает его с отдельными сельскими слабоурбанизированными муниципалитетами области. Недельная динамика населения Новой Москвы также похожа на областную, причем Троицкий округ получает значительно больший относительный приток населения в выходные дни, что также характерно для слабоурбанизированных муниципалитетов области. Суточная ритмика обоих округов неве-

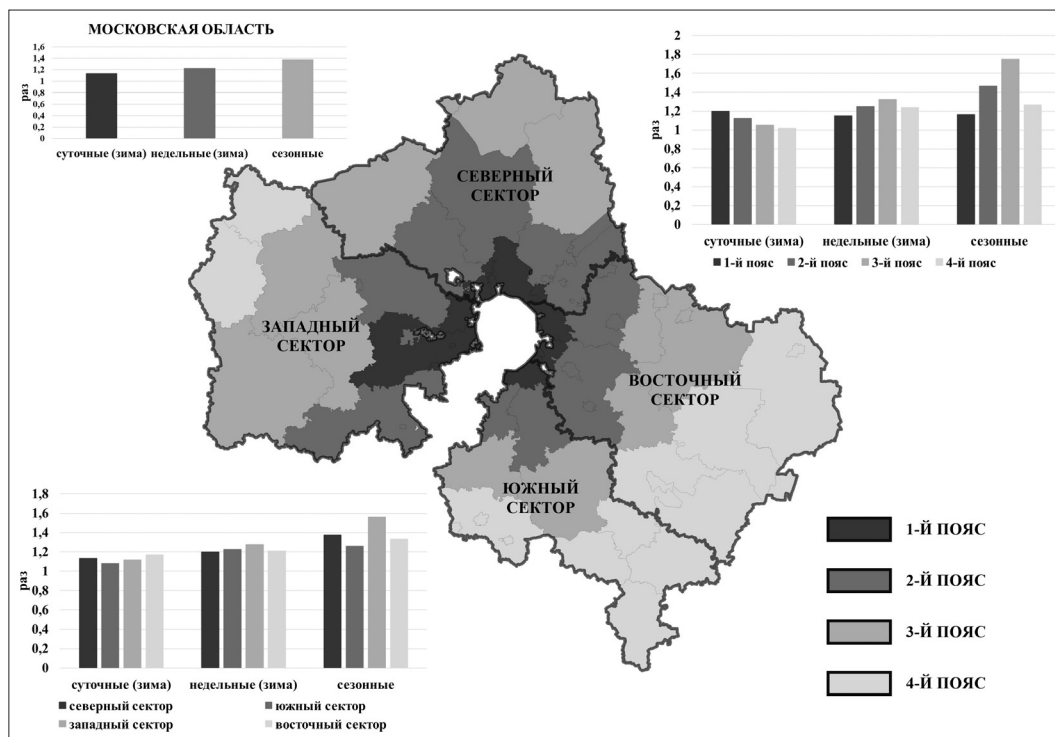

Рис. 3. Градиенты пульсаций населения по поясам и секторам Московской области в различных временных срезах

Составлено авторами на основе данных сотовых операторов

лика: первый днем теряет 9% своего ночного населения, второй – 12%.

Московская область в целом является контрагентом Москвы в процессах пульсаций населения, т.е. здесь они имеют обратную величину и направленность. Однако характер пульсаций населения различен в территориальных подсистемах области и требует анализа в разрезе ее поясno-секторальной структуры (рис. 3).

Первый пояс Московской области отличается ведущей ролью суточных пульсаций населения: его ночное население достигает 3,5 млн чел., сокращаясь днем до 2,9 млн чел. (на 17%). Степень взаимодействия данного пояса со столицей исключительно велика и находится на одном уровне с муниципалитетами внутренней и внешней периферии Москвы. В то же время отчетливо выражены недельные изменения (зимой в выходные население увеличивается на 15%, летом – на 8%). Сезонный летний прирост составляет 16%, что объясняется дуалистичной расселенческой структурой пояса, включающего в себя как многонаселенные городские тер-

ритории, так и обширные субурбанизированные пространства.

Для *второго пояса* характерна ведущая роль сезонных и недельных пульсаций. Первые объясняются дачными миграциями, вторые – удлиненными ритмами маятниковых трудовых миграций в столицу как форма мини-отходничества. Недельные градиенты в зимнее время достигают 27%, в летнее – 18% при значительном превышении населения в летний выходной день над зимним будним (46%), отражая значимую дачно-рекреационную роль данного пояса. Суточные изменения численности населения здесь менее выражены и для буднего зимнего дня составляют около 330 тыс. чел. или 11% от постоянной численности населения. Таким образом, уже во втором поясе Московской области наблюдается постепенный переход к недельным ритмам возвратных миграций, а также возрастание роли второго жилья в сезонном изменении расселения.

Третий пояс во многом схож со вторым: недельные пульсации здесь еще более значимы, достигая 30–35% на протяжении всего

года. Это является прямым отражением углубляющихся по сравнению с ближними поясами области процессов удлиненных возвратных миграций, а также развитой дачной субурбанизацией. Сезонная ритмика также хорошо выражена и является максимальной во всей области (прирост 75%): размах колебаний между зимним будним и летним выходным днями составляет 0,9 млн чел. (2,1 млн чел. зимой и 1,2 млн чел. летом). В то же время суточные пульсации незначительны – в будний зимний день численность населения этого сектора сокращается всего на 60 тыс. чел. (с 1,26 до 1,20 млн чел.). Стоит отметить, что именно в этом поясе, на значительном удалении от Москвы формируются относительно самодостаточные центры-аттракторы в виде крупных областных центров – Сергиев Посад, Орехово-Зуево, Дубна, Клин и др.

Наиболее дальний *четвертый пояс* области выделяется некоторым ослаблением недельных пульсаций (около 25% в течение всего года), которые, тем не менее, играют здесь основную роль при значительном сокращении градиентов суточных пульсаций (в пределах 3%) в сравнении со вторым и третьим поясами. Такая ситуация говорит о практически полной переориентации режимов жизни местного населения на недельную ритмику. Сезонные колебания также ослабевают (до 26%), что говорит о меньшей рекреационно-дачной аттрактивности входящих в этот пояс муниципалитетов из-за значительных расстояний от основных потребителей рекреационных услуг. При этом в данном поясе выделяется сверхпривлекательный западный сектор, рост населения которого летом по сравнению с зимой составляет 250%, что, прежде всего, происходит за счет его невысокой постоянной численности населения (около 25 тыс. чел.).

Другим подходом к анализу территории Московской области служит ее секторальное рассмотрение, которое позволяет выявить особенности пульсаций расселенческой системы вне зависимости от расстояния до ядра агломерации.

Северный сектор характеризуется умеренными суточными градиентами колебаний численности населения: дневное население здесь меньше ночного на 12% или 300 тыс. чел., при этом половина этого сокращения приходится на ближний 1-й пояс. Недель-

ные пульсации отличаются большими масштабами: в выходной день население сектора возрастает на 20% (с 2,3 до 2,8 млн чел.). Однако наиболее выразителен сезонный градиент, достигающий почти 40%.

Южный сектор отличается наименьшими среди секторов градиентами пульсаций на всех уровнях. В будний зимний день этот сектор теряет менее 8% своего населения или около 120 тыс. чел. Недельная и сезонная ритмики выражены сильнее: в выходной день прибавляется 22% населения (более 300 тыс. чел.), а различие между зимним будним и летним выходным днями достигает 26% (350 тыс. чел.).

Основным отличием *западного сектора* от остальных является ярко выраженная сезонная ритмика его численности населения. В летний будний день население возрастает здесь более чем на половину в сравнении с будним днем зимы (с 1,4 до 2,2 млн чел.), что подтверждает весомость дачно-рекреационных функций данной территории в рамках всей столичной агломерации. Тем не менее, недельная ритмика здесь немногим выше остальных секторов: прирост в выходной день составляет 27%. Суточные пульсации невысоки и составляют около 10%.

Наконец, *восточный сектор* характеризуется наивысшими среди всех секторов параметрами суточных колебаний: ночной максимум населения превышает дневной минимум на 17%, что говорит о «спальном» характере значительного числа муниципалитетов данного сектора. Немногим сильнее здесь недельные колебания: население выходного дня превышает население буднего дня на 21%. Сезонные колебания тут выше, чем в северном и западном секторах, но ниже чем в южном, составляя 34%.

Таким образом, пульсации населения в Московской агломерации сочетают зональные и азональные особенности, формируя сложные, но в целом логичные закономерности и взаимозависимости.

Выводы. Использование данных сотовых операторов о передвижениях абонентов предоставляет новый инструмент изучения системы расселения Московской агломерации, который обеспечивает необходимый массив информации для анализа разномастных типов пульсаций населения, позволяя давать количественные характеристики

ки процесса возвратных миграций в разрезе всей агломерации и отдельных элементов ее секторально-поясной структуры.

При высокой динамичности системы расселения столичной агломерации сильные суточные пульсации населения, когда потоки коммьютеров устремляются в районы-аттракторы, «сжимают» активное агломерационное пространство, а недельно-сезонные дачно-рекреационные миграции «растягивают» каркас жизнедеятельности. Колоссальные масштабы этих изменений и многофакторность их динамики в различных временных промежутках делает необходимым применение подобного анализа для решения научно-исследовательских и прикладных задач (например, для практического применения данных и результатов проведенного анализа в городском, транспортном и др. планировании).

Важно отметить, что масштабы колебаний и ведущий тип пульсаций различны для каждого территориального элемента системы расселения. Для центрального пояса ядра агломерации – Москвы – важнейшую роль имеют суточные пульсации, а градиенты всех типов колебаний населения наибольшие во всей столичной агломерации, что говорит о гипертаттрактивности и чрезвычайном динамизме характеристик расселения данной территории. Субцентральный пояс столицы примерно в равной степени подвержен суточной и сезонной ритмике, уступая по глубине колебаний только центру. В срединном и периферийном поясах главенствующую роль имеют сезонные пульсации, при этом градиенты всех типов пульсаций существенно ниже по сравнению с центральным и субцентральным поясами. Внешний пояс районов Москвы за МКАД характеризуется значительными суточными колебаниями и сильным оттоком населения в дневные часы. На территории Новой Москвы преобладают недельные и сезонные пульсации при более сглаженной суточной ритмике, что сильно отличает эту территорию от остальной Москвы и сближает ее с Московской областью.

В Московской области суточные колебания играют доминирующую роль только для 1-го пояса, ослабевая с удалением от границ МКАД. Во втором, третьем и четвертом поясах на первый план выходят сезонные и недельные пульсации, что связано с распро-

странением «мини-отходничества» и дачно-рекреационных миграций в летние дни и на выходные. В ближайшем будущем можно ожидать сохранения высоких градиентов суточных пульсаций населения для 1-го пояса из-за продолжающегося здесь активного жилищного строительства и несмотря на создание новых локальных центров притяжения. В то же время за счёт увеличения аттрактивности субцентрального и срединного поясов столицы, а также формирования на границах Москвы и области новых центров притяжения возможна смена миграционных стратегий для значительной части жителей 2-го пояса, связанная с их переориентацией с недельных на суточные ритмы. Для территорий 3-го и 4-го поясов Московской области вероятно усиление роли агломераций второго порядка, охватывающих, в том числе, соседние регионы ЦФО, а также углубление процессов «мини-отходничества» в столицу.

Секторальные различия на территории области более сглажены за счет доминирования центр-периферийных различий. При этом можно отметить максимально высокие сезонные колебания численности населения в западном секторе, который традиционно выделяется своими рекреационными функциями, а также северо-восточный сдвиг проявления суточной мобильности коммьютеров из-за «спального» характера большинства муниципалитетов. Для южного сектора характерны невысокие колебания в суточном и недельно-сезонном выражении, что отчасти связано с «выемкой» из него территории Новой Москвы. В то же время активная жилищная застройка присоединенных территорий столицы и окружающих их муниципалитетов Московской области даёт основания полагать, что общеагломерационный северо-восточный сдвиг пульсаций населения будет несколько смягчён возрастающими градиентами суточных колебаний на южном направлении.

Кроме того, важно отметить, что оценки численности населения, сделанные на основе данных операторов сотовой связи, сильно расходятся с официальной статистикой, показывая серьезные искажения реальной картины распределения постоянного населения, которые по некоторым муниципалитетам превышают 4 раза. Для Москвы в целом и практически всех районов за пределами центра наблюдается завышение

численности населения при занижении показателей населения Московской области и большинства ее муниципалитетов (за исключением некоторых средних и крупных городов). Таким образом, данные сотовых опера-

торов позволяют не только проводить анализ системы расселения «в движении», но и вносить поправки в не всегда корректные статистические показатели постоянной численности населения.

Библиографический список

1. Богоров В., Новиков А., Серова Е. Самопознание города // Археология периферии. М., 2013. С. 380–405. URL: http://issuu.com/mosurbanforum/docs/_d_uf_380-405_data (дата обращения: 25.03.2018).
2. Дом – работа, работа – дом, 2016. URL: https://yandex.ru/company/researches/2016/home_work (дата обращения: 05.03.2018).
3. Махрова А.Г., Бочкарев А.Н. Маятниковая миграция в Московском регионе: новые данные // Демоскоп Weekly. 2017. № 727–728. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0727/demoscope727.pdf> (дата обращения: 05.03.2018).
4. Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.
5. Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н. Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценок потоков с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 71–82.
6. Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro et Contra. 2012. № 6 (57). С. 19–32.
7. Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
8. Московский столичный регион: территориальная структура и природная среда: Опыт геогр. исслед. / Под ред. Г.М. Лаппо и др. М.: ВНИИПМ, 1988. 320 с.
9. Петров Н.В. Морфологический анализ в геоурбанистике (исследования пространственной структуры урбанистических форм). Предпринт. М.: Ин-т географии АН СССР, 1986. 54 с.
10. Петров Н.В. Пространственно-временной анализ в социальной географии: (Основные достижения и направления исслед. швед. шк. [Т. Хегерстранда]). М.: ВИНТИ, 1986. 55 с.
11. Пространственно-временной анализ системы расселения Московского столичного региона / Под ред. Н.В. Петрова. М.: Ин-т географии АН СССР, 1988. 204 с.
12. Старикова А.В., Трейвиш А.И. Время, место и мобильность: эволюция хроногеографии // Региональные исследования. 2017. № 3. С. 13–22.
13. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 25.04.2018).
14. Carlstein T., Parker D., Thrift N.J. eds. Timing space and spacing time. London, Edward Arnold, 1978. 444 p.
15. Harvey D. Social processes, spatial form and the redistribution of real income in an urban system. In: Regional forecasting. L., 1970. P. 267–300.
16. Hägerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Postscript and translation by A. Pred. Chicago and London: University of Chicago Press, 1967. 334 p.
17. Lenntorp B. Time-geography: at the end of its beginning // GeoJournal. 1999. № 48 (3). P. 155–158.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВА

УДК 911.3

Безруков Л.А. (Иркутск)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРИ)¹

Bezrukov L.A. (Irkutsk)

INSTITUTIONAL FACTOR OF INTERREGIONAL IMBALANCES IN RUSSIA (THROUGH THE EXAMPLE OF SIBERIA)

Аннотация. Обоснована ведущая роль институционального фактора экстерриториальности крупного капитала в усилении межрегиональных диспропорций в России на постсоветском этапе. Показаны масштабы отставания сибирских регионов от среднего уровня страны и уровня Москвы по основным социально-экономическим показателям, выявлена динамика ряда показателей Сибири в сравнении с аналогичными показателями Москвы. Установлена систематическая тенденция искусственного занижения экономических показателей индустриальных сибирских регионов с перераспределением большей части их доходов в пользу федерального центра, столичных городов (Москвы и Санкт-Петербурга), крупнейших общероссийских компаний (включая зарубежные офшоры). Раскрыты негативные последствия данной тенденции: ухудшение социально-экономического положения основной массы регионов, переизбыток финансовых ресурсов в Москве и реализация там сверхзатратных проектов, обострение опасного политического эффекта поляризации, угроза национальной безопасности в целом.

Abstract. The leading role of the institutional factor of the extraterritoriality of big capital in increase in the interregional imbalances in Russia in the post-Soviet period is substantiated. The scale of the backwardness of the Siberian regions from the average level of the country and level of Moscow in terms of basic socio-economic indices is shown, and the dynamics of a number of Siberian indices in comparison with corresponding indices of Moscow is revealed. The systematic tendency of artificial understating of economic indices of industrial Siberian regions with redistribution of the most part of their incomes in favor of the federal center, capital cities (Moscow and St. Petersburg), the largest all-Russian companies (including foreign off-shores) is established. The negative consequences of this trend are revealed: deterioration of the social and economic situation of the bulk of the regions, oversupply of financial resources in Moscow, and the implementation there of wildly expensive projects, aggravation of the dangerous political effect of polarization of the country, and the threat to national security as a whole.

Ключевые слова: межрегиональные диспропорции, институциональный фактор, экстерриториальность крупного капитала, индустриальные сибирские регионы, перераспределение доходов, статистические искажения, зарубежные офшоры, финансовые потоки, межбюджетные отношения.

Key words: interregional imbalances, institutional factor, extraterritoriality of big capital, industrial Siberian regions, redistribution of incomes, statistical distortions, foreign off-shores, financial flows, inter-budget relations.

Введение в проблему и ее изученность. Анализ возникновения и воспроизводства территориальной дифференциации мира, неравномерности развития стран и районов по праву принадлежит к числу традиционных и важнейших задач классической экономической (или шире – общественной) географии. Масштабы территориальных диспропорций

особенно велики в России, где резкая поляризация социально-экономического пространства представляет собой не только социальную и экономическую проблему, но и проблему национальной безопасности в виде угрозы целостности России [6, 10]. Оставляя за рамками настоящей работы внутри-региональные контрасты, рассмотрим лишь

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Правительства Иркутской области в рамках проекта №17-410-380002 p_a.

межрегиональные, исследование которых имеет исключительно большое значение и актуальность.

Вполне закономерно, что вопросы неравномерности территориального развития страны получили самое широкое отражение в публикациях отечественных географов и экономистов. Так, в работах географов сформулировано важное в теоретическом отношении понятие «территориальной справедливости» как территориального разреза социальной справедливости [10], а принцип территориальной справедливости предложено считать основным принципом государственной региональной политики [11]. Заметно меньше внимания обычно уделяется причинам и факторам социально-экономической дифференциации и ее усиления на постсоветском этапе. Тем не менее традиционный набор этих факторов хорошо известен специалистам. Примером может служить «пирамида факторов регионального развития» О.В. Кузнецовой [12], где на нижних уровнях находятся имеющие, по ее мнению, ключевое значение объективные факторы (природно-климатический, транспортно-географический, распределение природных ресурсов, степень освоенности территории, исходный уровень развития и структуры экономики, экономико-географическое положение и др.), а на верхнем уровне – факторы институтов и экономической политики, играющие второстепенную роль.

Правда, в ходе анализа этой «пирамиды» неизбежно возникает вопрос о том, почему при относительной неизменности названных объективных факторов произошло резкое увеличение территориальных диспропорций именно на постсоветском этапе. Следует, конечно, согласиться с теми новыми причинами роста территориального неравенства, которые связаны главным образом с действием рыночных факторов – либерализацией цен и внешней торговли и пр. [10]. Однако представляется, что список и приоритетность перечисленных факторов нуждаются в дополнении и корректировке: при всей значимости объективных факторов (географического и экономического характера) и названных рыночных факторов вовсе не они обусловили на постсоветском этапе такое усиление межрегиональных социально-экономических контрастов, которое привело к дотационности бюджетов подавляющего большинства субъектов РФ.

По нашему мнению, основной фактор, снижающий эффективность их экономики и ухудшающий социально-экономические показатели, носит институциональный характер. Это фактор экстерриториальности доминирующего крупного капитала, определяющий искусственное занижение реального вклада большинства индустриальных регионов в общероссийские экономические показатели. Под экстерриториальностью капитала в данном случае понимается приобретение им особых свойств (преимуществ) в отношении территории своего происхождения, что для постсоветского этапа в РФ означает перераспределение экономических выгод (т. е. финансовых ресурсов, доходов, налогов) крупнейших компаний из регионов их непосредственной производственной деятельности (регионов присутствия) в другие регионы и страны – как правило, в российские столицы (Москву и Санкт-Петербург) и/или зарубежные офшоры.

Наличие данного фактора в той или иной мере известно научной общественности, а отдельные аспекты указанной тематики изучались целым рядом экономистов [5, 9, 12, 13, 15, 19, 20] и существенно меньше экономико-географами [2, 4, 7, 8, 14]. Однако до сих пор нет отчетливой картины действия этого фактора и выявления хотя бы основных причинно-следственных связей и зависимостей на основе системных количественных оценок. Уместно назвать три возможные причины сложившейся ситуации: во-первых, непонимание значимости фактора экстерриториальности крупного капитала, что объяснимо сложностью количественной оценки его вклада в формирование межрегиональных диспропорций; во-вторых, определенная политическая «табуированность» темы, затрагивающей финансовые интересы Москвы и крупнейших корпораций; в-третьих, трудности информационного плана, проявляющиеся в отсутствии или сложности получения необходимых статистических и отчетных финансово-экономических материалов.

Результаты и их обсуждение. Действие фактора экстерриториальности капитала покажем на примере Сибири, под которой в соответствии с общегеографическим подходом понимается обширный макрорегион от Тюменской области с округами на западе до

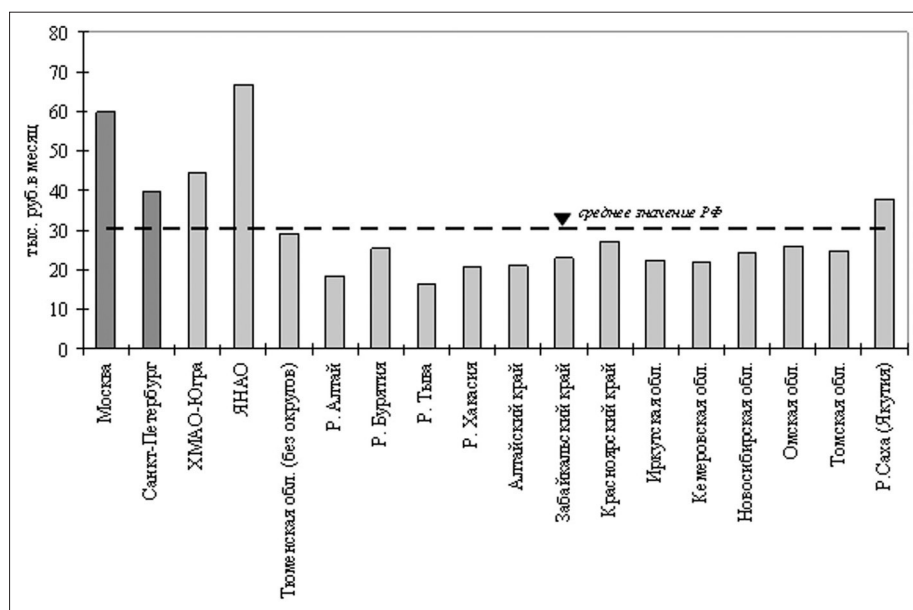

Рис. 1. Среднедушевые денежные доходы населения в 2015 г., тыс. руб. в месяц

Составлено по данным [16].

Республики Саха (Якутии) на востоке включительно. Концентрируя свыше 2/3 экспортного потенциала страны, реализация которого служит главным источником наполнения федерального бюджета, сибирские регионы (за исключением нефтегазовой Тюменской области с ее округами), как следует из анализа имеющихся статистических материалов [16], по основным социально-экономическим показателям заметно отстают от основной массы других субъектов Федерации.

Подавляющее большинство из 16 сибирских субъектов РФ отличалось в 2015 г. среднедушевыми денежными доходами населения ниже уровня страны в целом и в 2,1–3,7 раза ниже уровня Москвы (рис. 1). Выше среднероссийского уровня доходы только в нефтегазовых округах Тюменской области – Ханты-Мансийском – Югра (ХМАО – Югра) и Ямало-Ненецком (ЯНАО), а также в Якутии, полностью расположенной в зоне Крайнего Севера. Между тем правильнее учитывать эти доходы без районных коэффициентов и северных надбавок, предназначенных для компенсации повышенных затрат на жизнеобеспечение. Тогда доходы сибиряков выглядят еще скромнее.

Продолжительность жизни в Сибири – одна из самых низких в России: во всех сибирских регионах, за исключением округов

Тюменской области, продолжительность жизни ниже среднероссийского уровня – 71,4 года в 2015 г. По сравнению с москвичами (76,8 года) жители Сибирского федерального округа (69,3 года) живут меньше на 7,5 лет, а жители Республики Тыва (63,1 года) – на целых 13,7 лет (Тыва занимает «рекордное» последнее 85 место из 85 субъектов РФ).

Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума во всех сибирских субъектах, кроме округов Тюменской области, превышает среднероссийский уровень. Только в ЯНАО эта доля ниже, чем в столице. По сравнению с Москвой доля такого малообеспеченного населения в основных промышленных регионах Сибири (ХМАО – Югра, Красноярский край, Кемеровская, Иркутская, Томская, Новосибирская и Омская области, Тюменская область без округов) больше в 1,4–2,2 раза, а в республиках Алтай и Тыва – даже в 2,7–4,3 раза.

Сибирь дает 43,5% доходов федерального бюджета, однако характеристики бюджетно-финансовых систем большинства ее регионов нельзя считать благоприятными: собственных бюджетных доходов в значительной мере недостаточно, в связи с чем регионы получают безвозмездные поступления (трансферты) из федерального бюджета, т. е. являются дотационными. Если доля

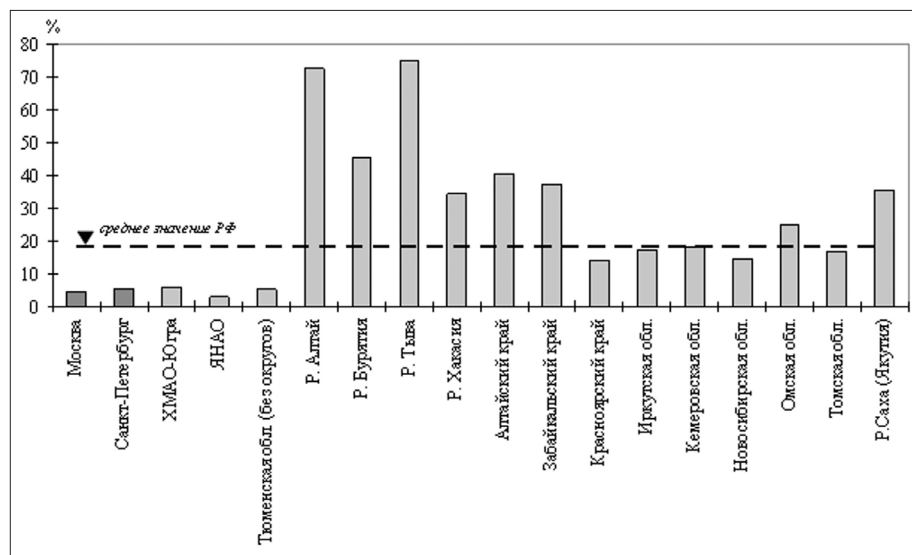

Рис. 2. Уровень дотационности (доля трансфертов из федерального бюджета в доходах консолидированных бюджетов регионов в 2015 г.), %

Составлено по данным [16]

трансфертов из федерального бюджета в доходах консолидированных бюджетов Тюменской области и ее округов (как и в Москве) в 2015 г. не превышала 10%, то в доходах других «сильных» индустриальных регионов эта доля находилась в диапазоне 10–25%, в доходах более «слабых» регионов – 30–50%, в доходах самых отсталых регионов (республики Алтай и Тыва) – свыше 70% (рис. 2). В половине сибирских субъектов РФ уровень дотационности выше среднего по стране. В 2015 г. консолидированные бюджеты всех сибирских регионов, кроме Тюменской области (без округов) и ХМАО – Югры, были дефицитны, что означает превышение бюджетных расходов над доходами. Уровень их бюджетного дефицита, определенный как отношение дефицита к доходам, был намного выше среднего по стране, причем даже в таких «сильных» регионах, как Красноярский край и Новосибирская область, превышение аналогичного среднероссийского уровня достигало 5,5 раза.

Закономерно возникает вопрос: почему так низка эффективность экономики Сибири, неужели крупнейшие по индустриальному и экспортному потенциалу сибирские регионы не могут «выживать» без постоянной федеральной поддержки? Чтобы прояснить этот вопрос, связанный прежде всего со статистическими искажениями и искусственными занижениями, необходимо рассмотреть истин-

ный баланс доходов и расходов и выявить, сколько Сибирь отдает и сколько получает.

Доля Сибири в объеме промышленной продукции России в 2015 г. составляла 25,1%, валовом региональном продукте (ВРП) – 20,7%, инвестициях в основной капитал – 24,1%, поступлении налогов в бюджетную систему страны – 31,3%, тогда как в численности населения – 16,3% [16]. Это означает, что даже по официальным статистическим данным вклад Сибири в экономику страны в 1,3–1,9 раза больше ее доли в населении.

Между тем статистика сильнее всего образом занижает основные экономические показатели макрорегиона вследствие учета значительной их части по месту расположения (обычно в Москве или Санкт-Петербурге) штаб-квартир (головных офисов) вертикально-интегрированных компаний, контролируемых сибирскими предприятиями, а также применения специальных финансовых схем и механизмов, которые будут названы ниже. По нашим расчетам [2], в начале 2000-х гг. истинная доля Сибири в объеме промышленной продукции, экспорта и бюджетных доходов занижалась официальной статистикой в 1,8–2,3 раза. К сожалению, в связи с трудностями получения необходимой информации более свежие оценки дать невозможно, но следует предположить, что за прошедшие годы положение существенно ухудшилось

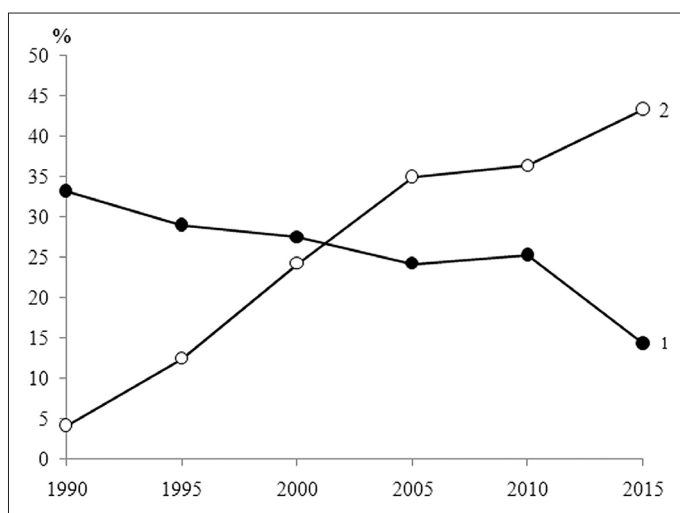

Рис. 3. Изменение удельных весов Сибири и Москвы в общем экспорте России (по официальным данным) за 1990–2015 гг., %

1 – Сибирь, 2 – Москва.
Составлено по данным [16]

в связи с «пропиской» в столицах ряда крупных сибирских предприятий.

Об этом можно судить по динамике ряда показателей Сибири в сравнении с аналогичными показателями Москвы (естественно, как субъекта РФ, а не как федерального центра). Динамика такого обобщающего экономического показателя, как ВРП, однозначно говорит о повышении доли Москвы и снижении доли Сибири. Если в 1995 г. удельный вес ВРП Москвы (10,3%) в суммарном ВРП субъектов РФ был в 2,3 раза меньше удельного веса ВРП Сибири (24,2%), то после 2010 г. доля Москвы опередила долю Сибири и составила в 2015 г. 20,8% против 20,7%, приходящихся на Сибирь [16].

Еще более нагляден пример с изменением удельных весов экспорта: в динамике это симметричное зеркальное отражение того факта, что «статистический» рост Москвы идет в значительной степени за счет Сибири (рис. 3). Исходное положение 1990 г. относительно достоверно, на наш взгляд, отражало истинную «картину» территориального распределения экспорта: треть его (33,2%) формировалась в Сибири и только 4,1% – в Москве [16]. В течение последующей четверти века доля Москвы неуклонно росла, достигнув 43,4% в 2015 г., а доля Сибири сократилась за тот же период до 14,3%. Увеличение доли экспорта Москвы на целых 39,3% при одновременном уменьшении доли Сибири на

18,9% объясняется, видимо, тем обстоятельством, что вклад последней в «разбухание» экспорта столицы составляет примерно половину, а вторую половину дают другие индустриальные макрорегионы, прежде всего Урал, Поволжье и Северо-Запад.

Как известно, индикаторами реальной экономической активности могут служить два показателя, которые относительно адекватно отражаются российской статистикой – отправление грузов железнодорожным транспортом и потребление электроэнергии. За период 1990–2015 гг. доля Сибири в первом из них выросла с 27,1 до 36,6%, во втором – с 27,5 до 31,0% [16]. Данные объективные индикаторы однозначно говорят об усилении на постсоветском этапе экономической активности макрорегиона на общероссийском фоне.

Как все же возникает такая ситуация, когда на долю Сибири приходится всего 14,3% экспорта страны, а на долю Москвы – 43,4%? Важнейшими экспортными товарами России выступают основные виды продукции топливно-энергетического комплекса, удельный вес которых в общем экспорте течение 1990–2000-х гг. возрастал и в 2015 г. составил в сумме почти 63% [16]. Вклад Сибири в общероссийскую добычу (и в близких соотношениях в экспорт) нефти достигает 67%, природного газа – около 88%, угля – тоже почти 88% (табл. 1). Однако официальной

Таблица 1

Сопоставление удельных весов Сибири и Москвы в добыче и экспорте топливно-энергетических ресурсов, общем экспорте России в 2015 г., %

№	Показатель	Сибирь	Москва
1	Добыча нефти	67,2	—
2	Добыча газа	87,7	—
3	Добыча угля	87,9	—
4	Экспорт топливно-энергетических ресурсов*	11,8	60,0
5	Общий экспорт	14,3	43,4

* Доля экспорта топливно-энергетических ресурсов в общем экспорте России составляет 62,9 %.
Рассчитано по данным [16].

статистикой у нее фиксировалось менее 12% экспорта топливно-энергетических ресурсов, тогда как доля Москвы, где никакого сырья и топлива не добывается, составила 60%, что в 5 раз превышает долю всей Сибири.

Занижения основных экономических показателей вследствие действия фактора экстерриториальности крупного капитала характерны для всех «сильных» индустриальных сибирских регионов, которые относительно самодостаточны в финансово-экономическом отношении. По критерию «индустриальности» к их числу можно отнести те регионы, где доля промышленности в валовой добавленной стоимости выше среднероссийского уровня, равного 31,7% в 2015 г. (Тюменская область и ее округа, Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Омская и Томская области, Республика Саха) [16]. По критерию «самодостаточности» в число «сильных» регионов с определенной долей условности войдут те, в которых уровень дотационности составляет менее 25% (Тюменская область и ее округа, Красноярский край, Новосибирская, Томская, Иркутская, Кемеровская и Омская области). С учетом значимости критерия финансовой «самодостаточности» группу «сильных» индустриальных регионов представляют 9 субъектов РФ – Тюменская область, ХМАО – Югра, ЯНАО, Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Омская и Томская области, а также Новосибирская область. Данная группа играет безоговорочно лидирующую роль в экономике Сибири: в 2015 г. ее доля в основных экономических показателях макрорегиона – объеме промышленной продукции, ВРП, экспорте и инвестициях в основной капитал – составляла 83–88%, а в поступлении налогов даже превышала 93%.

Примером занижения объемов экспорта и промышленной продукции, а соответствен-

но и бюджетных доходов является ситуация в Иркутской области, в которой сами периоды экономических реформ обусловлены особенностями проникновения в регион крупного столичного капитала [3]. Основой доходов Иркутской области служат поступления от крупных предприятий, входящих в состав таких мощных частных общероссийских компаний и госкорпораций, как НК «Роснефть», ОК «Русал», АК «Транснефть», Группа «Илим», «ЕвроСибЭнерго», «Росатом», «Объединенная авиастроительная корпорация», «Мечел» и др. Занижение объемов промышленной продукции, экспорта и доходов этих предприятий происходит за счет широкого применения толлинговых и процессинговых схем производства, механизма трансфертного ценообразования, перерегистрации основных фондов за пределами региона, внутрикорпоративного перераспределения выручки и прибыли между головными офисами компаний и их филиалами, использования внешних и внутренних офшоров, создания консолидированных групп налогоплательщиков и т. д.

Для определения размеров занижения объемов промышленной продукции использован методический подход, разработанный нами ранее [2, 4]. Размеры занижения объемов реализуемой продукции в четырех ведущих отраслях области – нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, целлюлозно-бумажной и алюминиевой – установлены за 2014 г. на основе «перекрестного» анализа стоимостных и натуральных показателей производства их важнейших видов продукции и информации о соответствующих мировых и внутренних ценах. Данные по производству продукции в натуральном выражении включают, как правило, всю продукцию, в том числе вырабатываемую из так называемого «давальческого» сырья по

толлинговым и процессинговым схемам, тогда как в декларируемых предприятиями стоимостных данных подобная информация отсутствует. Объемы продукции занижаются исключительно предприятиями, входящими в состав экстерриториальных компаний и госкорпораций, штаб-квартиры которых находятся в Москве (НК «Роснефть» и ОК «Русал») и Санкт-Петербурге (Группа «Илим»). К таким предприятиям относятся нефтедобывающая компания «Верхнечонскнефтегаз» и нефтеперерабатывающая «Ангарская нефтехимическая компания», контролируемые госкорпорацией НК «Роснефть», целлюлозно-бумажные комбинаты в Братске и Усть-Илимске Группы «Илим», принадлежащие ОК «Русал» алюминиевые заводы в Братске и Шелехове.

Результаты расчетов говорят о том, что по четырем вышеуказанным отраслям продукция на сумму порядка 300 млрд руб. не учитывается как продукция области, причем около 85% занижений приходится на нефтедобычу и нефтепереработку. Следовательно, официальная статистика не фиксирует как минимум почти 30% общего объема промышленной продукции региона. Вследствие этого консолидированный бюджет Иркутской области теряет значительную часть финансовых средств, а его собственные доходы искусственно сокращаются. Только за счет занижения объемов продукции нефтедобычи и нефтепереработки доходы области уменьшаются ориентировочно на 24,5 млрд руб., в связи с чем дефицит бюджета покрывается трансфертами из федерального бюджета (18,3 млрд руб. в 2014 г.). С учетом же фактических объемов продукции по этим двум отраслям и соответствующих им доходов никакой дефицитности бюджета в регионе не существует, и дотации не требуются.

Широко распространенным способом «оптимизации» налогов и вывода средств за рубеж является применение офшорных схем ведения бизнеса. Например, с целью уменьшения налогов российская компания-производитель продает по заниженной цене свою продукцию фирме, зарегистрированной во внешнем офшоре (Кипр, Нидерланды, Британские Виргинские острова и др.), а уже эта фирма реализует данный товар по рыночной цене, вследствие чего основная прибыль оседает на офшорных счетах при минимальном налогообложении. Так, зарегистрированная

на британском острове Джерси ОК «Русал» – третий по величине производитель алюминия в мире – имела в 2010 г. самую низкую среди своих конкурентов ставку налога на прибыль – менее 10%, тогда как у алюминиевой компании Норвегии эта ставка в конце 2000-х гг. колебалась в диапазоне 15–25%, Китая – 20–27%, США – даже 34–43% [23]. В итоге федеральный бюджет России и бюджетные системы ее регионов теряют огромную часть причитающихся им доходов (десятки миллиардов долларов ежегодно).

Необходимо подчеркнуть, что основную часть потерь несут те регионы, где работают базовые экспортоориентированные производства, управляемые через офшорные компании. Показательным примером может служить все та же использующая толлинговую схему ОК «Русал», которая владеет в Красноярском крае, Республике Хакасия, Иркутской и Кемеровской областях семью крупными алюминиевыми заводами (свыше 90% суммарной мощности всех российских заводов компании), глиноземным заводом, нефелиновым рудником, производствами фольги и кремния. В зарубежных офшорах зарегистрирована подавляющая часть системообразующих частных компаний, имеющих активы в сибирских регионах: офшорам принадлежит 100% акций компаний «СУЭК», ОК «Русал» и «Полиметалл», 90–100% – «ЕвроСибЭнерго», Группа «Илим» и «Полюс Золото», 50–90% – ГК «Норильский никель», «Мечел» и др. [22]. Во внешних офшорах находится значительная часть акций даже таких крупнейших госкорпораций России, как «Газпром» и НК «Роснефть».

Выходит, что очень значительная часть финансовых ресурсов, имеющих сибирское «происхождение», минует бюджетные системы самих регионов Сибири, распределяясь сразу между федеральным бюджетом, бюджетом Москвы (или Санкт-Петербурга) и финансово-промышленными группами, контролирующими базовые предприятия макрорегиона. Даже без учета доходов, уходящих напрямую в бюджеты столиц и на счета финансово-промышленных групп (включая их счета в офшорах), совершенно очевидна несправедливость финансовых взаимоотношений между сибирскими регионами и федеральным центром. Общий объем доходов, перечисленных сибирскими регионами в 2015 г. в федеральный бюджет

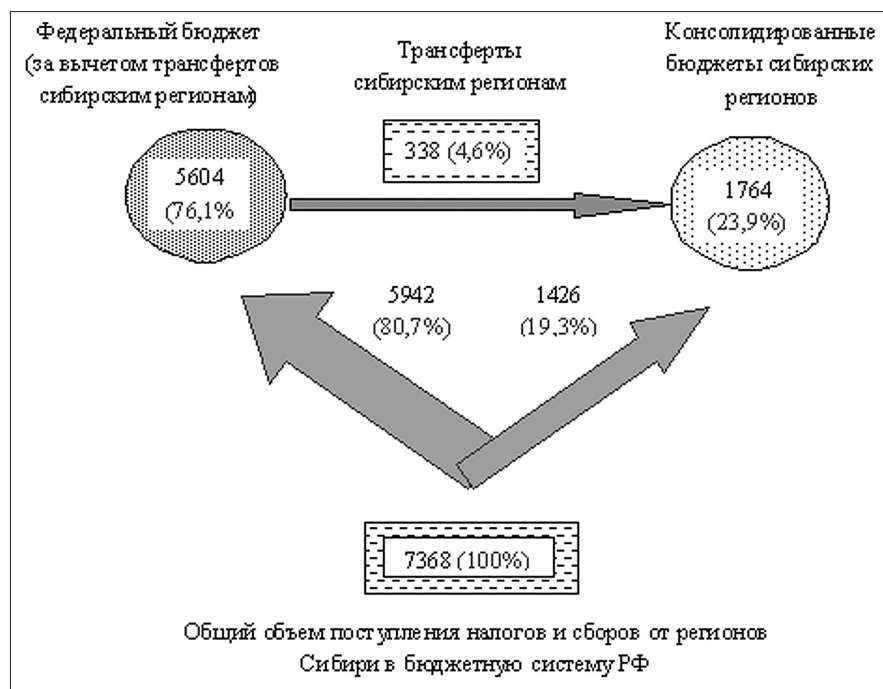

Рис. 4. Результирующая схема бюджетно-финансовых потоков между сибирскими регионами и федеральным центром в 2015 г., млрд руб.

Составлено по данным [16, 18]

(5604 млрд руб.), в 16,6 раза превышал сумму выделенных им из этого бюджета трансфертов (338 млрд руб.) (рис. 4).

Динамика распределения налогов, поступающих от сибирских субъектов РФ, для последних весьма неблагоприятна: доля федерального бюджета неуклонно росла и в 2015 г. достигла 76,1%, а доля консолидированных бюджетов всех регионов Сибири «сжежилась» за последние 13 лет с 61,5 до 23,9%, т. е. в 2,5 раза [16, 18]. При этом удельный вес трансфертов из федерального бюджета также неуклонно уменьшался и составляет всего лишь 4,6%.

Кроме бюджетных доходов, есть еще чистая прибыль экстерриториальных компаний и госкорпораций, расходуемая в российских условиях в значительной мере на выплату дивидендов акционерам. Суммарная чистая прибыль (2497 млрд руб.) семи таких крупнейших компаний и госкорпораций, эксплуатирующих сибирские ресурсы, как «Газпром», НК «ЛУКОЙЛ», НК «Роснефть», «Сургутнефтегаз», АК «Транснефть», ОК «Русал» и ГМК «Норильский никель» [17], даже в 1,4 раза превышала совокупный объем консолидированных бюджетов всех регионов Сибири (1764 млрд руб.) и в 7,4 раза

превосходила общую величину получаемых ими трансфертов из федерального бюджета (338 млрд руб.). Такова финансовая основа разницы «политических весов» губернаторов и владельцев крупнейших компаний и госкорпораций.

В свое время еще классик экономической географии Н.Н. Баранский указывал, что в условиях капитализма размещение дохода и потребления складывается со значительными отклонениями от размещения производства, поскольку прибавочная стоимость из года в год систематически перекачивается в столичные и старопромышленные центры [1]. Аномально резкие диспропорции между объемами производства Сибири и объемами получаемых ею доходов выходят за всякие разумные пределы. Такое «переключение» финансовых потоков, принося громадный выигрыш собственникам крупнейших компаний и столичным городам – Москве и Санкт-Петербургу, ведет к усилению экономической и политической зависимости сибирских регионов от центра, делает невозможными подъем уровня жизни населения и реализацию своими силами масштабных инвестиционных проектов. Неравноправность межбюджетных отношений сильнейшим

образом тормозит развитие макрорегиона. Подобная ситуация говорит о том, что Сибирь продолжает оставаться ресурсно-сырьевым придатком российского центра, не имеющим достаточных возможностей и стимулов для саморазвития.

Между тем, благодаря высокой эффективности работы промышленности, «сильные» индустриальные сибирские субъекты Федерации являются крупнейшими (ХМАО – Югра и ЯНАО) или крупными (Красноярский край, Иркутская, Тюменская, Томская, Новосибирская, Омская и Кемеровская области) донорами федерального бюджета, а Сибирь в целом финансово самодостаточна. На данное обстоятельство указывали и другие исследователи, в частности академик А.Г. Гранберг [6]. Действие удорожающих географических факторов – суровости климата и удаленного внутриконтинентального положения – «перевешивается» целой совокупностью преимуществ, связанных в первую очередь с формированием мощных сибирских территориально-производственных комплексов (ТПК), где производительность труда в несколько раз выше общероссийского показателя [4]. Это определяется использованием высокорентабельных природных ресурсов и их сочетаний, эффектов масштаба производства, производственного комплексирования, агломерационного эффекта, низкой стоимости электроэнергии при повышенной электровооруженности труда и др. Представления о дотационности и «нерентабельности» Сибири явно некомпетентны, поскольку в настоящее время именно она формирует главные потоки экспорта и выступает крупнейшим донором бюджетно-финансовой системы России, поддерживая относительную стабильность всей национальной экономики и обеспечивая «процветание» Москвы. Таково истинное положение дел, а не зафиксированная официальной статистикой заведомо искаженная ситуация, когда в сибирских регионах остаются лишь центры производства, а образованные на их основе центры дохода и прибыли выносятся в столицы и за рубеж.

Выводы. Последствия усиления влияния институционального фактора. Важно отметить, что действие институционального фактора экстерриториальности крупного капитала, усиливающего межрегиональные

контрасты, сопряжено с очень серьезными негативными последствиями не только для отдельных регионов страны, но и для российской государственности в целом.

Во-первых, в условиях несправедливого изъятия финансовых ресурсов в пользу зарубежных офшоров, федерального центра и столичных субъектов РФ и искусственно создаваемой за счет этого дотационности большинства региональных бюджетов неизбежна стагнация экономики даже «сильных» индустриальных регионов, потенциально способных к новой мощной «волне» развития, как сибирских, так и уральских, поволжских и др. Это закрывает путь к общему экономическому росту страны.

Во-вторых, переизбыток финансовых ресурсов в Москве порождает огромные неэффективные расходы, в том числе провоцирует «проталкивание» всевозможных сверхзатратных имиджевых проектов – расширение территории столицы, создание инновационного центра Сколково, реновация жилья и т. д. Вследствие этого еще более усиливается негативный общероссийский политический эффект поляризации страны. Например, профицит консолидированного бюджета одной Москвы (144,4 млрд руб.) в 2015 г. был в 1,8 раза больше суммарного дефицита всех 12 консолидированных бюджетов регионов Сибирского федерального округа (78,5 млрд руб.) [16].

В-третьих, на основе искаженной из-за экстерриториальности капитала официальной статистики возникают суждения отдельных отечественных ученых и даже определенных федеральных структур об якобы роковой неэффективности суровых сибирских «больших пространств». В унисон звучат рекомендации американских политологов Ф. Хилл и К. Гэдди о том, что политика сдвига на восток была догматической, а индустриализация Сибири – огромной ошибкой советского планирования; что фронтальное освоение Сибири определило экономическую нерентабельность ее развития в современных рыночных условиях; что из Зауралья в европейскую часть страны требуется переселить до 15 млн «избыточного» населения [21]. Указанные суждения и рекомендации имеют явно политическую подоплеку и весьма опасные для нашей государственности последствия, поскольку ведут к массовому исходу населения из восточных

районов России, депопуляции обширных территорий и невозполнимым экономическим потерям, переходу богатых природных ресурсов в руки транснациональных корпораций, активизации экспансии мировых держав на пустеющие земли, а в конечном счете – к потере российского суверенитета в Сибири и на Дальнем Востоке и соответственно к разрушению целостности страны.

Таким образом, институциональный фактор экстерриториальности крупного капитала следует по праву считать одним из ключевых факторов межрегиональной поляризации российского пространства на постсоветском этапе, действие которого, принося громадный выигрыш столичным городам, не только коренным образом ухудшает социально-экономическую ситуацию в индустриальных регионах, но и представляет собой серьезную проблему национальной безопасности в целом. Данный фактор лежит в основе статистических искажений, в сильнейшей мере умаляющих истинную роль Сибири в экономике страны. Важнейшей исходной предпосылкой полнокровного

развития Сибири является поэтому установление справедливого финансово-экономического баланса отношений между центром и регионами, крупным бизнесом и территориями-производителями, т.е. достижение истинного бюджетного федерализма. Для этого необходимо надлежащее решение «клубка» острейших политических, экономических, правовых, институциональных и организационных проблем принадлежности, распределения и перераспределения собственности, доходов и полномочий как между уровнями государственной власти, так и между властью и финансово-промышленными группами, контролирующими базовые предприятия сибирских регионов.

От общественной географии в этом плане требуется исследование не только меж- и внутрирегиональных проявлений социально-экономической поляризации, но и выявление ее основных причин, установление закономерностей, тенденций и механизмов, обуславливающих диспропорции между распределением доходов и размещением производства на всех территориальных уровнях.

Библиографический список

1. Баранский Н.Н. Краткий очерк развития экономической географии // Баранский Н.Н. Избр. тр.: Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. С. 28–63.
2. Безруков Л.А. Бюджетно-финансовый баланс отношений «центр – сибирские регионы» // Изв. ИГУ. Сер. «Политология. Религиоведение». 2009. Т. 1. С. 11–19.
3. Безруков Л.А. Трансформационные процессы в экономике области: этапы реформирования, структурные преобразования, внутрирегиональные контрасты // Современная история Иркутской области: 1992–2012 гг. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. Т. 1. С. 69–119.
4. Безруков Л.А. Образ экономики Сибири: влияние географических факторов и статистических искажений // ЭКО. 2013. № 1. С. 5–22.
5. Горбатенко Е.О. Консолидированные группы налогоплательщиков и доходы региональных бюджетов (на примере Иркутской области) // ЭКО. 2015. № 4. С. 177–183.
6. Гранберг А.Г. Возможны ли распад или сжатие России? // Регион: экономика и социология. 2011. № 2. С. 15.
7. Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra. 2012. № 6. Ноябрь–декабрь. С. 6–18.
8. Зубаревич Н.В. «Лукавые цифры» на карте Родины // ЭКО. 2012. № 4. С. 74–85.
9. Ильин В.А., Поварова А.И. Недостатки налогового администрирования крупного бизнеса и их влияние на региональные бюджеты // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 1. С. 25–37.
10. Ключев Н.Н. Российские межрегиональные контрасты и территориальная справедливость // Россия и ее регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2012. С. 51–84.
11. Котляков В.М., Трофимов А.М., Селиверстов Ю.П., Хузеев Р.Г., Комарова В.Н. Центр и периферия: проблема территориальной справедливости (вопросы методологии) // Изв. РАН. Сер. геогр. 1998. № 1. С. 36–43.
12. Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 392 с.
13. Нефёдкин В.И. Корпорации на территории: колонизация или локализация? // ЭКО. 2013. № 8. С. 114–131.
14. Никольский А.Ф. Кто должен получать ренту? Оценка условной стоимости компании «Иркутск-энерго» по величине гидроэнергетической ренты // ЭКО. 2017. № 6. С. 115–129.
15. Пачина Т.М. Управление пространственной гармонизацией движения национального капитала. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2006. 254 с.
16. Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2002. 863 с.; 2010. 996 с.; 2016. 1326 с.
17. Рейтинг крупнейших компаний России по объему реализации продукции // Эксперт. 2016. № 43. С. 86–101.
18. Российский статистический ежегодник. 2016. Стат. сб. М.: Росстат, 2016. 725 с.
19. Селиверстов В.Е. Стратегические разработки и стратегическое планирование в Сибири: опыт и проблемы. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. 496 с.

20. Суслев В.И. Стратегия экономического развития макрорегиона: подходы к разработке, структура, модели // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 3–31.
21. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. Л.М. Алексеева, А.Н. Сафронова. М.: Научно-образов. форум по междунар. отношениям, 2007. 328 с.
22. Оффшор или не оффшор: так кому же принадлежит Россия. URL: <http://www.rifinfo.ru/news/34517> (дата обращения: 30.03.2018).
23. «Русал» лидирует в отрасли по оптимизации налогов. URL: <https://rb.ru/article/rusal-lidiruet-v-otrasli-po-optimizatsii-nalogov/6237807.html> (дата обращения: 30.03.2018).

УДК 911.3.63(470.26)

Волошенко К.Ю., Федоров Г.М. (Калининград)

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Voloshenko K.Yu., Fedorov G.M.

PERSPECTIVE TRENDS OF INSTITUTIONAL CHANGES IN THE AGRICULTURE OF KALININGRAD REGION

Аннотация. Сельское хозяйство относится к перспективным направлениям развития экономики Калининградской области, обладающей более значительным природно-климатическим потенциалом его развития по сравнению с большинством российских регионов. Показатели урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства в регионе выше средних по стране. Однако объем производства сельскохозяйственной продукции в регионе уступает достигнутому в советский период показателям. В статье использован экономико-статистический инструментарий для ретроспективной оценки происходящих в отрасли изменений, характеристики ее современного состояния, учета факторов и определения тенденций развития. Приведены расчеты с использованием разработанной авторами имитационной модели на основе формирования цепочки стоимости с целью оценить эффективность развития отрасли за счет роста локализации производства и/или технологического развития. Обоснованы предложения по формированию цепочек создания добавленной стоимости, институциональным и иным изменениям в аграрном секторе региона для его модернизации и повышения эффективности.

Abstract. Agriculture refers to the promising areas of economic development in the Kaliningrad region, which has a more significant natural and climatic potential for its development than most of the Russian regions. Indicators of crop productivity and livestock productivity in the region are higher than the national average. However, the volume of production of agricultural products in the region is inferior to those achieved in the Soviet period. The article uses economic and statistical tools for retrospective evaluation of the changes occurring in the industry, characteristics of its current state, accounting for factors and determining development trends. Calculations with the use of the simulation model developed by the authors on the basis of value chain are presented. The main aim is to assess the efficiency of the industry development due to the growth of production localization and/or technological development. The proposals on formation of value added chains, institutional and other changes in the agricultural sector of the region for its modernization and efficiency increase are grounded.

Ключевые слова: Калининградская область, сельское хозяйство, динамика производства, эффективность производства, организационные формы, реструктуризация, институциональные изменения.

Key words: Kaliningrad region, agriculture, production dynamics, production efficiency, organizational forms, restructuring, institutional changes.

Введение. Калининградская область имеет более благоприятные, по сравнению с субъектами Нечерноземной зоны России, природно-климатические условия ведения сельского хозяйства [8, 17, 19], сопоставимые со многими более южными регионами.

Например, вегетационный период составляет 150 дней – столько же, сколько в Воронежской и Самарской областях [8]. Однако аграрный сектор испытал в 1990-е гг. в своем развитии даже более серьезные трудности, чем в большинстве субъектов РФ, и сильнее

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности».

снизил объемы производства основных видов продукции. В 2000-е гг. сельское хозяйство области постепенно наращивало производство. Но и организационные формы его ведения, и отраслевой состав, и используемые технологии претерпели кардинальные изменения. Можно говорить о глубокой реструктуризации сельскохозяйственного производства, которая неизбежно будет продолжаться. В то же время наряду с позитивными изменениями, остаются и многочисленные нерешенные проблемы, затрагивающие различные аспекты сельскохозяйственного производства и смежных с ним видов экономической деятельности.

Помимо технического и технологического переоснащения сельского хозяйства, восстановления мелиоративной сети, совершенствования дорожной сети и развития социальной инфраструктуры, не менее важной задачей являются институциональные изменения сельского хозяйства и агропродовольственного комплекса в целом. Некоторым их особенностям посвящена данная статья, являющаяся результатом анализа динамики производства, выявления комплекса факторов, влияющих на устойчивое состояние и развитие сельского хозяйства в регионе, моделирования цепочек создания добавленной стоимости. Такой подход конкретизирован экспертами БФУ им. И. Канта и апробирован в ходе реализации проекта создания информационно-аналитической системы поддержки региональных исследований в 2014–2016 гг. (руководитель – К.Ю. Волошенко) [1].

Постановка проблемы и обзор ранее выполненных исследований. Состояние и проблемы развития сельского хозяйства Калининградской области изучены недостаточно. В основном речь идет об аналитических статьях, описывающих ситуацию в аграрном секторе, без выявления ключевых вопросов, присущих именно данному региону и требующих первоочередного решения [6, 7, 11, 12]. Ряд публикаций подготовлен с участием авторов данной статьи [14, 16, 18, 29, 30]. Несколько таких статей посвящено актуальным, но достаточно частным вопросам землепользования и формирования цепочек добавленной стоимости в аграрном секторе [14, 18]. Ряд актуальных вопросов развития сельского хозяйства поставлен в работах,

освещающих развитие отрасли в 1990-е и начале 2000-х гг. [1, 10, 18, 21], но изменившаяся за последние годы социально-экономическая ситуация в мире, стране и регионе требует к ним критического отношения.

Существующие проблемы и актуальные вопросы развития сельского хозяйства Калининградской области отражаются в динамике изменения интегрального показателя – валовой добавленной стоимости. Доля отрасли в ВРП Калининградской области не превышает в среднем за рассматриваемый период 5,0% и только в 2015 г. составила 6,0% (выше этой величины было достигнуто значение только в 2006 г. – 6,5%).

Неустойчивая динамика в формировании добавленной стоимости, помимо влияния таких факторов, как мелиорация, земельные ресурсы, техника и технологии, кадры имеет и более глубокие причины. Это значительная импортная зависимость производителей региона по наиболее важным видам расходов или составляющим наибольшую долю в общих затратах на производство при относительно высокой локализации производства в целом. В этой связи делается предположение о преимущественном влиянии институциональных изменений в сельском хозяйстве Калининградской области на рост добавленной стоимости и возможность увеличения производства в соответствии с потребностями населения региона в продуктах питания.

Полученные результаты и их обсуждение.

Производство. В 1990–2016 гг. динамика производства сельскохозяйственной продукции в Калининградской области уступала среднероссийским показателям (рис. 1).

Волатильность объемов производства также более значительна, чем в РФ в среднем, что связано с большой зависимостью производства продукции растениеводства от режима выпадения осадков, имеющего более сильные колебания по сравнению со среднероссийским уровнем.

Земельные ресурсы. С точки зрения условий для ведения и развития сельского хозяйства в регионе в последние годы эффективность управления земельными ресурсами нельзя признать высокой. Определенные успехи отмечаются в реализации мер по введению в оборот не используемых длительное время земель сельскохозяйственного назначения в регионе, однако для решения вопроса

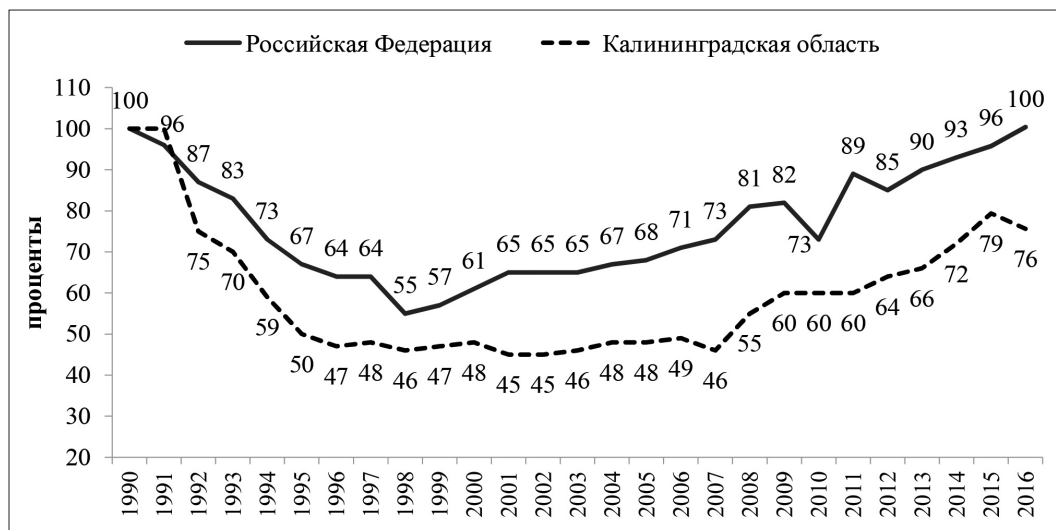

Рис. 1. Динамика производства продукции сельского хозяйства в РФ и Калининградской области, 1990–2016 гг., в процентах к 1990 г.

Источники: [15, 16].

восстановления производства этого недостаточно. В 2016 г. доля не используемых земель сельскохозяйственного назначения составила 32,4%, а к 2020 г. ее планируется сократить до 24,4% [20]. Отметим ряд ограничений по вводу земель.

Во-первых, высокая стоимость восстановительных работ – культурно-технические мероприятия, ремонт мелиоративной сети, применение средств химической борьбы с сорной растительностью, полевые работы по обработке почвы – составляют от 100 до 150 тыс. руб. на ввод в оборот 1 га [3, 4].

Во-вторых, наибольшее количество неиспользуемых площадей в регионе находится в областной собственности (более 30,0 тыс. га), на долю крупных правообладателей приходится еще около 63,6 тыс. га, что в совокупности составляет около 13% сельскохозяйственных угодий, в том числе 35,6% от неиспользуемой площади.

В-третьих, необходимо введение правовой практики изъятия или сокращения массивов земель. Например, достаточно известной является проблема вовлечения в оборот земель, находящихся в собственности Управления федеральной службы исполнения наказаний (УФСИН) России по Калининградской области (6,0 тыс. га), где обрабатывается только в Гвардейском городском округе около 1 из 4,5 тыс. га единого земельного массива [5].

Мелиорация. Область относится к территориям сплошной осушительной мелиорации. Это единственный регион России, в котором не только интенсивное сельскохозяйственное производство, но и сама жизнедеятельность проживающего населения невозможна без проведения комплекса мелиоративных мероприятий. Здесь располагается более 70% площади польдеров России (98 тыс. га) [5]. Крайне незначительные объемы мелиоративных работ, характерные с начала 1990-х гг., ведут к резким колебаниям в урожайности сельскохозяйственных культур по сравнению с РФ в целом, где такие колебания также весьма значительны. Необходимо кардинальное обновление мелиоративной сети для полного восстановления ее нормального функционирования на всей территории области.

Техника и технологии. Цифровизация и инновации в сельском хозяйстве являются обязательным и необходимым условием для трансформации в целом АПК. Слияние технологий, изменение цепочек взаимодействия производителей ускоряют переход на новый уровень развития [9, 20]. В Калининградской области уровень внедрения новых технологий в сельском хозяйстве отстает от передовых в этом отношении стран. Техническая оснащенность выше в сельскохозяйственных организациях и низка в крестьянских (фермерских) хозяйствах и, особенно,

в хозяйствах населения. В результате урожайность сельскохозяйственных культур, продуктивность скота и птицы оказывается сравнительно ниже, чем в других странах, хотя и выше, чем в среднем по РФ.

Отмечаются некоторые изменения в части поддержки технологического уровня растениеводства и животноводства. Однако работа ведется не системно и ее масштабы не позволяют кардинально переломить современную ситуацию. Так, в растениеводстве с 2014 г. реализуются проекты семеноводства картофеля и выращиванию элитного посадочного материала. Уделяется внимание развитию племенного животноводства. С 2016 г. племенные хозяйства области впервые за постсоветский период возобновили поставки племенной продукции за пределы региона (в Башкортостан, Рязанскую и Московскую области). Особое внимание уделяется внедрению искусственного осеменения в малых формах хозяйствования [5].

С позиции формирования приоритетов технологического развития сельского хозяйства в Калининградской области могут быть поддержаны общие национальные тренды. В России сфера агротехнологий в ближайшие годы будет сосредоточена, прежде всего, на технологиях, пользующихся внутренним спросом, но при серьезном технологическом отставании в двух направлениях – собственном развитии, заимствовании и развитии. Собственное развитие – использование достижений биомедицинских технологий и фармацевтики в агросекторе. Заимствование и развитие – широкий круг технологий повышения продуктивности преимущественно «зелеными» методами; освоение новых направлений (аквакультуры, новых методов в животноводстве, переработке и хранении); комплекс технологий по обеспечению населения чистой водой [13].

Кроме новых агротехнологий, в регионе активная роль должна отводиться внедрению прецизионного земледелия – использование беспилотной техники, дронов, космической и аэрофотосъемки, работы с большими массивами данных. Использование этих технологий способно радикально изменить результативность обработки земли.

Актуальность и приоритетность технологической модернизации землепользования подтверждается также необходимостью повышения конкурентоспособности Кали-

нинградской области в Балтийском макро-регионе, где данной проблеме, особенно в контексте экологической безопасности и устойчивости, уделяется повышенное внимание [22, 26, 27, 28].

Кадры. Среднегодовая численность занятых в отрасли (расчеты на основе интегрирования данных) в течение последних 10 лет снижалась. Если в 2005 г. в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве было занято 48,0 тыс. чел., то к 2015 г. их численность сократилось до 31,0 тыс. чел., а по итогам 2016 г. уже составила 24,9 тыс. человек [15]. Остро стоит вопрос кадрового обеспечения сферы мелиорации: собственная подготовка кадров практически не ведется, а меры по привлечению внешних специалистов не активны.

Главной проблемой в регионе остается не столько подготовка кадров, сколько закрепление подготовленных специалистов в отрасли, в том числе за счет повышения уровня оплаты труда. В 2016 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в отрасли составила 84% от среднего уровня по экономике региона при сохранении положительной динамики роста. Однако в животноводстве уровень заработной платы составил всего 77,6%, при этом в растениеводстве вырос до 98,4% от среднего по экономике. По-прежнему снижается уровень оплаты труда в сфере предоставления услуг в области растениеводства, декоративного садоводства и животноводства, кроме ветеринарных услуг – до 58,6% (в 2005 г. составляла 94% от среднего уровня по экономике региона) [15].

Соотношение организационно-правовых категорий хозяйств. Как в РФ в целом, так и в Калининградской области, сосуществуют различные организационно-правовые категории хозяйств, различающиеся, помимо (и вследствие) этого размерами, специализацией, технической оснащенностью, уровнем производительности труда, экономической эффективностью (подробнее см.: [2, 25]). При этом в Калининградской области более значительную часть сельскохозяйственной продукции обычно дают сельскохозяйственные организации, причем их удельный вес за 2005–2016 гг. существенно возрос. Меньше удельный вес хозяйств населения (кроме производства овощей), наименее технически и технологически вооруженных. Крестьянские (фер-

Таблица 1

*Доля категорий хозяйств
в производстве основных видов сельскохозяйственной продукции*

Территория	Сельскохозяйственные организации		Хозяйства населения		Крестьянские (фермерские) хозяйства	
	2005 г.	2016 г.	2005 г.	2016 г.	2005 г.	2016 г.
Зерно						
РФ	80,6	71,4	1,1	0,9	18,3	27,7
КО	78,9	89,5	0,4	0,7	20,7	9,8
Картофель						
РФ	8,4	13,5	88,8	77,9	2,8	8,5
КО	11,9	21,4	72,2	56,7	16	21,9
Овощи						
РФ	18,7	18,9	74,4	66,5	6,9	14,6
КО	5,5	7,9	83,1	61,1	11,4	31,0
Мясо						
РФ	46,2	75,9	51,4	21,1	2,4	2,9
КО	67,6	89,2	28,8	10,2	3,6	0,7
Молоко						
РФ	45,1	49,0	51,8	43,9	3,1	7,1
КО	38,4	60,1	57,1	34,9	4,5	4,9

Примечание: КО – Калининградская область.
Источник: [17].

Рис. 2. Уровень локализации производства в Калининградской области, %

Примечание: уровень локализации производства рассчитан по величине импортного сырья, материалов, покупных изделий в материальных затратах. Источник: [15].

мерские) хозяйства области имеют более высокий, чем в РФ в целом, удельный вес в производстве картофеля и овощей (табл. 1).

Локализация производства. В сельском хозяйстве области фиксируется достаточно высокая локализация производства (рис. 2, 3).

Группой исследователей БФУ им. И. Канта (г. Калининград) в течение 2014–2016 гг. была проведена оценка цепочек создания

стоимости в АПК региона по следующим видам продукции: овощи переработанные и консервированные; мясо и мясная пищевая продукция; молоко и молочная продукция.

Цель исследования состояла в измерении влияния управляющих и регулирующих воздействий на состояние и развитие производств посредством разработки соответствующих имитационных моделей [1].

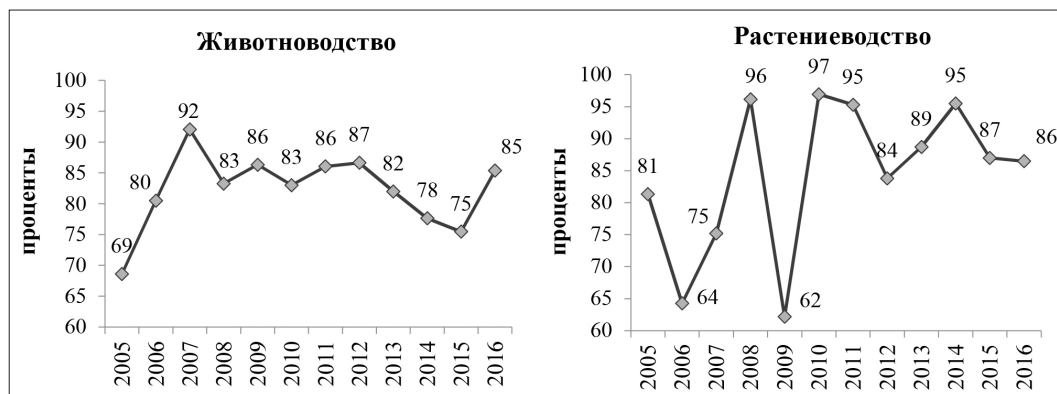

Рис. 3. Уровень локализации производства в животноводстве и растениеводстве Калининградской области, %

Источник: [15].

Для выбранных производств анализировались продуктовые цепочки создания стоимости. Уровень их детализации определялся через анализ межотраслевых связей, начиная от исходных источников сырья и материалов для поставщиков и заканчивая готовой продукцией, доставленной конечному потребителю и послепродажным обслуживанием [14]. Информационная база была сформирована на основе статистических данных и дополнена результатами глубинных интервью и анкетирования предприятий. Качественные методы исследования использовались для построения и оценки цепочек стоимости, так как их учет органами статистики не ведется.

В ходе проекта была разработана специальная методика, позволяющая использовать экспертные оценки, не снижая репрезентативности исходных данных.

Принципиальные методические положения следующие.

Во-первых, предусмотрена оценка типовых предприятий, а построение цепочек стоимости – по отдельным продуктам в составе секторов.

Во-вторых, организованы перекрестные интервью для руководителей и специалистов служб предприятий различных звеньев производственно-сбытовой цепи. Использовались данные производственного и бухгалтерского учета.

В-третьих, разработаны специальные выходные формы для последующего агрегирования полученных оценок на уровне производств и секторов.

В-четвертых, агрегирование данных по отдельным продуктам производилось в не-

сколько этапов с учетом структуры и масштабов производства в секторах.

В-пятых, проводилось сопоставление агрегированных результатов обследования со статистическими сведениями и отраслевыми обзорами.

По итогам обследования сельскохозяйственных производителей Калининградской области в 2014–2015 гг., проведенном БФУ им. Канта, были установлены следующие пропорции: в растениеводстве посадочный материал и удобрения для обработки земли, которые в совокупности составляют более 35% всех затрат, на 70% приобретаются за рубежом; в животноводстве около 40–50% также составляют материальные ресурсы, доля импорта в которых около 60%. Кроме этого, по отдельным производствам отмечается разная степень их локализации, темпы импортозамещения, а также собственно доля региональных производителей в цепочках создания стоимости (рис. 4, 5).

Это предполагает, прежде всего, низкий уровень интеграционных и долгосрочных взаимодействий внутри цепочки создания стоимости готовой продукции. В частности, используется импортное, а не отечественное, в том числе местное, сырье; большая часть ресурсов, приобретаемая у внешних поставщиков, также находится за пределами области и регионов России. Это создает две основных проблемы. Первая – высокая зависимость производителей от курса валюты, что в условиях действия санкций усугубляется потребностью изменения географии поставок, сопровождаемой увеличением транзакционных издержек и прямых транспортных расходов. Вторая – часть

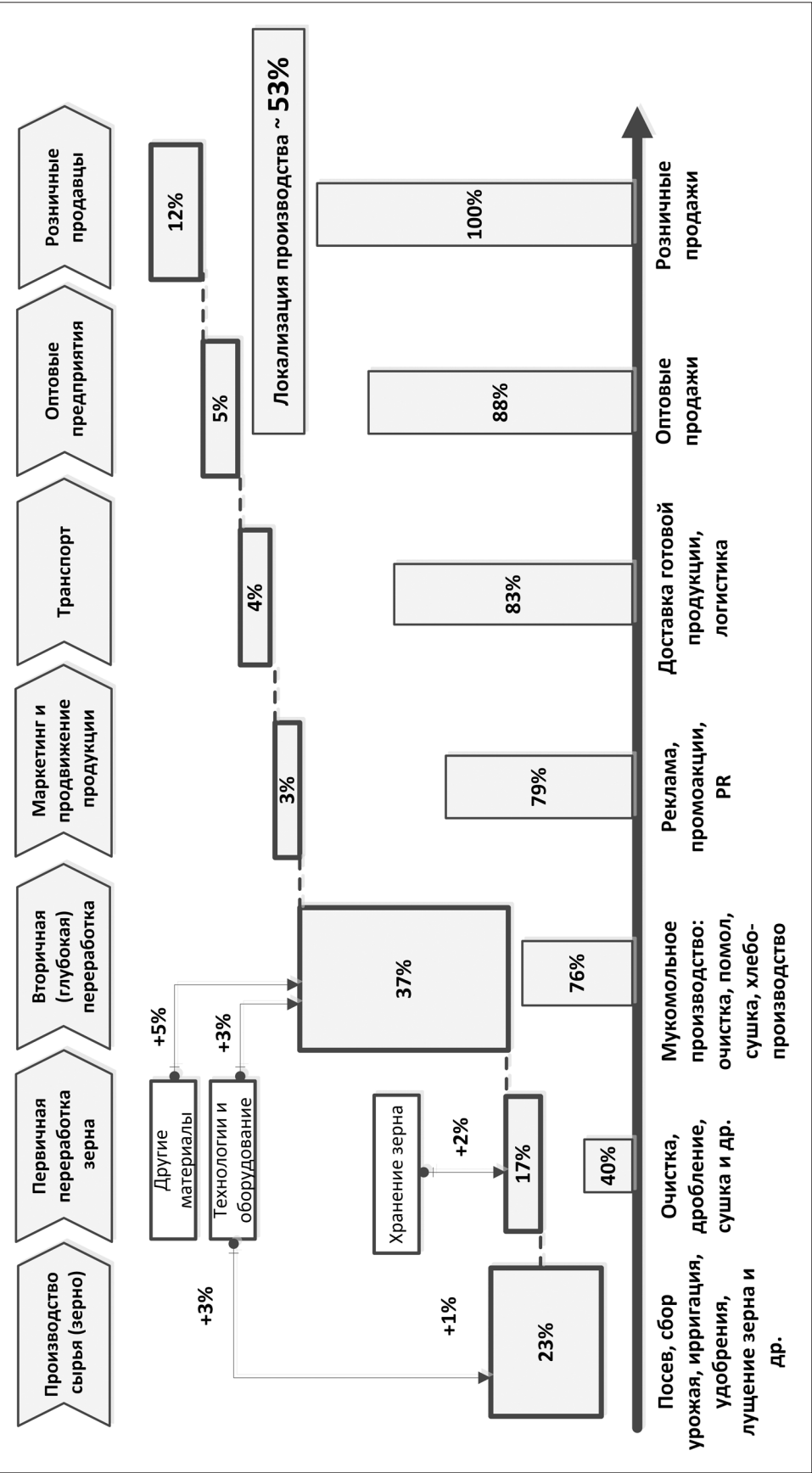

Рис. 4. Цепочка создания стоимости в хлебопекарном производстве

Источник: результаты НИР БФУ им. И. Канта

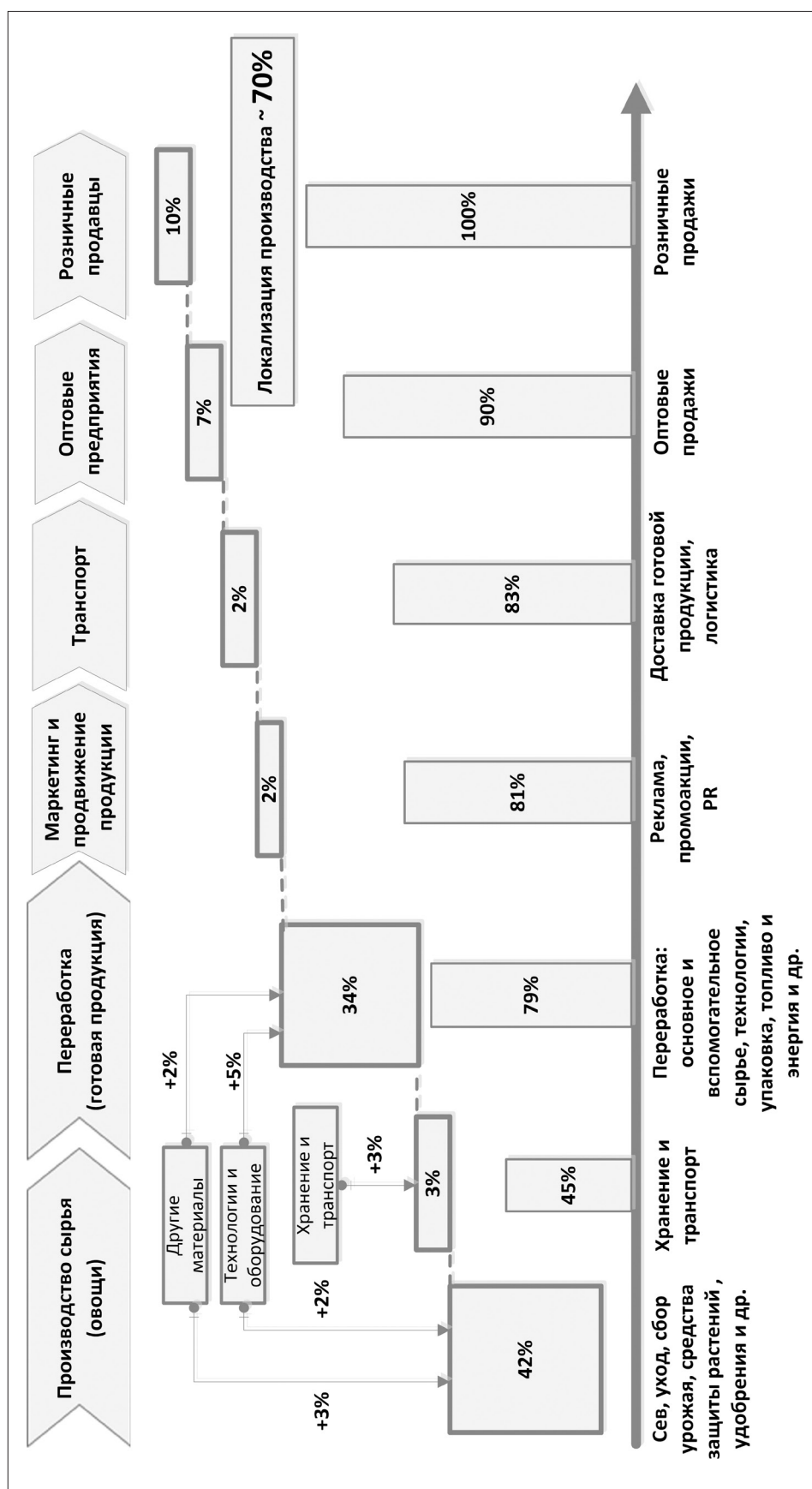

Рис. 5. Цепочка создания стоимости в переработке овощей

Источник: результаты НИР БФУ им. И. Канта

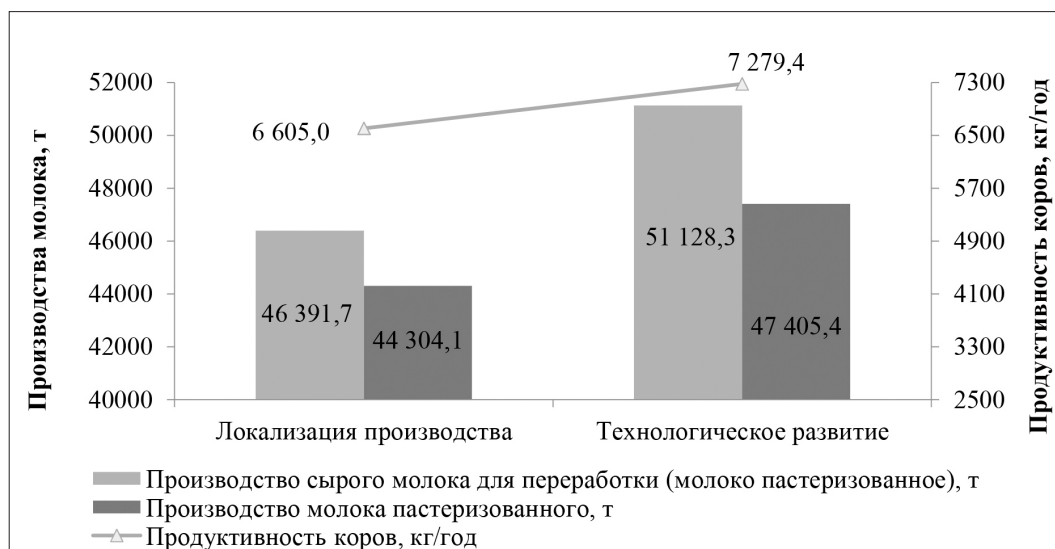

Рис. 6. Объем производства молока и продуктивность молочного стада²

Составлено авторами.

добавленной стоимости «уходит» за пределы Калининградской области или регионов РФ, следствием чего является рост выпадающих доходов или ресурсов на уровне региона по налогам, оплате труда, валовому накоплению основного капитала и другим.

В то же время изменения на уровне организации типовой цепочки стоимости в агросекторе области в части поддержки импортозамещения могут обеспечить приток налогов, оказывать влияние на покупательную способность населения и основные показатели развития отрасли.

В качестве небольшого примера ниже приводятся расчеты с использованием разработанной имитационной модели на основе цепочки стоимости. В условиях ограниченных финансовых ресурсов целью являлся выбор наиболее эффективного варианта – роста локализации производства или технологического развития отрасли. В модели был рассмотрен сектор производства молока в регионе по состоянию на начало 2017 г.

Для варианта «Локализация производства» были приняты следующие условия: сокращение доли импортных сырья и комплектующих сельскохозяйственных производителей и переработчиков с переключением на российский рынок.

При рассмотрении варианта «Технологического развития» были учтены рост продуктивности ресурсов (молочного стада) сельскохозяйственных производителей. Возможность роста продуктивности стада обеспечивается при величине капитальных вложений, соответствующей экономии средств при росте локализации производств, которая по расчетам составила в секторе 1,0–1,5 млрд руб. Этот пример является альтернативой – сокращаем долю импорта, а высвобождаемые средства направляем на технологическое развитие. Будет ли отдача от технологического развития существенно выше, чем просто отказ от импорта?

Сравнение отдельных показателей приведено на рисунках 6–7.

По результатам расчетов объективно более выгодным оказался вариант технологического развития, в котором существенно выше показатели производства и продуктивности, растет обеспеченность региона молочкопродуктами, наблюдается ряд социально-экономических эффектов, выражающихся в росте заработной платы, налогов и доходов производителей.

Суммарно добавленная стоимость в цепочке по второму варианту также оказывается выше на уровне всех звеньев. При этом

² По данным Калининградстата и расчетам авторов, в 2016 г. объем производства сырого молока для переработки (молочко пастеризованное) составляет около 40,6 тыс. т, молока пастеризованного – 38,7 тыс. т, средний годовой удой молока от одной коровы – 5688 кг.

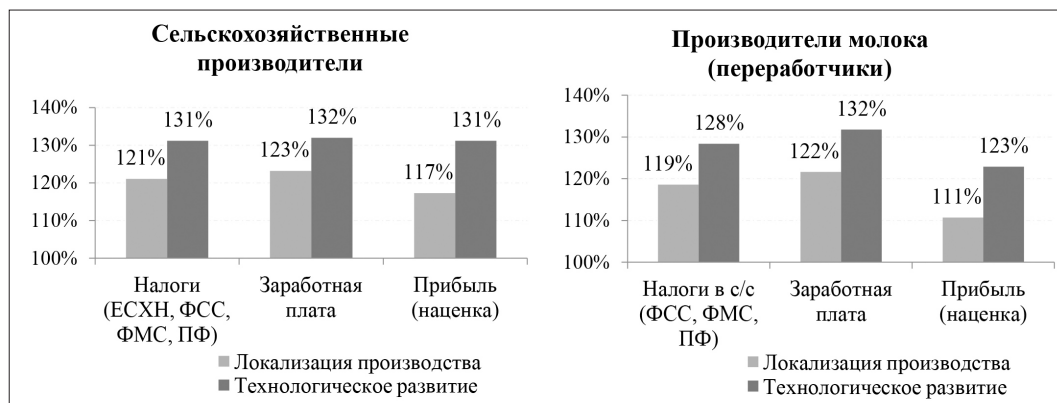

Рис. 7. Эффекты локализации производства и технологического развития по сравнению с базовым (текущим) уровнем (100%)

Составлено авторами.

мультипликативный эффект на мезо- и макроуровнях в регионе достигается на фоне роста операционной эффективности производителей и функционирования продукто-вых цепочек создания стоимости в целом.

Выводы. Проведенный анализ особенностей становления и развития сельского хозяйства в Калининградской области и исследование специфики формирования добавленной стоимости в отрасли позволили выявить основные направления реструктуризации отрасли по совокупности следующих критериев:

а) имеющиеся и формирующиеся технологические условия и возможности технической модернизации производства (потенциал роста урожайности сельскохозяйственной продукции, продуктивности скота и птицы);

б) ресурсный потенциал и инфраструктура (с точки зрения возможности управления изменениями в землепользовании и землеустройстве, в части привлечения инвестиций, развития кадрового потенциала и закрепления специалистов и т.д.);

в) потенциал импортозамещения («переклечение» на местных и российских производителей), развитие интеграционного взаимодействия в цепочках создания стоимости (внешние и внутренние), а также рыночные механизмы.

Выделение критериев реструктуризации сельского хозяйства продиктовано, во-первых, требованиями продовольственного обеспечения населения и производственного потребления, во-вторых, необходимостью снижения зависимости отрасли от во-

латильности внешних условий и факторов, в-третьих, необходимостью обеспечения роста производительности труда.

Отдельного внимания заслуживают вопросы реструктуризации типов сельхозпроизводителей – продолжающееся в области укрупнение производств при низкой активности развития новых малых форм хозяйствования и невысокой производительности и механизации существующих. Это требует как усиления мер государственной поддержки для фермеров и ЛПХ, так и развития механизмов их кооперации, в том числе с крупными хозяйствами в рамках цепочек создания стоимости.

Кроме этого, системные меры реструктуризации отрасли должны касаться и собственно изменения структуры производства сельскохозяйственной продукции. По мнению авторов, учитывая историю развития сельского хозяйства, природные факторы и институциональные условия в регионе, преимущественно контур специализации должен быть связан с животноводством. Роль растениеводства в этом случае сводится преимущественно к обеспечению кормовой базы для развития животноводства, а его товарная часть должна иметь специализацию на производстве основных видов экологически чистых продуктов для населения.

В то же время в качестве первоочередных мер, реализация которых необходима уже сегодня с позиций развития цепочек стоимости и роста продовольственного обеспечения населения, могут быть выделены следующие.

Во-первых, содействие в организации работы местных производителей с торговыми сетями. Мониторинг и контроль цен в органи-

зованных местах торговли (рынки, ярмарки, выездная торговля и др.). Механизмы: долгосрочные соглашения между сельскохозяйственными производителями о поставках в торговые сети (гарантированная реализация продукции в сезон и вне сезона), «бонусы» торговым сетям (сокращение числа проверок, снижение аренды госимущества, налоговые каникулы в зависимости от роста объемов закупок местной продукции и др.), упрощение процедур выделения сельскохозяйственных земель.

Во-вторых, инвентаризация складских мощностей в регионе, пригодных для хранения сельскохозяйственной продукции и сырья. Поиск инвесторов и поддержка инвестиций в строительство снабженческо-распределительных центров. Механизмы: взаимодействие с существующими логистическими центрами для заключения долгосрочных договоров на предоставление мощностей (мест) для хранения продукции. Инвентаризация и выявление свободных складских площадей – снижение налогов собственникам, арендной платы, где это возможно, прекращение действия договоров аренды госимущества, содействие субаренде.

В-третьих, содействие в организации и стимулирование прямых продаж сельскохозяйственной продукции и продуктов питания от производителей населению. Требуется отдельная работа по брендированию местной продукции и узнаваемости организаций с целью роста доверия покупателей. Механизмы: информационная поддержка.

В-четвертых, содействие в обеспечении импортозамещения посредством переориентирования с импорта на поставки сырья и материалов из регионов России.

В-пятых, организация взаимодействия акторов для развития цепочек создания стоимости: консультации с агроэкспертами, открытые площадки для организации работы местных производителей с крупными агрохолдингами, производителями удобрений, агрохимии, техники и т.д.

Несмотря на рекомендательный характер для региональных органов государственной власти, результаты исследований и подготовленные на их основе предложения являются важным условием институциональных изменений для успешной реструктуризации отрасли в регионе.

Библиографический список

1. Волошенко К.Ю., Пономарев А.К. Внедрение в практику регионального управления секторальных моделей: оценка влияния управляющих воздействий на экономику // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С.93–113.
2. Гусев А.Л., Корнеев В.С., Федоров Г.М. Агропродовольственный комплекс Калининградской области в условиях эксклавноности // История сельского хозяйства Калинингр. области. Калининград: Мин-во сельского х-ва и рыболовства Калинингр. области, 2006. С.298–333.
3. Доклад врио министра сельского хозяйства Калинингр. области Н.Е. Шевцовой на заседании Правительства Калинингр. области 25 ноября 2016 г. URL: https://gov39.ru/zip/ospo/2016/11/ospo_25.11.2016_materials.zip (дата обращения: 16.10.2017).
4. Доклад врио министра сельского хозяйства Калинингр. области Н.Е. Шевцовой на оперативном совещании Правительства Калинингр. области 09 августа 2017 г. URL: https://gov39.ru/zip/ospo/2017/08/ospo_09.08.2017_materials.zip (дата обращения: 10.10.2017).
5. Доклад министра сельского хозяйства Калининградской области В.А. Зарудного на оперативном совещании Правительства Калининградской области 18 июля 2014 г. Фондовые материалы БФУ им. И. Канта.
6. Дудин М.Н. Особенности развития сельского хозяйства Калининградской области // Региональная экономика: теория и практика. 2016. №10. С. 92–100.
7. Зорина С.И., Манцевич И.В. Импортозамещение как фактор роста региональной экономики сельского хозяйства на примере Калининградской области // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2016. Специальный выпуск №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/importozameschenie-kak-faktor-rosta-regionalnoy-ekonomiki-selskogo-hozyaystva-na-primere-kaliningradskoy-oblasti> (дата обращения: 16.12.2017).
8. История сельского хозяйства Калининградской области. Калининград: Мин-во сельского х-ва и рыболовства Калинингр. области, 2006, 464 с.
9. ИТ в агропромышленном комплексе России // TADVISER: Государство. Бизнес. ИТ, 20.09.2017 г. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИТ_в_агропромышленном_комплексе_России (дата обращения: 15.10.2017).
10. Корнеев В.С., Федоров Г.М. Анализ территориальной дифференциации эффективности сельского хозяйства Калининградской области // Международный опыт в решении социальных проблем села в условиях перемен. Вологда: Волог. Науч. центр, 1991. С. 43–54.
11. Никифорова И.В., Пурыхова Л.В. Современное состояние сельского хозяйства Калининградской области // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2017. №2. С. 74–82.
12. О целевой Программе Калининградской области «Основные направления развития агропромышленного комплекса Калининградской области на 2007–2016 годы»: Постановление

- Правительства Калининградской области от 02.03.2007 № 85. URL: <http://7law.info/kaliningrad/act11/u320.htm> (дата обращения 16.12.2017).
13. Пономарев А., Дежина И. Подходы к формированию приоритетов технологического развития России. 2016. Т. 10. № 1. С. 7–15.
 14. Солдатова С.Э., Волошенко К.Ю. Идентификация и моделирование участия предприятий регионального АПК в цепочках создания стоимости // *Управленческое консультирование*. 2016. №10. С. 83–92.
 15. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: <http://kaliningrad.gks.ru/> (Дата обращения 20.10.2017).
 16. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (Дата обращения 23.10.2017).
 17. Федоров Г.М. (ред.) Калининградская область. Природные условия и ресурсы: рациональное использование и охрана. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. 224 с.
 18. Федоров Г.М., Браун фон Й, Корнеевец В.С. Опыт социально-экономического исследования в сельском хозяйстве и пищевой промышленности Калининградской области. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1997. 88 с.
 19. Цекоева Ф.К., Волошенко Е.В., Волошенко К.Ю. Проблемы использования земельных ресурсов Калининградской области и пути их решения // *Землеустройство, кадастр и мониторинг земель*. 2017. № 3 (146), март. С. 16–23.
 20. Цифровая экономика в АПК и государственные информационные ресурсы // Олег Моторин, Аналит. центр Минсельхоза России. URL: https://www.osp.ru/netcat_files/userfiles/Akron_2017/1.1_171001_Akron_prezentatsiya.pdf (дата обращения: 10.10.2017)
 21. Fedorov G., Braun von J., Korneyevets V. (Ed.) *Agrar- und Ernährungswirtschaft im Oblast Kaliningrad: Situation und Strategien zur Entwicklung*. Kiel: Wiss.-Verl. 124 S.
 22. Jacobsen B.H. Reducing ammonia emission from agriculture using the BATNEEC approach in Denmark // *Food Economics*. 2012. Vol. 9, Iss. 3. P. 166–176.
 23. Kaplinsky R. & Morris M. *Handbook for Value Chain Research*, IDS. 2003.
 24. Karlik A.E., Maksimtsev I.A., Iakovleva E.A. Modern architecture of global value chains and value chain management of Russia // *Proceedings of the 19th Intern. Conf. on Soft Computing and Measurements, SCM 2016*. P. 518–520.
 25. Krasnov E., Fedorov G. *Agriculture in Kaliningrad // Sustainable Agriculture*. Uppsala: Uppsala University, 2012. P. 448–450.
 26. Maggioni S., Benfenati E., Colosio C., Moretto A., Roots O., Tasiopoulou S. & Visentin S. Food contamination control in European new Member States and associated candidate countries // *Journal of Environmental Science and Health, Part B*. 2009. Vol. 44, Iss. 4. P. 407–414.
 27. Mastroeni M. & Rosiello A. Pursuing a biotechnology system of innovation in Lithuania: a conceptual framework for effective policy intervention // *Technology Analysis & Strategic Management*. 2013. Vol. 25, Iss. 7. P. 817–833.
 28. Tisenkopfs T., Kunda I. & Šūmane S. Learning as Issue Framing in Agricultural Innovation Networks // *The Journal of Agricultural Education and Extension* Vol. 20, Iss. 3, 2014. P. 309–326.
 29. Voloshenko K., Ogneva N. Current Issues and Specific Features of Livestock Development // *Mediterranean Journal of Social Sciences MC SER Publishing, Rome-Italy*. 2015. Vol. 6. № 6 S7. P. 248–251.
 30. Voloshenko K., Voloshenko E. Economic Situation in Agriculture and Challenges of Crop Farming Development // *Mediterranean Journal of Social Sciences. MC SER Publishing, Rome-Italy*. 2015. Vol. 6. № 6 S7. P. 295–299.

Запрудский И.И. (Минск)

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВЫЕ СДВИГИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Zaprudski I.I.

TERRITORIAL AND SECTORAL CHANGES IN THE INDUSTRY OF REPUBLIC OF BELARUS OVER A POST-SOVIET PERIOD

Аннотация. Статья посвящена анализу территориально-отраслевых сдвигов, которые произошли в промышленности Республики Беларусь (Белоруссии) за суверенный период. Автором очерчены особенности развития стадийно-эволюционного подхода в географии промышленности, представлены основные исследования по данной тематике на постсоветском пространстве. Актуальность исследования территориально-отраслевой трансформации промышленности в Белоруссии определяется специфическим этапом развития страны. В статье предложены 4 этапа развития промышленности за период суверенитета. Данные этапы увязаны с фазами циклов Кондратьева. Также был проведен анализ изменений в территориальной и отраслевой структуре промышленности за период 25 лет. Автор пришел к выводу, что за суверенный период произошло изменение специализации страны в международном географическом разделении труда, что привело к изменениям в территориальной структуре промышленности.

Abstract. The article is devoted to the description of territorial and sectoral changes in the industry of Republic of Belarus over a sovereign period. The author outlines the features of the development of the stage-evolutionary approach in the geography of industry. The article touches upon presents the main researches on this subject in the post-Soviet area. The relevance of this research is determined by the specific stage of the country's development. As a consequence, the author proposed four stages of industrial development in country over the sovereign period. These stages are linked with the phases of the Kondratiev wave. Analysis of changes in the territorial and sectoral structure of industry over a 25-years period was carried out in this article. The author came to the conclusion that during the sovereign period, the country's specialization in the international geographical division of labor changed, which led to changes in the territorial and sectoral structure of industry.

Ключевые слова: география промышленности, Белоруссия, структурная трансформация, территориально-отраслевые сдвиги, длинные циклы экономической конъюнктуры, специализация экономики, региональная структура промышленности.

Keywords: industry geography, Belarus, structural transformation, territorial and sectoral changes, the long economic cycle, economic specialization, regional structure of industry.

Введение и постановка проблемы. Большинство исследователей утверждает, что промышленная система Белоруссии преимущественно была создана в СССР в послевоенное время. При этом основные производственные мощности республики были созданы на рубеже между циклами Кондратьева по причине кардинального изменения ее экономико-географического положения. Данные обстоятельства привели к созданию в БССР мощной машиностроительной индустрии, направленной на обеспечение промышленной продукцией государств-членов СЭВ и советского ВПК, что обуславливало важную роль военно-стратегического фактора при размещении производительных сил. Глубинная индустриализация, которая в результате и создала современную территориальную структуру промышленности, произошла в период IV цикла Кондратьева по

причине размещения на территории республики передовых отраслей. Она обусловила специализацию БССР на квалифицированном материалоёмком и энергоёмком машиностроении, химической и нефтехимической промышленности, а также трудоёмкой лёгкой и пищевой промышленности с производством грузовых автомобилей, тракторов и сельскохозяйственной техники, минеральных удобрений, химических волокон и нитей, льняных тканей, мяса и молока.

После обретения Белоруссией независимости прошло более 25 лет. За этот период национальная командно-административная экономика пыталась нащупать механизмы адаптации при переходе к рыночным условиям. По сути, Белоруссии было необходимо найти свое место в международном географическом разделении труда, что неуклонно влияло на ее экономическую специализацию

и приводило к трансформации территориально-отраслевой структуры промышленности. Анализ территориально-отраслевых сдвигов в промышленности позволяет более отчетливо понимать ее современное состояние и наметить перспективы развития, что обуславливает актуальность предложенного исследования и позволяет использовать его результаты для совершенствования промышленной политики в стране.

Степень изученности проблемы. Простальное внимание к динамике развития экономических систем связано со становлением в 1920-х гг. стадийно-эволюционного подхода в экономической географии. Начало его развитию положили труды Н.Д. Кондратьева и Й. Шумпетера по исследованию длинных циклов экономической активности [8, 29]. Анализ развития мирового хозяйства привел Н. Кондратьева к выводу о существовании полувековых циклов рыночной конъюнктуры. Ученый считал, что смена циклов определяется тремя основными элементами: научно-техническим прогрессом, внедрением новых форм организации производства и соответствующими территориальными сдвигами. Вопросы поляризованного экономического развития и выявления определяющих его пропульсивных отраслей рассматривались в трудах представителей школы пространственной близости Ф. Перру, Ж. Будвиля, А. Хиршмана, Г. Мюрдаля, П. Потье [24–28]. Основными достижениями ученых является интеграция и интерпретация абстрактного экономического пространства с географическим.

Становление стадийно-эволюционного подхода в СССР произошло значительно позже (в 1970-х гг.) и было связано с научным переосмыслением работ Н.Н. Колосовского по ЭПЦ, появлением работ И.В. Комара (концепция ресурсных циклов) и Ю.Г. Саушкина (концепция больших природно-общественных циклов). Концентрация внимания ученых к методу циклов была обусловлена методологическим кризисом районной школы с общим доминированием территориального системно-структурного анализа. Так, еще Ю.Г. Саушкин отмечал: «Использование пространственно-временных сопоставлений для экономико-географического прогнозирования может быть достаточно широким. Но для этого необходимо ясное

представление о стадийности того или иного процесса и о сопряженности каждой стадии развития с теми или иными территориальными особенностями, с экономико-географическим положением, с пространственным рисунком» [16, с. 513].

Развитие стадийно-эволюционного подхода в экономической географии на постсоветском пространстве связано с переходом стран к рыночным отношениям, что привлекает внимание ученых к анализу территориально-отраслевой трансформации промышленности и ее влияния на социально-экономическое и экологическое развитие регионов. Данной тематике посвящены научные работы М.М. Лобанова по промышленности стран Центральной и Восточной Европы, В.И. Часовского по промышленности стран СНГ, М.Д. Горячко и А.В. Мошкова – Центрального экономического района и Дальнего Востока России соответственно, Г.П. Подгрушного – Украины и М.В. Тодиевой – Молдавии [3, 11, 12, 15, 18, 20, 22].

В экономической географии Белоруссии ощущается нехватка научных работ, посвященных анализу территориально-отраслевой трансформации хозяйства. За последнее время можно выделить только работу А.Н. Шавеля по трансформации отраслевой структуры промышленности страны в результате перехода от отраслевой классификации к видам экономической деятельности, а также Ю.В. Павловской по региональным особенностям структурных сдвигов в промышленном комплексе [14, 23]. Также В.И. Часовский обратил внимание на особенности изменений в территориально-отраслевой структуре хозяйства российско-белорусского приграничья [21]. В стране проведено мало исследований по анализу изменений в доминирующих факторах размещения промышленных предприятий в условиях рынка, выявлению степени территориальной концентрации промышленного производства, региональным особенностям внешнеторговой деятельности промышленности, что объясняется слабым вниманием белорусских ученых к данной проблематике.

Материал и методика исследования. Общенаучные вопросы теории и методологии изучения структурных сдвигов в экономике нашли свое отражение в работах Л.С. Казинца, О.Ю. Красильникова,

О.В. Спасской и ряда других исследователей [5, 6, 10, 17]. В большинстве своем названные ученые рассматривают структурные сдвиги как количественные и качественные изменения в соотношении сопоставимых структурных элементов системы, что требует широкого использования отраслевой статистики. Поэтому для анализа территориально-отраслевых сдвигов в промышленности были использованы официальные данные Национального статистического комитета Республики Беларусь за период с 1991 по 2015 г. [13]. Основными показателями, которые были применены в исследовании, являются доля подотрасли и региона (областей и города Минска) в объеме промышленного производства. При исследовании процессов концентрации производства также использовались показатели отраслевой (K_i) и региональной (K_r) концентрации, которые были предложены С.П. Адашкевич на основе индекса Херфиндаля-Хиршмана [1]. Для количественного отображения изменений в удельном весе отраслей в объеме промышленного производства был использован индекс структурных сдвигов В.М. Рябцева (I_R), который рассчитывается по формуле 1:

$$I_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_i^1 - d_i^0)^2}{\sum_{i=1}^n (d_i^1 + d_i^0)^2}}, \quad (1)$$

где d_i^1 , d_i^0 – удельный вес отраслей промышленности в общем объеме промышленного производства.

Шкала оценки различий двух структур по индексу В. Рябцева имеет несколько уровней: тождественность структур ($I_R = 0,000 - 0,030$), весьма низкий уровень различий структур ($I_R = 0,031 - 0,070$), низкий ($I_R = 0,071 - 0,150$), существенный ($I_R = 0,151 - 0,300$), значительный ($I_R = 0,301 - 0,500$), весьма значительный ($I_R = 0,501 - 0,700$), противоположный ($I_R = 0,701 - 0,900$), полная противоположность структур ($I_R = 0,901$ и выше). При помощи данных математико-статистических методов была проведена оценка динамики, концентрации и диверсификации отраслевой структуры промышленности Беларуси (табл. 1).

В связи с тем, что в Белоруссии, начиная с 2010 г. в статистике произошел переход

от технологического классификатора отраслей промышленности (ОКОНХ) к товарному классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД), имеются определенные сложности в выделении пространственно-временных закономерностей развития промышленности. Автором согласно со стадийно-эволюционным подходом предлагается группировка сегментов обрабатывающей промышленности на традиционные, базовые и передовые отрасли.

Традиционными являются те виды деятельности обрабатывающей промышленности, которые имели развитие на белорусских землях еще в досоветский период. Большинство производств этой группы ориентированы на местный рынок, поэтому они оказывают меньшее влияние на национальное развитие.

Базовые – это отрасли первой волны индустриализации (машиностроение и легкая промышленность), которые в основном отражали место БССР в географическом разделе труда.

Передовыми в стране являются отрасли обрабатывающей промышленности, которые были созданы в период глубинной индустриализации БССР. По мнению В.Л. Бабурина, их становление произошла в период IV-го цикла Кондратьева и соответствующего ему технологического уклада [2, с. 70].

Полученные результаты и их обсуждение. В 1980-е гг. мировая экономика находилась на границе перехода от IV к V циклу. Под воздействием научно-технического прогресса и изменения технологического уклада он сопровождался переходом к постиндустриальной экономике с усиленным развитием новых отраслей промышленности: электроники, робототехники и компьютерных технологий [9, с. 61]. Большинство ученых предполагает, что V цикл Кондратьева должен завершиться примерно в 2020 г. с развитием нано- и биотехнологий. В Белоруссии, по нашему мнению, переход к V циклу начался еще в период «перестройки», однако произошел гораздо позже и был связан с распадом СССР и установлением президентской власти. Данное утверждение подтверждается динамикой объема промышленного производства, которая отражена на рисунке 1. Для большей наглядности и объективности показатели объема промышленного производства были конвертированы в условные

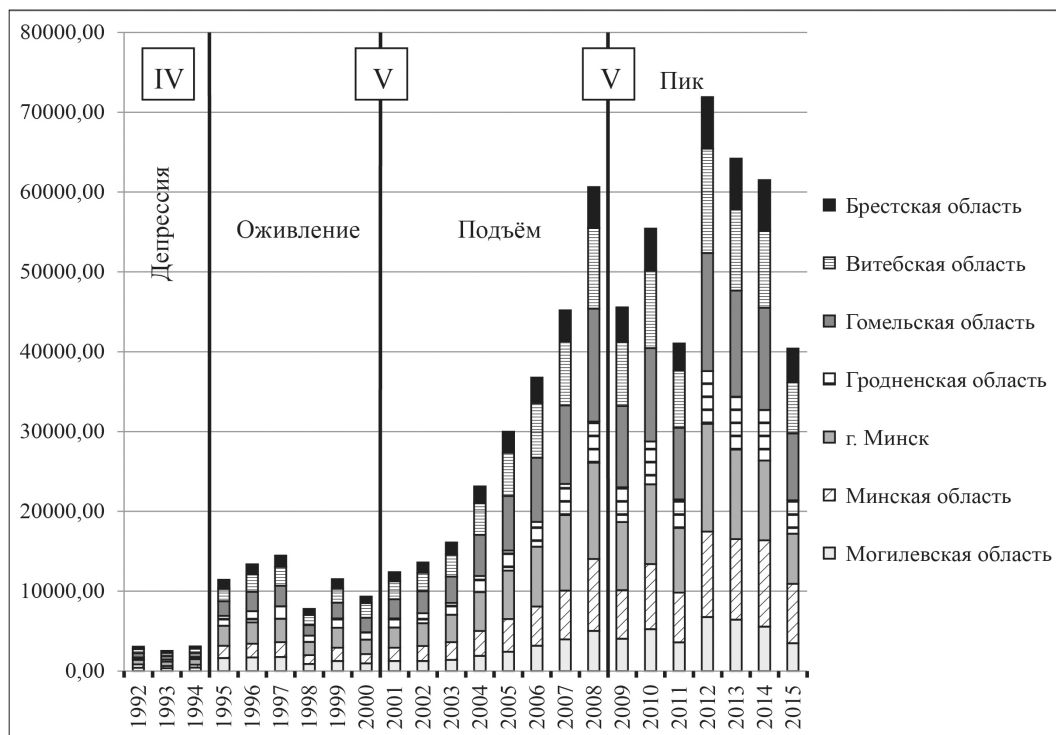

Рис. 1. Объем промышленного производства Беларуси по областям и городу Минску с 1992 по 2015 г., млн долл. США [13]

единицы при помощи данных Национального банка Республики Беларусь по среднему официальному курсу белорусского рубля по отношению к иностранным валютам. По характеру графика можно выделить 4 этапа развития экономической активности: депрессии (относится к последней фазе IV цикла), оживления, подъема и вершины V-го цикла.

За период с 1990 по 2015 г. в Республике Беларусь произошли существенные изменения в отраслевой структуре промышленного производства. Так, показатель индекса структурных сдвигов В. Рябцева за данный период составил 0,335, что отражает значительные изменения в соотношениях между отраслями промышленности. При этом показатель коэффициента концентрации (CR_3) снижался с начала 1990-х до середины 2000-х гг., а позже стал расти и составил 52% в 2015 г. В то же время коэффициент отраслевой концентрации (K_p), после падения в 1995 г., стабильно возрастает, что отражает общее снижение диверсифицированности отраслевой структуры промышленности. Данная тенденция связана с усилением влияния экспортоориентированных видов деятельности и падением значения тех отраслей

промышленности, которые преимущественно работают на местный рынок. Согласно с данными таблицы 1, для Белоруссии характерен высокий уровень концентрации производства, что является определенным недостатком и фактором, который ограничивает стабильное промышленное развитие страны.

Изменения в отраслевой структуре отражаются на географических особенностях промышленного развития, которые представлены в таблице 2. За период с 1990 по 2015 г. в региональной структуре промышленности произошли значительные преобразования, которые обусловлены изменениями в межрегиональном разделении труда и связаны с перераспределением между регионами производственных функций.

Во-первых, главный промышленный узел страны город Минск уступил лидерские позиции по причине своей машиностроительной специализации.

Во-вторых, относительно других регионов возрос вес экспортоориентированных Витебской, Гомельской и Минской областей, которым характерна специализация на нефтепереработке и производстве химической продукции.

**Отраслевая структура промышленности Республики Беларусь
за период 1990–2015 гг., в % [13]**

Отрасли промышленности (ОКОНХ)			Виды экономической деятельности в промышленности (ОКВЭД)				
Годы	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	Годы
Добывающая	2,1	5,5	1,3	2,5	0,8	1,2	Горнодобывающая
Электроэнергетика	2,6	13,8	12,7	9,8	9,6	11,7	Производство электроэнергии
Традиционные отрасли, в т.ч.:	29,3	28,1	31,2	30,1	34,5	38,0	Традиционные отрасли, в том числе:
Лесная	4,4	5,3	3,4	3,9	3,4	3,3	Производство продуктов из дерева и бумаги
Строительные материалы	3,7	5,1	5,7	6,4	8,7	7,4	Производство резиновых, пластмассовых изделий и стройматериалов
Пищевая	14,9	17,0	19,7	17,6	20,1	23,9	Производство пищевых продуктов
Другие отрасли	6,3	0,7	2,4	2,2	2,3	3,4	Производство прочих готовых изделий
Базовые отрасли, в т.ч.:	52,4	34,0	30,6	29,9	28,6	21,2	Базовые отрасли, в том числе:
Металлургия	1,0	2,5	4,8	6,0	7,0	6,3	Металлургическое производство
Машиностроение	34,2	23,3	8,9	9,4	9,1	4,8	Производство машин и оборудования
			2,2	2,5	2,4	2,4	Производство электрооборудования
			4,6	5,9	4,5	2,9	Производство транспортных средств
			1,3	1,2	1,4	1,3	Производство электронной и оптической аппаратуры
Лёгкая	17,2	8,2	8,8	4,9	4,2	3,5	Производство текстильных изделий, одежды и обуви
Передовые отрасли, в т.ч.:	13,6	18,6	24,2	27,7	26,5	27,9	Передовые отрасли, в том числе:
Топливная	4,6	4,3	14,7	19,0	17,5	16,4	Производство кокса и нефтепродуктов
Химическая	9,0	14,3	9,2	8,3	8,5	10,4	Химическое производство
			0,3	0,4	0,5	1,1	Производство фармацевтических продуктов и препаратов
CR ₃	66,3	54,6	47,1	46,4	47,2	52,0	CR ₃
K ₁	60,7	50,1	51,6	51,7	52,9	53,4	K ₁
I _R	—	0,203	0,083	0,047	0,048	0,081	I _R
	0,335						

В-третьих, происходит падение значения Могилевской области, которая уступает свои позиции западным регионам республики.

Коэффициент концентрации (CR₃) в региональной структуре промышленности, обратно соответствующему показателю отраслевой структуры, увеличивался с начала 1990-х до середины 2000-х гг., после стал падать и составил 55,1% в 2015 г., что

отражает взаимосвязь между динамикой роста отраслевого производства и развитием промышленности в пространстве.

Коэффициент региональной концентрации (K_р) за весь период наблюдения колебался в пределах 40%, что отражает среднюю концентрацию региональной структуры промышленности. Представленные тенденции следует рассматривать как негативные.

Таблица 2.

*Региональная структура промышленности Республики Беларусь
за период 1990–2015 гг., в % [13]*

Регионы	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Брестская	11,1	9,6	9,0	8,8	9,5	10,5
Витебская	15,3	13,9	19,6	18,1	17,5	15,8
Гомельская	16,8	16,0	19,5	22,7	21,1	20,8
Гродненская	10,3	10,7	9,8	8,3	9,7	10,4
г. Минск	22,1	21,9	19,3	20,3	18,0	15,5
Минская	11,7	13,6	12,8	13,7	14,7	18,5
Могилевская	12,6	14,2	10,0	8,0	9,5	8,6
СР _з	54,2	52,1	58,4	61,1	56,6	55,1
К _г	39,2	39,1	39,7	40,7	39,6	39,4

Во-первых, в географическом разделении труда происходит преобразование Белоруссии со сборочного цеха с высокой долей технологического производства в страну, которая специализируется на переработке местного и привозного сырья (молоко, калийные соли и нефть), основанного на высоких ценах на внешних рынках. Следовательно, происходит упрощение промышленной специализации республики.

Во-вторых, наблюдается увеличение территориальной концентрации производства за счет доминирования единичных предприятий (ОАО «Нафтан», ОАО «Мозырский НПЗ» и ОАО «Беларуськалий»), а не эффекта масштаба за счет образования разветвленного конкурентоспособного производства в определенном регионе.

Территориально-отраслевые сдвиги, их направления и масштабы в промышленности Белоруссии были неодинаковы в разные этапы IV и V циклов Кондратьева, основной причиной чего являются изменения в эндогенных и экзогенных условиях развития хозяйства страны, что требует детального анализа данных временных отрезков:

I. *Этап депрессии* (1991–1994 гг.) характеризовался сокращением объемов производства и снижением инвестиционной активности в экономике. За это время в стране ухудшились все основные социально-экономические показатели, отмечалась гиперинфляция, причины которой были связаны с процессами выравнивания внутренних и мировых цен в связи с формированием открытой экономики и общим ростом денежной массы. Поэтому этот этап часто называют периодом тяжелого экономического кризиса [7, с. 23]. Указанные причины

обусловили падение производства во всех отраслях промышленности и максимальный рост уровня безработицы за всю историю суверенной Белоруссии. Между тем в стране в 1995 г. в промышленности было занято 1216 тыс. чел, что составляло примерно 27,6% от всего занятого населения. С точки зрения инновационного подхода в начале 1990-х гг. под воздействием экономических и социальных перемен промышленность оказалась в точке бифуркации. По мере приближения к ней система становилась все менее устойчивой и все более восприимчивой к флуктуациям. В такой ситуации в зависимости от внутренних и внешних условий система или деградирует, или переходит на новый качественный уровень.

Внешние условия, такие как нарушение экономических связей и сужение рынков сбыта для белорусского производства, привели к упрощению индустриального облика республики в период перехода к новому К-циклу, что отражается в наибольших структурных сдвигах в промышленности за весь исследуемый период (соответствующий коэффициент В. Рябцева составил 0,203).

В отраслевой структуре промышленности по объему произведенной продукции доминирующее значение принадлежало машиностроению и металлообработке (23,3%), пищевой промышленности (17%), а также химии и нефтехимии (14,3%).

За период с 1990 г. в стране возрос вес электроэнергетики, черной металлургии, нефтехимии, пищевой промышленности и производства строительных материалов. Однако существенно снизилось значение таких важных отраслей специализации, как машиностроение, легкая промышленность,

что привело к компенсационному росту веса добывающей промышленности (до 5,5%).

В региональной структуре промышленности доминирующее положение принадлежало г. Минску, на долю которого приходилось около 1/5 промышленного производства страны, затем шли Гомельская и Витебская области.

II. *Этап оживления* (1995–2000 гг.) характеризуется замедлением темпов спада производства и стабилизацией экономической ситуации в стране, несмотря на кризисную ситуацию в 1998 г. в финансовом секторе. После глубокого спада объемов производства в 2000 г. промышленность восстановила свой докризисный потенциал: индекс физического объема промышленного производства превзошел показатель 1991 года, доля промышленности в структуре ВВП составила 30,2%, в структуре занятого населения достигла 28,1%. В промышленности было задействовано 1249,3 тыс. чел. По мнению В. Часовского, в Белоруссии адаптация к рыночным условиям хозяйствования произошла наиболее успешно среди государств СНГ [20, с. 96]. Правда, этот рост был достигнут за счет существующих еще с советских времен основных производственных фондов, на восстановление которых страна не нашла средств за десятилетие независимости.

Этап характеризуется низкими изменениями в отраслевой структуре промышленности ($I_r = 0,083$): снизился удельный вес электроэнергетики (8,3%) и легкой промышленности (8,6%), возрос вес энергоемких и материалоемких отраслей – черной металлургии (3,4%) и топливной промышленности (5,8%), стабильно возрастал вес традиционных отраслей – пищевой (19,3%) и лесной промышленности (5,8%), которые работают на местном сырье (табл. 1). Изменения в отраслевой структуре промышленности, общее падение доли машиностроения, а также легкой промышленности не могли не отразиться на региональной структуре. В 2000 г. Минск впервые уступил лидерство Гомельской и Витебской областям в объеме промышленного производства, что связано с их исключительной ролью в переработке нефти. На долю данных трех регионов приходилось 3/5 всего промышленного производства страны [4, с. 186]. До распада СССР в течение нескольких десятилетий осуществлялось опережающее индустриаль-

ное развитие западных областей (Брестской и Гродненской). Несмотря на это, их доля в промышленном производстве республики была значительно ниже, чем доля восточных регионов.

III. *Этап подъема* (2001–2008 гг.) характеризуется постепенным ростом производства и сокращением безработицы. Деятельность правительства смогла нормализовать функционирование производственного комплекса. Преимущественно государственное руководство в хозяйстве, субсидирование предприятий и производственное планирование привели промышленную систему к высокой устойчивости и организованности, чему также способствовали цены на внешних рынках на нефтепродукты, калийные удобрения и продукцию пищевой промышленности. Объем промышленного производства в условных единицах за период с 2001 по 2008 г. возрос в 4,9 раз. При этом доля промышленности в составе ВВП не изменилась с 2000 г. и составила 30,3% (26,6% в структуре занятого населения). В промышленности было занято 1228 тыс. чел.

Данные тенденции обуславливают очень низкий уровень изменений в отраслевой структуре промышленности ($I_r = 0,051$). В отраслевой структуре в предкризисном 2008 г. по сравнению с 2000 г. в целом отмечается тенденция роста веса традиционных и передовых и падение значения трудоемких базовых видов деятельности (легкая промышленность). За период подъема наиболее возросла доля производства кокса и нефтепродуктов (20,2%) и металлургического производства (7,2%), произошло снижение производства пищевых продуктов (16,7%), а также производства текстильных изделий, одежды и обуви (4,0%). По причине создания благоприятного внешнеторгового климата для машиностроения в начале 2000-х гг. город Минск на время вернул себе лидерство в объеме промышленного производства (табл. 2), но, начиная с 2004 г., лидерство регионов в промышленном производстве установилось и не менялось до конца периода. Наибольший вес в промышленном производстве в 2008 г. принадлежал Гомельской области (23,4%), Минску (19,9%) и Витебской области (16,6%). Стоит отметить, что на столицу, как и прежде, приходилось 1/5 часть промышленного производства, поэтому доминирование Гомельской и Витебской

областей по причине переработки нефтепродуктов произошла за счет западных регионов и Могилевской области [19].

IV. *Этап вершины экономического цикла* (с 2009 г.) характеризуется торможением роста объемов производства и проявлением кризисных черт в развитии промышленности (достижением пика К-цикла), вызванных падением цен на энергоносители и объемов экспорта в Россию. Организованность правительства и управляемость промышленной системы, цены на нефть и природный газ способствовали устойчивому росту производства до 2008 г. Однако, начиная с 2009 г., рост объемов промышленного производства замедлился – устойчивость системы хозяйствования в предыдущий период, снижение ее энтропии осложняет ее способность к адаптации. В 2015 г. объемы промышленного производства не смогли достичь уровня кризисного 2009 г. и составили всего 67% от уровня 2008 г. В 2015 г. доля промышленности в структуре ВВП существенно сократилась и составила около 26,4%, в структуре занятого населения – 23,4%. В промышленности было задействовано 1051 тыс. чел., что почти на 200 тыс. чел. меньше показателя 2000 г. Все указанные негативные изменения в промышленности связаны с износом основных производственных фондов и общим падением конкурентоспособности белорусской продукции на внешних и внутреннем рынках.

Для отраслевой структуры промышленности за период вершины V-го цикла было характерно наличие низких структурных сдвигов ($I_R = 0,109$): произошло уменьшение веса видов деятельности машиностроения из показателя около 20% в 2009 г. до 13,3% в 2015 г. Кризис машиностроения, которое еще недавно было отраслью специализации, связан с низким уровнем инновационной продукции в структуре производства и высокими затратами по причине его энергоемкости и материалоемкости, что приводит к невозможности белорусских предприятий конкурировать с зарубежными и российскими производителями на рынках стран ЕАЭС. В 2015 г. по объему производства доминирующее положение заняли такие виды деятельности, как производство пищевых продуктов (23,7%), производство кокса и нефтепродуктов (16,3%) и химическое производство (11,4%), что связано с их экспортной направ-

ленностью. В региональной структуре эти тенденции привели к тому, что в 2014 г. Минская область по объему производства обогнала г. Минск и Витебскую область и заняла второе место после Гомельской, а в 2015 г. г. Минск (15,5%) занял лишь 4 место после Гомельской (20,8%), Минской (18,5%) и Витебской (15,8%) областей. Также в целом возросла доля западных регионов и снизилась доля Могилевской области (8,6%). Рост значения Минской области в структуре промышленного производства связан с деятельностью ОАО «Беларуськалия» на внешних рынках, как одного из главных поставщиков средств в республиканский бюджет, а также с широким открытием новых производств в столичном регионе, чему способствует лучший инвестиционный климат Минщины среди областей.

Выводы. Проведенное исследование показало, что к основным территориально-отраслевым сдвигам в промышленности Белоруссии за суверенный период следует отнести:

- уменьшение доли обрабатывающей промышленности за счет увеличения веса производства электроэнергии, газа и воды, что связано с ценовой политикой в энергетике и усилиями государства по преодолению энергетического дефицита;
- существенное уменьшение доли базовых отраслей промышленности (машиностроения и легкой промышленности), которое связано с технологическим устареванием производств и отсутствием средств для их модернизации, а также высокими затратами на импорт сырья, что привело к падению конкурентоспособности продукции на внешних и внутреннем рынках;
- увеличение доли традиционных отраслей, особенно производства пищевых продуктов, которое объясняется наличием местного дешевого сырья, широким развитием малого предпринимательства и повышением спроса на эту продукцию на внутреннем рынке по причине роста уровня благосостояния населения;
- рост доли металлургического производства, производства кокса и нефтепродуктов и химического производ-

ства, которое объясняется экспортной направленностью этих видов деятельности, наличием сырья и стабильным спросом на продукцию (нефтепродукты, калийные удобрения, чугун и стальной прокат) на внешних рынках;

- повышение концентрации и снижение диверсифицированности отраслевой структуры промышленности в начале XXI в., что обуславливает увеличение зависимости белорусской экономики от конъюнктуры на внешних рынках;
- отраслевые сдвиги повлияли на региональную структуру промышленности: на первые позиции вышли Гомельская, Минская и Витебская области, которые характеризуются функционированием крупных экспортоориентированных предприятий, а город Минск потерял лидерство в объеме производства.

Территориально-отраслевые сдвиги в промышленности привели к изменению специализации страны в географическом раз-

делении труда – увеличению доли традиционных и сырьевых отраслей. При этом наиболее значительные структурные сдвиги в промышленности произошли в период перехода к V-му циклу Кондратьева в середине 1990-х гг., когда производство пыталось максимально быстро приспособиться к рыночным условиям хозяйствования. Мировой системный кризис послужил толчком к переходу промышленной системы страны к следующей точке бифуркации, которая требует изменения подходов в промышленной политике, соответствующей тенденциям в экономической практике. Актуальной задачей является обеспечение дальнейшего развития промышленности, а также недопущение упрощения индустриального облика страны, которое невозможно без активизации инвестиционной деятельности и привлечения иностранных инвестиций, приватизации и развития малого предпринимательства, повышения эффективности внешнеторговой деятельности и обеспечения выравнивания внешнеторгового баланса.

Библиографический список

1. Адашкевич С.П. Исследование процессов концентрации производства в Республике Беларусь // Экономика и управление. 2013. № 1 (33). С. 83–88.
2. Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. М.: Едиториал УРСС, 2002. 120 с.
3. Горячко М.Д. Структурно-территориальные сдвиги в промышленности Центрального экономического района: в конце XX – начале XXI веков: дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. М., 2004. 215 с.
4. Запрудскі І.І. Прамысловасць Рэспублікі Беларусь у пераходны перыяд (стадыйна-эвалюцыйны падыход) // X Машэраўскія чытанні: матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі студэнтаў, аспірантаў і маладых вучоных, Віцебск, 14 кастрычніка 2016 г. / Віцеб. дзярж. ун-т; рэдкал.: І.М. Прышчэпа (гал. рэд.) [і інш.]. Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2016. С. 49–51.
5. Казинец Л.С. Измерение структурных сдвигов в экономике. М.: Экономика, 1969. 167 с.
6. Казинец Л.С. Темпы роста и структурные сдвиги в экономике. М.: Экономика, 1981. 184 с.
7. Козловская Л.В. Социально-экономическая география Беларуси: курс лекций: в 3 ч. Ч. 1: Условия и факторы социально-экономического развития и территориальной организации хозяйства Беларуси. Минск: БГУ, 2002. 107 с.
8. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. 767 с.
9. Коротаев А.В., Гринин Л.Е. Кондратьевские волны в мир-системной перспективе // Кондратьевские волны. Аспекты и перспективы / Отв. ред. А.А. Акаев, Р.С. Гринберг, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. Волгоград: Учитель, 2012. С. 58–109.
10. Красильников О.Ю. Теоретико-методологические основы исследования структурных сдвигов в современной российской экономике: дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.11. Саратов, 2001. 312 с.
11. Лобанов М.М. Трансформация отраслевой и территориальной структуры промышленности постсоциалистических стран Центрально-Восточной Европы: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. М., 2010. 26 с.
12. Мошков А.В. Структурные изменения в территориально-отраслевых системах промышленности российского Дальнего Востока: дисс. ... докт. геогр. наук: 25.00.24. Владивосток, 2005. 431 с.
13. Официальная страница Национального статистического комитета Республики Беларусь. URL: <http://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 04.08.2017).
14. Павловская Ю.В. Структурные сдвиги в промышленном комплексе регионов Республики Беларусь // Экономический бюллетень. 2012. № 7. С. 27–33.
15. Підгрушній Г.П. Промисловість і регіональний розвиток України (теорія та практика суспільно-географічного дослідження): автореф. дисс. ... докт. геогр. наук: 11.00.02. К., 2007. 40 с.
16. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы и практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
17. Спасская О.В. Макроэкономические методы исследования и измерения структурных изменений // Научные труды Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. 2003. № 1. С. 20–39.

18. Тодиева М.В. Структурно-территориальные сдвиги в промышленности и сельском хозяйстве Республики Молдова в конце XX – начале XXI веков: автореф. дисс. ... кандидата геогр. наук: 25.00.24. М., 2013. 22 с.
19. Фатеев В.С. Развитие регионов и городов в Республике Беларусь: проблемы, тенденции, направления совершенствования государственного регулирования // Регионалистика: сб. научн. тр. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: В.Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2012. С. 17–36.
20. Часовский В.И. Промышленность СНГ: структурные и пространственные изменения. Смоленск: Универсум, 2009. 476 с.
21. Часовский В.И. Российско-белорусское приграничье: изменения в территориально-отраслевой структуре хозяйства в постсоветский период // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 82–90.
22. Часовский В.И. Структурная трансформация промышленности стран СНГ (территориально-отраслевой аспект). Смоленск: СмолГУ, 2009. 316 с.
23. Шавель А.Н. Трансформация отраслевой структуры промышленности Беларуси в 2000–2014 гг. и сдвиги при переходе от отраслевой классификации к видам экономической деятельности. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/152297/1/ShavelKindeeu.pdf>. – Дата доступа: 06.10.17
24. Boudeville J.R. Problems of Regional Economic Planning. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1966. 192 p.
25. Hirschman A.O. The Strategy of Economic Development. New Haven: Yale University Press, 1958. 217 p.
26. Myrdal J. Economic Theory and Underdeveloped Regions. London, 1957. 175 p.
27. Perroux F. La notion de pole croissance // Economie appliquee, 1955. P. 307–320.
28. Pottier P. Axes de communications et development economique // Revue Economique, 1963. № 1. P. 58–132.
29. Schumpeter J.A. Business cycles. A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. New York–Toronto–London; McGraw-Hill Book Company, 1939. 461 p.

Зимин А.Ф., Тимирьянова В.М. (Уфа)

ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНОВ ПО ИХ УЧАСТИЮ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ

Zimin A.F., Timiryanova V.M.

TYPOLOGY OF REGIONS ON THEIR PARTICIPATION IN THE SPATIAL ORGANIZATION OF THE REGIONAL MARKET OF CONSUMER GOODS

Аннотация. Удовлетворенность и обеспеченность населения товарами во многом связана с тем откуда и каким образом товары поступают на рынок региона. В целях выделения однородных групп регионов по их участию в пространственной организации регионального рынка потребительских товаров в работе выделены ключевые показатели и проведена оценка каналов обеспечения товарами населения федеральных округов РФ. При сопоставлении спроса (оборот розничной торговли) с предложением (импорт, производство) предложено использовать очищенные от торговых надбавок с учетом звенности товародвижения показатели розничной и оптовой торговли. Определена концентрация оптово-посреднической деятельности в нескольких регионах страны, некоторая их специализация на внешнеторговых операциях и производстве. С помощью метода кластерного анализа выделены четыре типа регионов: «регионы-производители», «относительно самодостаточные регионы», «регионы-зависимые потребители», «регионы посредники».

Abstract. Satisfaction and provision of the population with goods is in many ways connected with the channels of commodity circulation. The aim of the study was to identify homogeneous groups of regions by their participation in the spatial organization of the regional consumer market. For this purpose, key indicators have been identified in the work and an assessment of the availability of goods by the population of the federal districts of the Russian Federation has been carried out. The indicators were cleared of trade mark-ups and took into account the length of the channels of commodity circulation in the region. Conclusions are as follows: there is a concentration of wholesale brokering activity in several regions of the country, there is a specialization of some regions in foreign trade operations and production. Using the method of cluster analysis, four types of regions are distinguished: «producer regions», «relatively self-sufficient regions», «regions-dependent consumers», «regions of intermediaries».

Ключевые слова: типология, региональный рынок потребительских товаров, кластерный анализ, товародвижение, обеспеченность товарами, каналы товародвижения.

Key words: typology, regional market of consumer goods, cluster analysis, commodity circulation, supply with goods, channels of commodity circulation.

Введение и постановка проблемы. Национальный рынок потребительских товаров, с точки зрения территориальной локализации, является пространством взаимодействующих региональных рынков потребительских товаров, встроенных в экономику соответствующих регионов, в рамках которых весьма рельефно проявляются законы спроса и предложения, процессы воспроизводства, ценообразования и другие. Многообразие вариантов проявления этих процессов предопределяется различием региональных экономических систем, в том числе особенностью пространственной организации социально-экономической деятельности в регионах.

Исторически в отечественной науке в исследованиях пространственной организации экономической деятельности упор делался

на рациональном размещении производительных сил [2, 11] и упускался как не значимый вопрос рационального размещения посреднического звена, несмотря на то, что именно оно опосредует движение сырья от мест добычи до мест переработки (рынок промежуточных товаров), движение потребительских товаров от мест производства до мест потребления (рынок потребительских товаров) и поддерживает сложнейшую систему связей и отношений в региональной экономической системе. Расширить представление о пространственной организации экономической деятельности, ее рациональности, на наш взгляд, можно благодаря изучению пространственного распределения спроса и предложения в сочетании с исследованием пространственной организации каналов связи между ними. Цель данной

статьи – на основе пространственного анализа потребления, обмена и производства, выделить типы регионов по их участию в пространственной организации регионального рынка потребительских товаров.

Обзор ранее выполненных исследований. Удовлетворение пространственно распределенного спроса, по сути, представляет собой обеспечение потребителей отдельных территорий товарами определенного качества, ассортимента и цены, в том числе поступающих из других территорий.

Все многообразие исследований, проводимых, как правило, в рамках экономики торговли, можно разбить на три направления: продовольственная безопасность [1, 4], обеспеченность собственным производством [5, 14], товародвижение [6, 7]. В этих работах в той или иной интерпретации, как правило, рассчитываются коэффициенты, позволяющие определять долю тех или иных каналов товародвижения. Например, коэффициент продовольственной безопасности, определяемый как отношение объема импорта к объемам потребности [8]; коэффициент самообеспечения, определяемый как «соотношение стоимости потребляемого продовольствия собственного производства и общей стоимости необходимого объема потребления продовольствия в регионе» [3] и др.

Получаемые оценки, как правило, используются для формирования инструментов регулирования отдельных товарных рынков, продовольственных рынков отдельных регионов. Они редко учитываются при разработке программ регионального развития, в которых преимущественно акцент делается на промышленной специализации регионов. Несмотря на то, что обеспеченность населения товарами так же имеет пространственную природу комплексной увязки потребления и каналов наполнения рынка товарами (производства и экспорта/импорта) в территориальном срезе не происходит.

Этот же недостаток прослеживается и в обосновываемых в целях разработки управленческих решений типологиях субъектов РФ. Так, предлагаемая К.Ю. Недосекиным типология регионов России по двум индикаторам – ВРП на душу населения, скорректированному на уровень цен в регионе, и доле вида экономической деятельности «оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспорт-

ных средств, мотоциклов, бытовых изделий» в ВРП [9] учитывает только внутреннее товародвижение и не охватывает всю цепочку от производителя/импортера до потребителя.

Типология А.В. Ярашевой и Е.А. Макаровой направлена на выделение групп регионов по потребительскому поведению [16].

К.В. Чукановой разработана типология регионов, которая учитывает только «уровень импортозамещающего потенциала», в соответствии с которым выделены: «регионы-пионеры» (обладающие высоким уровнем импортозамещающего потенциала); «перспективные» регионы (имеющие средний уровень импортозамещающего потенциала), «регионы-реципиенты» (регионы с низким уровнем импортозамещающего потенциала), что служит методической основой для принятия решений по применению инструментария реализации импортозамещающей политики в регионе» [15].

Недостатком предложенной Э.Л. Файбусовичем и С.Ю. Корнековой типологии является учет только продовольственных товаров. Сама типология предполагает выделение групп регионов по уровню потребления отдельных продуктов и самообеспеченности этими продуктами [13].

Таким образом, соединения с учетом пространственного фактора всей воспроизводственной цепочки: производство, распределение, обмен и потребление потребительских товаров, не происходит. Основные проблемы такого положения дел – неудобная для данного анализа выполняемая службой федеральной статистики агрегация значений показателей и несовершенство методик, которые в данной работе мы попытались устранить.

Информационная база и методика анализа. В статье представлен анализ производства, обмена и потребления потребительских товаров в разрезе двух уровней: федеральные округа и субъекты РФ (14 субъектов Приволжского федерального округа). Источниками данных являлись сайты Федеральной службы государственной статистики и Федеральной таможенной службы, преимущественно их территориальных органов.

Основная проблема информационной базы, отмеченная выше, состоит в том, что данные по ряду показателей сгруппированы вместе по потребительским товарам и про-

межуточному продукту. В результате при анализе рынка потребительских товаров требуется очистка значений показателей от объемов продаж промежуточного продукта.

Так значение показателя «Оборот оптовой торговли потребительскими товарами с дорасчетом на объем скрытой деятельности» был получен путем вычитания из значения «Оборот оптовой торговли с дорасчетом на объем скрытой деятельности» суммы «Затраты на производство и реализацию продукции (товаров, работ, услуг)» по группе материальные затраты. В данном случае руководствовались тем, что оптовые продажи промежуточного продукта представляют собой затраты предприятий покупателей на приобретение материальных запасов необходимых для последующего их использования в производстве.

При определении значения «Объем производства потребительских товаров» были сложены данные только по группам предполагающим производство именно потребительских товаров: Подраздел DA Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака; Подраздел DB Текстильное и швейное производство; Подраздел DC Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви; Подраздел DN Производство резиновых и пластмассовых изделий, а также вычленены из других подразделов Производство медицинских изделий, средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото и кинооборудования; часов; Производство изделий из бумаги и картона; Производство мебели; Производство мебели и прочей продукции, не включенной в другие группировки; Производство мыла; моющих, чистящих и полирующих средств; парфюмерных и косметических средств.

Значения «Экспорта и импорта потребительских товаров» определялись по данным представленным Федеральной таможенной службой на сайте <http://stat.customs.ru>. Данные таможенной статистики внешней торговли России здесь представлены в разрезе стран-партнеров, товарных подсубпозиций, направлений перемещения и отчетных периодов. В рамках выделяемых субпозиций Федеральной таможенной службой в разрезе товарной номенклатуры ВЭД предусмотрено выделение товаров с довольно высокой детализацией вплоть до отдельных наиме-

нований, в том числе с указанием на их расфасовку для розничной продажи. Автором самостоятельно был определен объем экспорта и импорта таких товаров, путем суммирования значений по группам потребительских товаров в рублях (с учетом среднегодового курса доллара), с целью исключения попадания в дальнейшие расчеты промежуточных продуктов. Под потребительскими товарами понимались все те товары, которые предназначены для продажи конечному потребителю без промежуточной обработки на производственных предприятиях РФ.

Далее с целью приведения значений показателя «Оборот розничной торговли» в сопоставимый вид, была проведена его очистка от торговых надбавок в розничном звене и оптовом звене с учетом звенности товародвижения сложившейся в Федеральном округе/Субъекте РФ. Необходимость и порядок этих расчетов автором были обоснованы в предыдущих работах [12]. В результате был получен оборот розничной торговли в ценах производителей, что было необходимо для балансовой увязки производства, обмена и потребления в разрезе рынков потребительских товаров и промежуточного продукта (рис. 1).

Дальнейший анализ предполагал расчет 4 общеизвестных в оценке товародвижения коэффициентов:

1. Доля импортных товаров, поступивших в субъект напрямую, в объеме реализуемых на розничном рынке j -го региона потребительских товаров (Кипт $_j$):

$$\text{Кипт}_j = \frac{\text{Ипт}_j}{\text{ОРТо}_j}, \quad (1)$$

где Ипт $_j$ – объем импорта потребительских товаров j -го региона, руб.; ОРТо $_j$ – оборот розничной торговли j -го региона, очищенный от торговой надбавки, руб.

Этот показатель не имеет конкретной нормы, его значение колеблется в зависимости от роли импорта в экономике региона. Он характеризует отношение объема импорта товаров к обороту розничной торговли, импортообеспеченность потребительского рынка.

2. Доля внешнеторговых операций в обороте оптовой торговли:

$$\text{Кэипт}_j = \frac{\text{Эпт}_j + \text{Ипт}_j}{\text{ООТпт}_j}, \quad (2)$$

где Эпт_j – объем экспорта товаров j -го региона, руб.; ООТпт_j – оборот оптовой торговли j -го региона, руб.

Значение показателя колеблется в зависимости от роли экспортно-импортных операций в экономике региона и не имеет конкретной нормы. Он характеризует долю внешнеторговых операций в обороте оптовой торговли.

3. Доля потребительских товаров собственного производства в конечных продажах:

$$\text{Коппт}_j = \frac{\text{ОПпт}_j}{\text{ОРТо}_j}, \quad (3)$$

где ОПпт_j – объем производства потребительских товаров j -го региона, руб.

Важность данного показателя определяется тем, что «доля собственного производства в общем объеме товарных ресурсов характеризует степень независимости (самостоятельности), а по товарам первой жизненной необходимости – безопасность регионального рынка» [10].

4. Доля потребительских товаров в конечных продажах, поступающих из других регионов страны:

$$\text{Крипт}_j = 1 - \frac{\text{ОПпт}_j + \text{Ипт}_j}{\text{ОРТо}_j}. \quad (4)$$

Этот показатель отражает долю товаров, поступающих на рынок региона из соседних регионов. Чем выше значение данного показателя, тем выше зависимость региона от межрегиональных поставок импортных товаров. При этом при незначительном объеме импорта высокое значение показателя говорит, в том числе, и о неэффективности работы оптового звена, сфокусированного на перезакупке продукции у регионов, специализирующихся на импорте.

С целью прослеживания в пространственных процессах определенного порядка, определения сходства и различий регионов, выявления закономерностей и, в конечном счете, углубления наших представлений о сущности регионального развития, в работе проведена типологизация регионов по их участию в пространственной организации регионального рынка потребительских товаров, с помощью следующих методов:

- иерархический кластерный анализ по методу Уорда с квадратичной евкли-

довой метрикой на z -преобразованных переменных (z -преобразование проводится в целях выравнивания весов показателей динамики; оно сводится к центрированию показателей к значениям средних арифметических, с последующим нормированием на величины стандартного отклонения);

- итеративный кластерный анализ по методу k -средних.

Результаты исследования. Проведенный анализ производства, обмена и потребления потребительских товаров указывает на безусловное лидерство по их значениям Центрального федерального округа. На него приходится более трети всего оборота розничной торговли и объема производства потребительских товаров. Именно потребительских, без учета промежуточного продукта. Более половины – регистрируемого оборота оптовой торговли и импорта потребительских товаров. Это связано с тем, что объёмы экспорта и импорта между субъектами Российской Федерации Федеральная таможенная служба распределяет по месту регистрации участников внешнеэкономической деятельности, независимо от места таможенного оформления товаров.

В Северо-Западном федеральном округе в достаточной мере развито собственное производство, осуществляется значительный объем импортных операций, поэтому непотребленная часть товаров реализуется другим регионам.

Согласно данным таблицы 1, Приволжский федеральный округ выделяется более высоким значением прямых экспортных поставок потребительских товаров относительно их импорта (Кэи). В Дальневосточном федеральном округе экспортируется почти 11% производимых товаров (Кэпт). Основная часть импортных товаров поступает в субъекты Северо-Кавказского и Уральского федеральных округов опосредованно через другие регионы (Крипт).

Наиболее отчетливо эти связи можно проследить на балансовой модели товародвижения, в рамках которой проведено разграничение потоков промежуточного продукта и потребительских товаров (рис. 1). Значение объема платежей, проведенных кредитными организациями по данным Центрального банка РФ на рисунке 1 дается справочно.

Таблица 1

Оценка каналов обеспечения потребительскими товарами, коэф.*

Наименование	2014 г.				2015 г.			
	Кипт	Кэипт	Коппт	Крипт	Кипт	Кэипт	Коппт	Крипт
Центральный федеральный округ	0,767	0,371	0,727	-0,494	0,410	0,133	0,855	-0,265
Северо-Западный федеральный округ	0,666	0,800	1,183	-0,848	0,433	0,250	1,273	-0,706
Южный федеральный округ	0,151	0,234	0,577	0,271	0,148	0,180	0,737	0,115
Северо-Кавказский федеральный округ	0,044	0,202	0,282	0,674	0,035	0,104	0,242	0,723
Приволжский федеральный округ	0,039	0,114	0,646	0,315	0,028	0,060	0,748	0,223
Уральский федеральный округ	0,033	0,922	0,217	0,750	0,039	0,036	0,539	0,423
Сибирский федеральный округ	0,052	0,086	0,570	0,379	0,045	0,052	0,651	0,304
Дальневосточный федеральный округ	0,249	0,534	0,219	0,532	0,265	0,353	0,555	0,180

* Здесь и далее рассчитано по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы. URL: <https://www.fedstat.ru>. Федеральной таможенной службы. URL: <http://stat.customs.ru>.

Аналогичные расчеты проведены по субъектам Приволжского федерального округа. Здесь выделяется тройка лидеров по обороту розничной торговли, оптовой торговли и производству. Это Республики Татарстан и Башкортостан, Нижегородская область. Наименьшие абсолютные значения показателей имеют Республики Марий Эл и Мордовия (табл. 2). Экспортно-импортные операции с потребительскими товарами незначительны во всех субъектах ПФО. Однако сами абсолютные значения показателей не всегда раскрывают реальные проблемы рынка потребительских товаров. Дальнейший расчет коэффициентов позволяет прояснить существующую ситуацию.

Доля потребительских товаров собственного производства в конечных продажах указывает на то, что самой обеспеченной на самом деле является Пензенская область. Доля потребительских товаров в конечных продажах, поступающих из других регионов страны позволяет говорить о том, что самыми зависимыми являются Оренбургская область и Республика Башкортостан.

По полученным значениям представленных выше показателей была проведена типология субъектов ПФО и Федеральных округов. В основу типологизации лег иерархический кластерный анализ по методу Уорда с квадратичной евклидовой метрикой на z-преобразованных переменных. Он по-

зволил выделить четыре кластера. Проведенный итеративный кластерный анализ по методу k-средних, где $k=4$, показал идентичные результаты (рис. 2). Следовательно, найденное четырехкластерное решение можно считать устойчивым.

Согласно представленным данным можно выделить четыре типа регионов: «регионы-производители», «относительно самодостаточные регионы», «регионы-зависимые потребители», «регионы посредники».

В первую группу (cluster 1) входят регионы, в которых объем производства товаров принимает высокое значение практически равное объему розничных продаж (в ценах производства).

Во вторую группу (cluster 2) входят регионы, в которых присутствует производство и осуществляется участие во внешнеторговых операциях, позволяющее региону самостоятельно обеспечивать не менее половины потребности в товарах.

В третью группу (cluster 3) входят регионы в которых объем производства и импорт не позволяют без взаимодействия с соседними регионами обеспечить и половины объема потребляемых потребительских товаров.

В четвертую группу (cluster 4) входят регионы через которые, как правило, осуществляется поставка товаров в страну (табл. 3).

Наиболее проблемная ситуация складывается в группе «зависимые потребители».

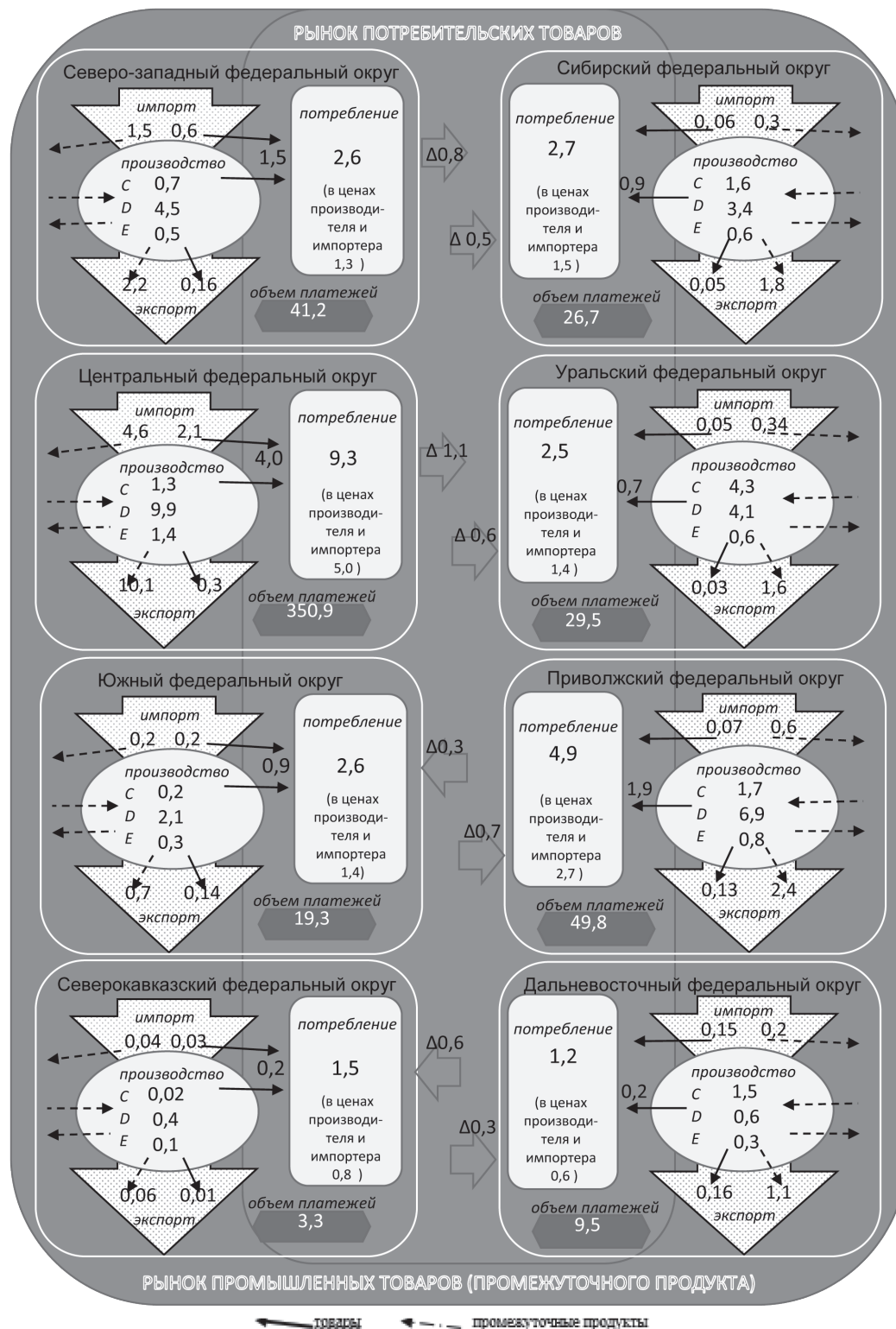

Рис. 1. Модель товародвижения 2015 г., трлн руб.

Составлено по данным: Единой межведомственной информационно-статистической системы.
URL: <https://www.fedstat.ru>. Федеральной таможенной службы. URL: <http://stat.customs.ru>.

*Оценка каналов обеспечения
потребительскими товарами субъектов ПФО*

Наименование	Оборот розничной торговли, млрд руб.	Оборот оптовой торговли потребительскими товарами с дорасчетом на объем скрытой деятельности, млрд руб.	Объем производства потребительских товаров, млрд руб.	Кэпт	Кэипт	Коппт	Крипт
Кировская область	174,9	205,0	50,4	0,01	0,02	0,49	0,50
Нижегородская область	625,1	768,2	140,4	0,00	0,03	0,38	0,59
Оренбургская область	278,4	148,0	28,8	0,00	0,02	0,17	0,82
Пензенская область	191,4	211,7	67,0	0,00	0,01	0,62	0,38
Пермский край	478,0	683,7	70,3	0,01	0,01	0,26	0,73
Республика Башкортостан	784,7	573,7	93,3	0,00	0,01	0,20	0,80
Республика Марий Эл	76,6	100,8	24,6	0,00	0,02	0,56	0,42
Республика Мордовия	77,9	87,4	59,1	0,00	0,01	1,30	-0,30
Республика Татарстан	776,2	1294,7	261,1	0,01	0,02	0,54	0,44
Самарская область	590,0	603,1	136,7	0,02	0,06	0,38	0,58
Саратовская область	314,1	325,0	113,8	0,01	0,01	0,61	0,39
Удмуртская Республика	207,0	214,0	52,3	0,00	0,01	0,45	0,54
Ульяновская область	168,9	157,4	52,5	0,01	0,02	0,52	0,47
Чувашская Республика	139,9	138,7	35,2	0,00	0,01	0,44	0,56

Эти регионы слабо обеспечены продукцией собственного производства и практически не осуществляют самостоятельно импорт требуемой продукции. При этом «зависимые» не означает не производящие. Например, в Республике Мордовия объем производства потребительских товаров в 2015 г. составил всего 59 млрд руб., в то время как в Республике Татарстан – 261 млрд руб., в Республике Башкортостан – 93 млрд руб. Но зависимой данная республика не является, она – производитель, т.к. относительно потребления производит намного больше, чем другие сравниваемые республики. Оборот розничной торговли Республики Мордовия – 78 млрд руб., Республики

Татарстан – 776 млрд руб., Республики Башкортостан – 784 млрд руб. Относительно объема потребляемой продукции Республика Башкортостан более зависима от поставок продукции из соседних регионов, чем республика Мордовия, даже не смотря на то что объем производства потребительских товаров в ней выше.

Что касается федеральных округов, то представленное в таблице 3 разделение по группам является агрегированным, исходя из значений коэффициентов как отдельных субъектов входящих в эти округа, так и совокупных значений каждого федерального округа. В результате Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа

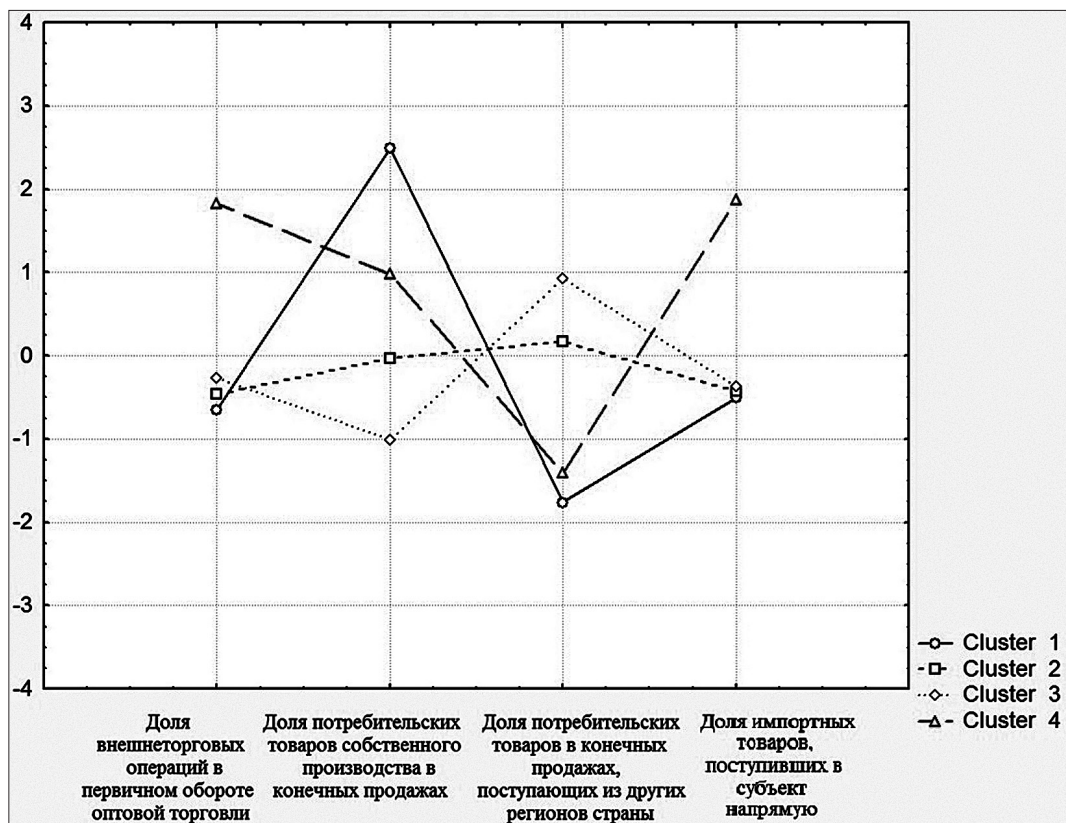

Рис. 2. Линейный график кластеров
(по стандартизированным значениям показателей)

Таблица 3

Группировка субъектов ПФО и Федеральных округов
по критерию участия в пространственной организации
регионального рынка потребительских товаров

«Регионы- посредники»	«Производители»	«Зависимые потребители»	«Относительно самостоятельные»
Субъекты ПФО			
Нет	Республика Мордовия	Нижегородская область Оренбургская область Пермский край Республика Башкортостан Самарская область	Кировская область Пензенская область Республика Марий Эл Республика Татарстан Саратовская область Удмуртская Республика Чувашская Республика Ульяновская область
Федеральные округа			
Центральный Северо-Западный Южный Дальневосточный	Центральный Северо-Западный Южный	Северо-Кавказский	Приволжский Уральский Сибирский

попали сразу в две группы: «регионы-посредники» и «производители». Несмотря на то что в этих федеральных округах есть и зависимые потребители (Республики Адыгея и

Карелия, Орловская область и др.), здесь сосредоточены крупнейшие в Российской Федерации «регионы-посредники»: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край.

Здесь же присутствуют субъекты которые активно развивают производство потребительских товаров: Ростовская, Волгоградская, Вологодская, Ленинградская, Моковская, Тульская области и др. «Зависимым» является Северо-Кавказский федеральный округ. Здесь необходимо развивать производство и расширять возможности для импорта продукции напрямую, исключая движение товаров через порты Санкт-Петербурга и оптовые склады г. Москвы.

Выводы. Типологизация регионов на основе выделения кластеров по критерию участия регионов в пространственной организации регионального рынка потребительских товаров, необходима при исследовании обеспеченности населения товарами, для анализа товародвижения и изучения факторов

региональной дифференциации. Выявленные закономерности направлены на научное обоснование принятия решений, связанных с различными сценариями реализации торговой и региональной политики, различных с точки зрения организации рынка потребительских товаров регионов и уровня жизни населения.

Проведенные расчеты указывают на несовершенства пространственной организации посреднической деятельности и нерациональность товародвижения.

Дальнейшее исследование может быть направлено на изучение факторов зависимости от межрегиональных поставок, в том числе через г. Москву, отдельных приграничных регионов (например, Оренбургской области), а так же разработку рекомендаций по совершенствованию пространственной организации рынка потребительских товаров.

Библиографический список

1. Агарков Г.А., Найденов А.С., Судакова А.Е. Угрозы потребительскому рынку региона // Экономика региона. 2012. № 3. С. 211–219.
2. Анимича Е.Г., Анимича П.Е., Денисова О.Ю. Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил // Экономика региона. 2014. № 2 (38). С. 21–32.
3. Казиханов А.М. Социальная политика как фактор продовольственной безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2009. № 1. URL: <http://www.rppe.ru/wp-content/uploads/2010/02/kazikhanov-am.pdf>
4. Куклин А.А., Васильева Е.В. Влияние продовольственной безопасности на качество жизни населения регионов // Уровень жизни населения регионов России. 2010. № 5 (147). С. 53–62.
5. Колосова Е.И. Продовольственная обеспеченность: состояние и перспективы // Экономика региона. 2009. № 4. С. 215–218.
6. Лавриков В.В. Статистический анализ показателей товародвижения и качества плодоовощной продукции на оптовом продовольственном рынке: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.12. М., 2003. 159 с.
7. Макарова И.В. Система товародвижения в предпринимательских // Российское предпринимательство. 2011. № 5. Вып. 1 (183). С. 57–64.
8. Михайлушкин П.В., Баранников А.А. Обеспечение продовольственной безопасности – основа аграрной политики России // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 88(04). URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/04/pdf/09.pdf>
9. Недосекин К.Ю. Совершенствование государственного регулирования потребительского рынка Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2009. 19 с.
10. Таловский А. И. Рынок потребительских товаров региона: состояние и перспективы в условиях глобализации: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Новосибирск, 2005. 28 с.
11. Татаркин А.И., Макарова И.В., Петров А.П., Аверина Л.М. Особенности пространственного размещения производительных сил в старопромышленном регионе // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 28–43.
12. Тимирьянова В.М. Товародвижение и обеспеченность региональных потребительских рынков товарами // Глобальный научный потенциал. 2013. № 12 (33). С. 123–130.
13. Фейбусович Э.Л., Корнекова С.Ю. Территориальные различия в потреблении продовольственных товаров населением России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2012. № 6. С. 58–63.
14. Чистяков Ю.Ф. Глобализация и продовольственная независимость России в современный период // Российское предпринимательство. 2008. № 11 Вып. 1 (122). С. 117–121.
15. Чуканова К.В. Реализация импортозамещающего потенциала региональной экономики: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Тамбов, 2015. 26 с.
16. Ярашева А.В., Макарова Е.А. Типология регионов РФ по потребительскому поведению домохозяйств // Народонаселение. 2015. № 3 (69). С. 77–84.

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ ТРАНЗИТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СТРАНАХ ЕАЭС¹

Vardomskiy L.B.

QUESTIONS OF THE GEOGRAPHY OF TRANSIT COMMUNICATIONS IN THE COUNTRIES OF THE EAEU

Аннотация. Анализируется динамика транзита стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с учетом меняющегося геополитического и геоэкономического положения. За годы независимости в Белоруссии, Казахстане и России были построены новые транспортные коммуникации, как для сокращения транзитной зависимости от соседей, так и для повышения привлекательности для транзитных перевозок. В последние годы быстро растет значение транспортных коридоров стран ЕАЭС для трансконтинентального транзита. Для этой цели реализуются проекты по развитию скоростных железнодорожных перевозок грузов, созданию современной логистики, включению стран в глобальные и региональные транспортно-логистические цепочки. Спрос КНР на евразийский транзит стимулирует интеграцию транспорта стран ЕАЭС, улучшает логистику взаимных торгово-экономических связей. В совокупности это создает предпосылки для формирования транспортного партнерства стран Евразии, которое может стать шагом в направлении создания «Большой Евразии».

Abstract. The dynamics of the transit of the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) is analyzed taking into account the changing geopolitical and geo-economic position. Over the years of independence, new transport communications have been built in Belarus, Kazakhstan and Russia, both to reduce transit dependence on neighbors, and to increase the attractiveness of transit transport. In recent years, the importance of the Eurasian transport corridors for transcontinental transit has been growing rapidly, ensuring faster delivery of goods between the EU and APR countries. For this purpose, projects are being implemented to develop high-speed rail freight, create modern logistics, and include countries to global and regional transport and logistics chains. Demand of the People's Republic of China to the Eurasian transit stimulates the integration of transport of the countries of the EAEU, improves the logistics of mutual trade and economic relations. Together, this creates the prerequisites for the formation of the Eurasian transport partnership, which can be an step in the direction of creating a «Greater Eurasia».

Ключевые слова: страны ЕАЭС, внутриматериковое положение, соседство, внешнеторговые связи, транзитная зависимость, ЕС, КНР, транзитный потенциал, «Шелковый путь», «Большая Евразия».

Keywords: the countries of the EAEU, intracontinental position, neighborhood, foreign trade relations, transit dependence, EU, China, transit potential, diversification of transport routes, «Silk Road», «Greater Eurasia».

Введение и постановка проблемы.

Под международным транзитом понимаются перевозки по коммуникациям страны, при которых пункты отправления и назначения находятся за ее пределами. Все страны мира сегодня прибегают к импорту транзитных услуг в ходе развития внешнеторговых связей и одновременно выступают в качестве их экспортеров. Но баланс этих услуг у стран сильно различается. Страны, у которых сальдо транзитных услуг устой-

чиво отрицательно, можно назвать транзитозависимыми, а страны с устойчиво положительным сальдо – странами – транзитерами. Транзитная значимость и транзитная зависимость стран – отражение их положения в рассматриваемой пространственной системе государств и их внешнеторговых связей. В этом смысле транзит – весьма географичное экономическое явление.

Число международных транзитных сообщений зависит от численности государств.

¹ Статья подготовлена в рамках исследований по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН №53 «Пространственная реструктуризация России с учетом геополитических, социально-экономических и геоэкологических вызовов».

Современный мир разделен 600 межгосударственных границ (в 1820 г. их было 75, в 1900 г. – 104, в 1950 г. – 200) [10], которые определяют неизбежность международного транзита. Ослабление барьерных функций границ в ходе внешнеторговой либерализации в результате деятельности ВТО и региональной интеграции стимулирует рост транзитных перевозок.

Транзитные проблемы отчетливо прослеживаются в постсоветских странах, поскольку появление 24 новых государственных и таможенных границ сделало пространство бывшего СССР, которое в своей большей части характеризуется внутриматериковым положением, в высокой степени транзитным. Новые государственные границы, легли на транспортную сеть, которая формировалась в условиях командно-административной экономики, но при «плановой открытости» в рамках социалистической экономической интеграции. Постсоветские государства в большинстве случаев имели весьма ограниченные прямые транспортные контакты с соседними странами «дальнего и ближнего зарубежья» и должны были сообщаться с ними путем транзита через бывшие союзные республики. Сильное расхождение стран постсоветского пространства по внешнеполитическим, интеграционным и культурно-ценностным ориентирам оказало и оказывает сильное влияние на динамику транзитных перевозок. Не менее сильное влияние на них в настоящее время оказывают требования современного производства к скорости и качеству перемещения между производителями и потребителями по цепочкам добавленной стоимости.

Обзор ранее выполненных исследований. Среди известных автору работ в международной научной литературе наиболее обстоятельным и комплексным характером выделяется монография польского исследователя Э. Патрина «Транзит и национальное хозяйство» на польском языке, изданная в 1967 г. [9]. Методологические основы изучения транзита в связи с транспортно-географическим положением страны были заложены профессором И.М. Маергойзом в статье «Изучение современного экономико-географического положения СССР в связи с особенностями территориальной структуры его народного хозяйства» [6]. В.А. Колосов

наглядно показал влияние новых постсоветских границ на трансформацию национальных транспортных сетей в связи с необходимостью сохранения обретенного государственного суверенитета [4].

В настоящее время главное внимание зарубежных исследователей привлекает проблема транзита в контексте экономического развития внутриконтинентальных стран [18]. Проблемы экономического развития внутриконтинентальных развивающихся стран, к которым относятся семь новых государств Центральной Азии и Южного Кавказа, были отражены в Алматинской Программе действий, принятой в 2003 г. по итогам министерской конференции ООН. Среди российских ученых эту проблему глубоко исследовал Л.А. Безруков [1].

В России по транзитной проблематике в последние годы опубликован ряд интересных работ. Среди них выделяется фундаментальный труд Института проблем рынка РАН «Формирование эволюционной модели транспортно-транзитной системы России в условиях интеграции и глобализации», в котором исследуются вопросы развития транспортных сетей России и других постсоветских стран в современных условиях [8]. Весьма содержателен доклад Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития «Транспортные коридоры Шелкового пути: потенциал роста грузопотоков через ЕАЭС», в котором исследуются вопросы китайско-европейского транзита по железным дорогам стран Союза [2].

В настоящей статье акцент делается на широкое понимание транзита как функции транспортно-географического, геополитического и геоэкономического положения стран ЕАЭС, как инструмента ускорения международного товарооборота и наращивания экспорта услуг, модернизации транспортной сети и повышения качества транспортно-логистического обслуживания, укрепления евразийской интеграции и трансконтинентального международного сотрудничества.

Результаты исследования. *Транзитный потенциал страны* зависит от ряда внешних и внутренних факторов. К первым относятся внешнее соседство (число соседей, уровень их развития и размер экономики), динамика внешнеторговых связей между странами, которых разделяет страна – транзитер,

политические и экономические отношения страны – транзитера и стран-потребителей транзитных услуг и связанные с этим риски транзита, наличие альтернативных вариантов транспортировки внешнеторговых грузов. К внутренним факторам относится качество транспортных и логистических услуг страны – транзитера, и их конкурентоспособность на фоне альтернативных вариантов, тарифные и таможенные условия транзита, уровень безопасности перевозок [13].

Зависимость страны от транзита обусловлена отсутствием прямого транспортного сообщения с теми странами, в которых она получает основные доходы от экспорта товаров и услуг (геоэкономическое положение). Справедливая цена транзита зависит от наличия альтернативных вариантов сообщения с этими внешними рынками. При их отсутствии транзит перестает быть только разновидностью транспортной операции, поскольку со стороны страны – транзитера превращается в средство либо политического давления, либо получения дополнительного дохода от своего монопольного положения (ренды положения). Этот доход возникает как в результате повышения транзитных тарифов, так и комиссии стран – транзитеров за исполнение торгово-посреднических функций для зависимых от них в транзитном отношении стран.

Потенциальный спрос на транзитные перевозки через пространство ЕАЭС определяется динамикой взаимных торговых связей стран запада, юга и востока Евразии. В этом спросе ведущую роль играет соседство с другими постсоветскими странами и крупнейшими центрами мировой экономики – ЕС и КНР.

Наибольшее количество прямых сухопутных стран-соседей имеет РФ – 14, в т.ч. 8 постсоветских, у Белоруссии и Казахстана – по 5 (4), Киргизии – 4 (3), у Армении – 4 (2). Для доставки груза из России в Киргизию требуется пересечь территорию Казахстана. Еще более сложный путь пройдет груз из Армении в Киргизию. В связи с этим объемы торговли между постсоветскими странами, требующие транзитных перевозок, в большинстве случаев невелики. В рамках ЕАЭС из 10 пар возможных торгово-транспортных связей только у 3 пар (Белоруссия – Россия, Россия – Казахстан и Казахстан – Киргизия) возможно прямое

сообщение. Армения из всех стран – участниц ЕАЭС не имеет прямого сообщения ни с одним из партнеров по Союзу. Из всего объема взаимной торговли стран Союза в 2017 г. в 54,2 млрд долл. 59,4% приходилось на торговлю между РФ и Белоруссией, 31,0% – на торговлю РФ и Казахстана, 1,5% – на торговлю между Казахстаном и Киргизией. На торговлю, требующую транзитных перевозок, пришлось всего около 8% взаимной торговли [15].

Среди рассматриваемых стран наиболее разнообразными, действующими и потенциальными транзитными маршрутами, располагает Россия. В основе ее транзитного потенциала – соседство с ЕС, а также Белоруссией и Украиной – на западе, Китаем, Монголией, Японией и Южной Кореей – а востоке, странами Центральной Азии – на юге, выход к морям трех океанов. Всего на соседей, с которыми РФ связана сухопутными коммуникациями, приходится более половины мировой торговли и более 2/5 мирового ВВП.

Для ряда направлений Россия выступает главным транзитером, прежде всего, для стран Центральной Азии в их связях с ЕС, Белоруссией и Украиной. Но на большинстве направлений Россия должна конкурировать за транзитные грузопотоки. Для самой России высока транзитная зависимость от Белоруссии, Казахстана, Украины, стран Балтии, а также Грузии – единственного реального варианта грузовых сообщений с Арменией. Россия является крупнейшим потребителем транзитных услуг, оказываемых ее соседями, позволяя им получать значительный по объему доход. Наиболее крупные экспортеры для РФ транзитных услуг – Белоруссия и Украина.

Транзитный потенциал Казахстана определяется его внутриматериковым положением между Россией, Китаем, прикаспийскими странами и странами Центральной Азии. Рост взаимных торговых связей его соседей, а также их торговли с ЕС обуславливает динамичный рост транзитных перевозок через эту страну. В свою очередь, Казахстан сильно зависит от транзитных перевозок через Россию в сообщении с ЕС, Украиной и Белоруссией, а также через Азербайджан и Грузию в сообщении с Турцией и другими средиземноморскими странами. Казахстан – вторая после России страна по величине спроса на перевозки по коммуникациям

стран – партнеров по ЕАЭС и СНГ. Причем наибольший объем транзита Казахстан осуществляет через Россию.

Транзитный потенциал Белоруссии обусловлен ее положением на западе пространства ЕАЭС, на границе со странами ЕС, поскольку основной объем транзита обусловлен торговыми связями России, Казахстана и других постсоветских государств со странами ЕС, и России с Калининградской областью. В современных условиях выросло значение страны для торговых связей стран Балтии и Украины, а также России и Украины. Транзитный пробег по территории страны не превышает 600 км, но Белоруссия превосходит все другие постсоветские страны по количеству транзитных грузов, перевозимых ее железнодорожным и автомобильным транспортом. В то же время, Белоруссия сильно зависит от России в торговле со странами Центральной Азии и Азербайджаном, от Польши и стран Балтии в торговле с ЕС и третьими странами.

Армения граничит с четырьмя странами, две из которых, Азербайджан и Турция участвуют в ее транспортной блокаде. Транзитные перевозки Армении связаны с торговлей Ирана с Грузией и странами Южной Европы. Но у Ирана есть возможность торговли с Европой через Азербайджан, Грузию, Турцию, Россию, а также по морю. Безальтернативность транспортной коммуникации Армении с главными торговыми партнерами делает ее крайне уязвимой в экономическом и геополитическом плане.

В условиях существующей транспортной сети транзитный потенциал Киргизии, у которой четыре соседа, крайне ограничен. Но из-за горного рельефа и слабо развитой транспортной сети она фактически находится в транспортном тупике. Во внешних сообщениях страна сильно зависит от транзита через Казахстан, Узбекистан и Россию.

Среди возможных направлений транзитного сообщения по транспортной сети стран ЕАЭС преобладают потоки широтной ориентации. Специфика взаимоположения стран Союза заключается в том, что его транзитный потенциал возрастает при согласованной транспортной и таможенной политике Белоруссии, Казахстана и России, а также сотрудничестве с соседними странами, поскольку через них проходят евразийские транспортные коридоры.

В 2013 г. транзитный потенциал ЕАЭС оценивался в 220 млн т, и предполагалось, что к 2020 г., благодаря мерам национальной транспортной политики и евразийским интеграционным процессам, он удвоится [13]. Но после 2013 г. ситуация в международной торговле, в том числе и на постсоветском пространстве, серьезно изменилась, и этот прогноз сегодня выглядит слишком оптимистичным.

Во всех постсоветских странах в транспортной политике отчетливо проявлялось стремление уменьшить свою транзитную зависимость от соседей, что вытекало из логики укрепления государственного суверенитета. Одновременно страны пытались сделать свои транспортные системы более привлекательными для международного транзита с целью получения дополнительного дохода от экспорта транспортных услуг. Оказание транзитных услуг – значительный источник доходов для транспортных и логистических компаний, бюджетов разного уровня, но еще выше эффект от мультипликативного влияния на различные отрасли национальной экономики. С транзитом тесно связана деятельность сопряженных секторов экономики: таможенного, страхового, складского, топливно-энергетического, производства и обслуживания транспортной и складской техники и т.д. Транзитные функции национальных коммуникаций выступают немаловажным фактором развития, привлекающих к ним регионов и городов, повышая их инвестиционную привлекательность, и государства в целом.

Одним из проявлений трансформации постсоветского пространства стало **усиление топливно-сырьевой специализации экономики новых государств и связанные с этим изменения в транспортной сети**. География унаследованной от СССР транспортной сети делала новые государства весьма зависимыми от российских коммуникаций при том, что Азербайджан, Казахстан и Туркменистан в определенной мере конкурируют с РФ на мировых рынках нефти, газа и других минеральных продуктов. Для укрепления своего экономического суверенитета они должны были адаптировать национальные системы к изменившимся геополитическим условиям развития. Не менее зависимой оказалась и РФ, поскольку основные объемы топлива и сырья шли на европейский

рынок транзитом через Белоруссию, страны Балтии, Украину и Молдавию.

Транзитный фактор сыграл ведущую роль в трансформации транспортных сетей и маршрутов сообщения с внешними рынками не только у стран ЕАЭС, но и у соседних Азербайджана, Грузии, Туркменистана и Узбекистана, через которые прошли новые транзитные коммуникации. Наиболее масштабные транспортные новостройки на постсоветском пространстве были связаны с прокладкой трубопроводов, которые обеспечивали как прямые сообщения со странами потребителями, так и создавали альтернативу действовавшим транзитным маршрутам.

Можно говорить о трех факторах, изменивших географию экспортных трубопроводов на постсоветском пространстве. Первый связан с наращиванием добычи нефти и газа в Каспийском регионе. Для обеспечения прямого выхода к российским портам для казахстанской нефти в 1999–2002 гг. Каспийским трубопроводным консорциумом был построен нефтепровод Тенгиз – Астрахань – Новороссийск. Кроме того, для экспорта Казахстан использует построенные в советское время нефтепроводы Узень – Атырау – Самара и Баку – Махачкала – Новороссийск. К услугам последнего прибегает также Азербайджан. Казахстан и Туркменистан в связи с ограниченной пропускной способности пролива Босфор используют для экспорта своей нефти трубопровод Баку – Тбилиси – Джейхан, построенный в 2006 г.

По построенному в 2006 г. газопроводу Баку – Тбилиси – Эрзерум газ из Азербайджана транзитом через Грузию поступает в Турцию. Но из-за недостатка собственного газа страна для исполнения контрактных обязательств закупает около 2 млрд м³ газа у России, которая в этой ситуации косвенно, на свопоовой основе участвует в поставках своего газа по упомянутому газопроводу в Турцию. Следует отметить важную узловую роль Грузии в экспорте газа не только из Азербайджана в Турцию, а с 2020 г. – и в Европу по создаваемому Южному газовому коридору, но и из РФ в Армению. Следует отметить, что для уменьшения геополитических рисков газоснабжения в 2009 г. в Армению был построен газопровод из Ирана.

Второй фактор связан с ростом потребления углеводородов в Китае. В 2005–2009 гг. для прямого экспорта нефти в Китай был про-

ложен нефтепровод Атасу (Казахстан) – Алашанькоу (КНР). Примерно в этот же период (2007–2013 гг.) для снабжения своих западных и центральных регионов природным газом Китай построил три нитки газопроводов из Туркменистана. Благодаря этому для КНР сильно выросло транзитное значение Казахстана и Узбекистана. Для более короткого выхода на рынок КНР и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в РФ (2006–2012 гг.) был построен нефтепровод ВСТО. Кроме того, для доставки своей нефти на рынок КНР Россия использует нефтепровод Омск – Павлодар – Атасу – Алашанькоу. В настоящее время ведется строительство газопровода «Сила Сибири».

Третий фактор связан со стремлением России диверсифицировать маршруты доставки нефти и газа европейским потребителям и тем самым ослабить свою зависимость от стран – транзитеров, как по политическим, так и экономическим соображениям. В 1994–1999 гг. через Белоруссию был построен газопровод «Ямал – Западная Европа». В 2001 г. построен нефтепровод Суходольная – Родионовская, который соединил на российской территории в обход Украины два нефтепровода: Самара – Лисичанск и Лисичанск – Тихорецк. Далее были сооружены газопроводы «Голубой поток» в Турцию (2002 г.) и «Северный поток-1» в Европу (2010–2012 гг.). В 2000-е гг. создана Балтийская трубопроводная система (БТС-1 и БТС-2). В результате к настоящему времени полностью прекратился экспорт российской нефти через порты стран Балтии и заметно сократился – по нефтепроводу «Дружба». В результате существенно уменьшились транзитные доходы стран Балтии и Белоруссии, но выросли доходы профильных российских компаний. В настоящее время строится «Турецкий поток». Готовится строительство газопровода «Северный поток-2». Запуск последних двух трубопроводов сильно ослабит транзитную зависимость РФ от Украины и Молдавии.

Казахстан среди стран ЕАЭС наиболее активно адаптировал свою железнодорожную сеть к изменившимся геополитическим и экономическим условиям. В 1992 г. было построено соединение железных дорог Казахстана и Китая между пограничными станциями Достык и Алашанькоу. Затем для улучшения межрегионального сообщения

Казахстан пошел на строительство железнодорожных линий в обход российской территории, поскольку унаследованная от СССР сеть предполагала сообщение приграничных с Россией казахстанских областей через российскую территорию. В 2001 г. была введена в эксплуатацию железная дорога Аксу – Дегелен, соединившая Павлодарскую и Восточно-Казахстанскую области, минуя Алтайский край, затем построена дорога Алтынсарино – Хромтау между Костанайской и Актюбинской областями. В 2008 г. открыт 153-километровый участок между Усть-Каменогорском и станцией Шар, расположенной на Турксибе, что позволило заметно улучшить положение Восточно-Казахстанской области в системе межрегиональных и международных сообщений Казахстана [8].

Во второй половине 2000-х гг. в Казахстане важным фактором железнодорожного строительства стали внешнеторговые потребности страны и ориентация на транзит. Новые проекты реализовывались в рамках создания Северного коридора Трансазиатской железнодорожной магистрали (Китай – Казахстан – Россия – Белоруссия – ЕС) и коридора Восток – Запад (ТРАСЕКА) (Китай – Казахстан – порты Актау и Курык – Баку (Алят) – Грузия – Турция – ЕС, с ответвлением на Туркменистан – Иран – Турцию).

Строительство в 2010-е гг. железных дорог Жетыген – Хоргос, Жезказган – Бейнау, Аркалык – Шубаркуль существенно сократило расстояние перевозки на направлении КНР – Европа, обеспечило более высокую пропускную способность казахстанской транспортной сети и существенно ускорило экспортно-импортные и межрегиональные перевозки по транспортной диагонали связующей северо-запад и юго-восток, а также северо-восток с юго-западом страны. Казахстан многократно расширил пропускную способность своих «сухих портов» на границе с КНР на базе СЭЗ «Хоргос – Восточные ворота» [12], а также каспийских портов Актау и Курык. В результате реализации этих проектов сильно возросло транзитное значение Казахстана не только для КНР, но и для стран Центральной Азии и РФ.

Транзитный потенциал Казахстана косвенно увеличивает транспортное строительство в соседних странах. За годы независимости в Туркменистане было постро-

ено три соединения с железными дорогами Ирана. Строительство железной дороги от Этрека на границе Туркменистана и Ирана до города Берекет и далее на казахстанский Узень (2009–2014 гг.) позволило создать новый железнодорожный маршрут в рамках транспортного коридора «Север – Юг» вдоль восточного берега Каспийского моря, соединяющего Россию, Казахстан, Туркменистан, Иран и страны Персидского залива и Аравийского моря. По этой железной дороге могут доставляться грузы из сибирских регионов РФ, западных регионов Китая в Иран и другие страны Западной Азии.

Завершение в 2017 г. строительства железной дороги Ахалкалаки – Карс в Грузии, которая соединила Азербайджан и Грузию с Турцией, сделало возможной прямую железнодорожную перевозку грузов из КНР в Турцию. Следует отметить усилия Азербайджана, Казахстана и Туркменистана по модернизации своих железных дорог в рамках коридора «Север – Юг», что важно для обеспечения режима свободной торговли, установленного между ЕАЭС и Ираном.

В России железнодорожная сеть исторически имела соприкосновение с сетями государств – соседей. Поэтому адаптация к появлению новых границ свелась в основном к созданию пограничных станций и пунктов пропуска. Изменения собственно железнодорожной сети были в целом незначительны. Среди них следует выделить строительство (2017 г.) железной дороги Журавка – Миллерово протяженностью 137 км в обход украинской территории. Перед РФ стоит задача создать эффективную альтернативную коммуникацию с Калининградской областью, развивая паромное сообщение на направлении Балтийск – Усть-Луга.

В РФ главный акцент в связи с произошедшей геополитической трансформацией был сделан на развитии пропускной способности морских портов и припортовой инфраструктуры. За 2000–2017 гг. грузооборот морских портов увеличился более, чем в 4 раза и достиг 787 млн т [17]. За эти годы были построены новые порты Высоцк, Кавказ, Приморск, Сабетта, Тамань, Усть-Луга, расширена пропускная способность Санкт-Петербурга, Новороссийска, Находки и др., которые смогли увеличить свои перевалочные возможности, в том числе и для грузов стран ЕАЭС и СНГ.

Среди других крупных транспортных проектов, имеющих транзитное значение, следует назвать строительство магистральной автодороги «Западный Китай – Западная Европа». Китай и Казахстан свои участки построили. РФ прилагает усилия по завершению своей части этого автомобильного коридора.

С начала 2010 гг. происходит активное включение ЕАЭС в обслуживание трансконтинентального контейнерного транзита на направлении КНР – ЕС. Такой транзит предъявляет высокие требования к скорости и надежности перевозок, сохранности грузов в пути, контролю движения грузов по маршруту в непрерывном режиме. Развитие транзитных перевозок по этому направлению совпало с обострением геополитических противоречий России с Западом и началом реализации Китаем мегапроекта «Один пояс, один путь».

Первые устойчивые транзитные перевозки контейнеров по Транссибу начали осуществляться между Японией/Южной Кореей и Европой в результате закрытия Суэцкого канал в 1967–1975 гг. Пик контейнерных перевозок на этом маршруте был достигнут в 1983 г. – 110 тыс. ДФЭ² [19]. Контейнеры доставлялись в Европу через порт Восточный примерно за 15–20 дней, что было в 2–3 раза быстрее, чем по морю.

Внедрение более скоростных и вместительных судов-контейнеровозов, вызвавшее снижение стоимости морской доставки при отсутствии прогресса на советских железных дорогах, распад СССР и возникшая в связи с этим дезорганизация наложенной системы транссибирских перевозок, привели к постепенному угасанию интереса Японии к этому маршруту. В 2001 г. перевозки японских контейнеров сократились до 2 тыс. ДФЭ [20].

Сухопутный вариант перевозок между странами Европы и Северо-Восточной Азии позволяет в 2,5–3 раза ускорить доставку грузов. Но для расширения контейнерных перевозок на этом направлении необходимо было предложить условия перевозки конкурентные по сравнению с более дешевым (в среднем в два раза) морским вариантом сообщения между странами АТР и Европы. Речь идет о соотношении скорость/точность доставки и издержек при сухопутном тран-

зите и морском варианте перевозки. Приемлемое соотношение было достигнуто путем широкого внедрения в практику перевозок контейнерных поездов, следующих по определенным маршрутам, поскольку транспортировка поездных грузовых партий на 30–40% дешевле и в 2–3 раза быстрее повагонных отправок. Первые контейнерные поезда появились в начале 2000-х годов, но они курсировали не по расписанию, а по мере формирования поездной партии контейнеров. С принятием в 2009 г. Программы «Транссиб за 7 дней», стали формироваться ускоренные контейнерные поезда со среднесуточной скоростью 1200 км и выше³. Первый пробный поезд от Находки до станции Шушары под Санкт-Петербургом в 2010 г. затратил на перевозку менее 7 суток.

Привлекательность трансматерикового транзита достигается не только за счет скорости движения подвижного состава, но и сокращения времени таможенных формальностей на границах, оптимизации маршрутов транспортировки на основе мультимодальности доставки между конкретными отправителями и получателями грузов. Спрос на эти перевозки обусловлен формированием глобальных цепочек добавленной стоимости, когда отдельные технологические стадии размещаются в тех странах, в которых для этого имеются более благоприятные условия

В 2010-е гг. перевозки контейнеров по железным дорогам стран ЕАЭС стали быстро увеличиваться. В РФ за 2010–2017 гг. они увеличились с 161 до 415 тыс. ДФЭ, причем только за 2016–2017 гг. транзит вырос на 59% [5]. По железным дорогам Белоруссии в 2017 г. было транспортировано 320 тыс. ДФЭ транзитных контейнеров против 147 тыс. в 2010 г., а в Казахстане – 347 тыс. ДФЭ против 212 тыс. в 2015 г. [11].

В настоящее время подавляющая часть перевозок транзитных контейнеров в странах ЕАЭС осуществляется поездами. В 2000-е гг. большинство контейнерных поездов соединяли Брест и Находку друг с другом, со столичными городами и с центрами автосборки, расположенными в странах СНГ. Это такие поезда, как Находка-Восточная – Аблык (Узбекистан), Брест – Калуга –

² 20-футовый эквивалент – единица измерения перевозок контейнеров равная стандартному 20-футовому контейнеру длиной 6,1 м.

³ Ускоренный контейнерный поезд следует без переформирования до станции назначения и имеет суточную скорость 1 200 – 1 500 км.

Нижний Новгород, Млада-Болеслав – Брест – Защита (Усть-Каменогорск, Казахстан). С середины 2010-х гг. заметным стимулом развития железнодорожных контейнерных перевозок становится электронная торговля, главным оператором которой стала Группа «Алибаба», связавшая китайских производителей и потребителей в Европе и странах СНГ почтовыми отправлениями активно использует грузовые авиаперевозки, но по мере роста скорости доставки все большая их часть отправляется контейнерными поездами.

Главным драйвером транзита четвертого вида становится активная политика Китая по развитию трансконтинентальных коммуникаций. Его интерес к евразийскому транзиту связан с возможностью быстрой доставки продукции на рынок Европы и стран Западной Азии. Европу и КНР связывает мощный товарообмен, стоимость которого в 2016 г. превышала 600 млрд долл. На сухопутный вариант приходится 2–3% от общей массы контейнеров перемещаемой Китаем и ЕС. Более быстрый и надежный способ доставки товаров на внешние рынки по суше позволяет повысить конкурентоспособность китайских товаров, укрепить их позиции на внешних рынках⁴. Скоростной транспорт создает предпосылки для развития Западного Китая, преодоления его внутриматериковости, поскольку многие районы Синьцзян-Уйгурского автономного района находятся на максимальной удаленности от океанов. На значительном расстоянии от моря находятся и многие крупные промышленные города Центральной части страны. В воссоздании «Шелкового пути» просматривается стремление КНР максимально дифференцировать варианты сообщения с мировыми рынками для обеспечения геополитической устойчивости своей экономики.

Перевозки между Китаем и Европой осуществляются как по Транссибу, так и по Северному коридору Трансазиатской железнодорожной магистрали (ТСЖ). При этом казахстанский вариант по ТСЖ, как более короткий (примерно на 1 тыс. км) и с большим пробегом по китайским железным дорогам (около половины всего маршрута), оказался более востребованным для глав-

ных поставщиков товаров, расположенных в центральной части Китая (города Чунцин, Сиань, Ухань, Чэнду и т.д.), на европейский рынок. К казахстанскому маршруту тяготеет также большая часть торгового потока между КНР и странами Центральной Азии и значительная часть торговли с европейской частью РФ. На Москву в 2017 г. по данным Федеральной таможенной службы (ФТС), пришлось около 45% общего товарооборота РФ и КНР, но преобладающая его часть осуществляется по морю.

Перелом транзитных контейнерных перевозок в пользу казахстанского варианта произошёл в 2015 г. В 2014 г. основная часть транзита на направлении КНР – ЕС – КНР шла через Забайкальск, а уже в 2016 г. 2/3 объема контейнерных железнодорожных перевозок выполнялась через казахстанские пограничные пункты пропуска [7, с. 119].

Спрос компаний КНР на трансматериковый транзит стимулируется субсидиями из провинциальных и городских бюджетов. Однако по мере роста объема железнодорожных перевозок и их ускорения, а также сдвига экономики КНР на запад, значение субсидий для привлечения транзита будет сокращаться.

К транзиту по Транссибу с точки зрения общей протяженности пути в Европу тяготеют в основном северные и северо-восточные регионы КНР. Выход к ним обеспечивают четыре пограничных пункта пропуска Гродеково и Махалино в Приморском крае, Забайкальск в Забайкальском крае и Наушки в Республике Бурятия, а также морские порты на Дальнем Востоке, в которых имеются контейнерные терминалы. В 2016 г. по Транссибу было перевезено 107,9 тыс. ДФЭ транзитных контейнеров, из которых около 70% пришлось на КНР, а остальное – на Южную Корею и Японию. Транссибирская и казахстанская ветви китайского транзита соединяются в единый маршрут в районе Южного Урала, и далее он следует на Брест или балтийские порты.

В 2017 г. через ЕАЭС прошло 262 тыс. ДФЭ контейнеров на направлении КНР – ЕС – КНР, в том числе из КНР в ЕС – 164 тыс. Для перемещения этого количества контейнеров было задействовано 3700 регу-

⁴ Сокращение срока доставки контейнера до 16 суток против 40 при стоимости груза в контейнере 100 тыс. долл. может обеспечить дополнительную прибыль в 329 долл. США в пересчете на один контейнер за счет экономии процентных платежей [7, с. 124].

лярных контейнерных поездов (2 400 из КНР и 1 300 в КНР), которые напрямую соединили несколько десятков европейских и китайских городов [2, с. 39, 43–44].

Западный участок маршрута КНР – ЕС – КНР обслуживается белорусскими железными дорогами. Здесь наблюдается наибольшая плотность перевозок контейнерными поездами. В 2017 г. по БЖД ускоренными контейнерными поездами перевезено 246,4 тыс. ДФЭ, в 1,7 раза больше, чем в 2016 г. На долю этого направления пришлось 65% всех перевозок контейнерными поездами. Из 18 регулярных контейнерных поездов, обслуживаемых БЖД, 7 курсировали между странами ЕС и КНР [14]. По сути Белоруссия стала западным хабом транзитных перевозок для ЕАЭС и КНР.

В Казахстане объем перевозок транзитных контейнеров между Китаем и ЕС увеличился с 1,1 тыс. ДФЭ в 2011 г. до 201 тыс. ДФЭ. В течение 2017 г. Казахстанские железные дороги обслужили на этом направлении более 2 тыс. контейнерных поездов. Через Достык и Атытеньколь поступают контейнеры, следующие в Европу, страны Центральной Азии, Южного Кавказа, Турцию и Иран. Для КНР, с одной стороны, ЕС и всех постсоветских стран, с другой, Казахстан превращается в восточный хаб трансматерикового контейнерного сообщения.

Интересы стран ЕАЭС в развитии трансконтинентального транзита связаны с тем, что он стимулирует модернизацию национального транспорта и логистики. Это улучшает условия их участия во внешней торговле, что особенно важно при внутриматериковом положении большей части пространства евразийской интеграции, способствует товарной диверсификации экспорта, улучшает транспортные возможности развития национальной экономики. Современные транспортно-логистические системы содействуют наращиванию несырьевого товарного экспорта из ЕАЭС в КНР и другие страны.

Развитие межконтинентального транзита – важный фактор евразийской интеграции. Центральной платформой реализации транзитного потенциала ЕАЭС стала «Объединенная транспортно-логистическая компания Евразийский железнодорожный альянс» (ОТЛК ЕРА), созданная в 2014 г. с участием российских, казахстанских и белорус-

ских железных дорог и организующая движение контейнерных поездов на маршруте Достык – Брест. В 2017 г. компания перевезла 175 тыс. транзитных ДФЭ против 100 тыс. в 2015 г. В 2025 г. их объем может достигнуть 1 млн ДФЭ [16].

ОТЛК ЕРА – пример связи интеграции и инноваций, сопряжения ЕАЭС и концепции «Пояс и путь», взаимосвязи внешних и внутренних условий развития национальной экономики. Ее деятельность создает предпосылку для углубления евразийской интеграции на новой технологической, в том числе, и цифровой основе, поскольку благодаря внедрению электронных «пломб» и единого электронного перевозочного документа по всему маршруту перевозки происходит заметное ускорение таможенного оформления транзитных контейнерных поездов. Высокотехнологичные транзитные сообщения позволяют странам ЕАЭС расширять их коммуникации с мировым рынком и одновременно наращивать экспорт транспортных услуг. Повышение транспортно-логистического уровня национального транспорта стран ЕАЭС создает предпосылки для формирования сети зон свободной торговли ЕАЭС и заинтересованных стран. Тем самым вокруг ядра в виде ЕАЭС будет формироваться более широкий интеграционный контур [3, с. 157–162]. Первые ЗСТ с Вьетнамом и Ираном уже запущены. В мае 2018 г. было подписано соглашение между ЕАЭС и КНР о торгово-экономическом сотрудничестве рассчитанное на углубление взаимодействия в различных сферах экономики.

Перспективы трансконтинентального транзита сегодня в решающей мере зависят от развития взаимной торговли стран Евразии, от того, как на ней скажутся начавшиеся торговые войны США с ЕС и КНР. С технической стороны, главным ограничителем для динамичного наращиванию перевозок становится недостаточная пропускная способность пограничных пунктов пропуска на границах ЕАЭС с ЕС и Китаем, связанная с существующими различиями в ширине железнодорожной колеи. Для преодоления этого предлагается расширить контейнерный транзит через Калининградскую область, а также через порты Балтийского моря России и ее соседей. Следует также упомянуть проект продления железной дороги широкой колеи (1520 мм) от словац-

кого города Кошице до Вены, которая может стать общеевропейским логистическим центром, обслуживающим сухопутные перевозки между странами АТР и Европы. На границе с Китаем транзитный потенциал ЕАЭС могло бы усилить строительство железной дороги из КНР в Киргизию и далее в Узбекистан: Кашгар (СУАР) – Торугарт – Узген – Ош – Джалал-Абад (Киргизия) – Андижан (Узбекистан). Причем по настоянию КНР, которая является главным инвестором новой железной дороги, которая с шириной колеи в 1435 мм станет фактически продолжением железных дорог Китая вглубь Центральной Азии.

В целом же прогнозные оценки исходят из того, что трансконтинентальный транзит может к 2025 г. занять 10–12% от общего объема контейнеров, перемещаемых между Востоком и Западом Евразии.

Выводы. Структурные изменения в транзитных перевозках стран ЕАЭС стали следствием как политической и экономической трансформации постсоветского пространства, так и усиления полицентричности мировой экономики и ее трансрегионализации. Рост транзитного потенциала рассматриваемых стран был обусловлен совокуп-

ным влиянием национальных интересов, евразийской интеграции и быстро растущим внешним спросом на транзитные перевозки. Важную роль также играют структурные изменения в экономике стран, генерирующих спрос на трансконтинентальный транзит. Речь идет о сдвиге экономики КНР на Запад, динамичном развитии стран Центральной Азии, развитии восточных регионов Ирана и Турции.

Динамичное развитие трансконтинентального транзита и выдвигаемые странами международные транспортные проекты свидетельствуют о возможности формирования евразийского транспортного партнерства с участием КНР, ЕС, ЕАЭС и ряда других стран материка. Это то, на что нацелена идея «Один пояс и один путь». Впрочем, не исключено, что возможное транспортное партнерство – начальная стадия пока аморфной идеи «Большой Евразии», поскольку страны-участницы заинтересованы в устранении технических и институциональных «швов» на трансматериковых коммуникациях, в создание единой сети скоростных и высокоскоростных дорог, и тем самым в улучшении общеэкономических условий своего развития.

Библиографический список

1. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Изд. «ГЕО». 2008. 369 с.
2. Винокуров Е.Ю., Лобырев В.Г., Тихомирова А.А., Цукарев Т.В. Транспортные коридоры Шелкового пути: потенциал роста грузопотоков через ЕАЭС. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2018. Доклад № 49. 74 с.
3. Евразийский экономический союз / Под ред. Е.Ю. Винокурова. СПб.: ЕАБР. Центр интеграционных исследований, 2017. 296 с.
4. Колосов В.А. Постсоветские границы: своеобразие, трансграничные взаимодействия и безопасность // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. М.: Новый хронограф, 2012. С. 601–630.
5. Кудияров С. Транзит породил контейнерный бум // Эксперт. 2018. № 4. С.26–27.
6. Маергойз И.М. Изучение современного экономико-географического положения СССР в связи с особенностями территориальной структуры его народного хозяйства // Маергойз И.М. Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, 1986. С.77–95.
7. Раровский П.Е. Пути повышения эффективности экспорта транспортных услуг на транссибирском контейнерном маршруте // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 1. С. 115–133.
8. Цветков В.А., Зойдов К.Х., Медков А.А. Формирование эволюционной модели транспортно-транзитной системы России в условиях интеграции и глобализации / Институт проблем рынка РАН. СПб.: Изд. Нестор-История. 2014. 799 с.
9. Patryn E. *Tranzyt a gospodarka narodowa*. Warszawa: Polskie wydawnictwo ekonomiczne. 1967. 283 с.
10. *Reshaping Economic Geography* // World development Report. World Bank. Washington, DC 2009. 12 p.
11. В МИР Казахстана подведены итоги 2017 г. и поставлены задачи на 2018 г. URL: <http://www.mid.gov.kz/ru/news/v-mir-rk-podvedeny-itogi-2017-goda-i-postavleny-zadachi-na-2018-god> (дата обращения: 23.06.2018).
12. В 2017 г. по железным дорогам Казахстана было перевезено 16 млн т транзитных грузов, из них более половины прошло через пограничные пункты пропуска Достык и Алтынколь. URL: <https://interfax.com.ua/news/economic/475722.html>.
13. Ивуть Р.Б., Зубрицкий А.Ф., Зиневич А.С. Развитие транзитного потенциала Республики Беларусь в условиях формирования ее транспортно-логистической системы // Новости науки и технологий. Минск. 2015. №1. С. 19–33. URL: http://belisa.org.by/pdf/Publ/Art3_i32.pdf (дата обращения: 23.06.2018).
14. Контейнерные поезда. БЖД. URL: http://www.rw.by/cargo_transportation/container_transportation/ (дата обращения 20.06.18)

15. Об итогах внешней и взаимной торговли товарами ЕАЭС. ЕЭК. Экспресс-информация. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/express/December2017.pdf
16. ОТЛК ЕРА ставит задачу выйти на объем транзита в миллион контейнеров. Первые лица. 18.05.2018. URL: http://www.gudok.ru/first_person/?ID=1418615 (дата обращения: 20.06.2018).
17. Симонова Т. Обзор грузооборота морских портов России. Итоги 2017 г. URL: <http://www.rzd-partner.ru/wate-transport/reviews/obzor-gruzooborota-morskikh-portov-rossii-itogi-2017-goda/> (дата обращения: 21.06.2018).
18. Arvis J.-F., Raballand G., Marteau J.-F. The Cost of Being Landlocked: Logistics Costs and Shipping Chain Reliability. Policy Research Working Paper 4258, World Bank, Washington, DC 2007. P. 81. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/987461468008762479/pdf/wps4258.pdf> (дата обращения: 20.06.2018).
19. Liliopoulou A., Roe M., Pasukticiute I. TransSiberian Railway: from inception to transition// European Transport / TrasportiEuropei. ISTIEE. Trieste. 2005. № 9. P. 46–56. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.522.2406&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 20.06.2018).
20. Tsuji H. Japan and the ROK's Involvement in international Container Transportation Using the Trans-Siberian Railway. The Economic Research Institute for Northeast Asia. 2014. P. 13. URL: <http://www.erina.or.jp/en/wp-content/uploads/2014/11/02030e.pdf> (дата обращения: 20.06.2018).

Шупер В.А. (Москва)

ТРАНСПОРТНЫЙ ФАКТОР ДВИЖЕНИЯ РОССИИ НА ВОСТОК И ФОРМИРОВАНИЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ¹

Shuper V.A.

TRANSPORT FACTOR OF RUSSIA'S MOVEMENT TO THE EAST AND THE FORMATION OF THE GREATER EURASIA

Аннотация. Преодоление «континентального проклятья» Сибири заставляет считать снижение себестоимости грузоперевозок по Транссибу до уровня, сопоставимого с себестоимостью морских перевозок, одной из важнейших национальных задач. Подобная задача может быть решена только путём максимального развития транзитных функций Транссиба (а в дальнейшем – и БАМа), превращения его в инфраструктурную ось, связывающую Японию, Корейский полуостров, северо-восток Китая с Западной Европой. Применение новых типов лёгкого транспорта, грузового и пассажирского (наряду с мощным «инфраструктурным хребтом») позволит вскрыть для освоения огромные территории. Освоение территории лёгкими формами транспорта должно быть венчурным процессом. Поворот лицом к Азии требует решения триединой задачи: создание благоприятных внешнеполитических условий; резкое повышение степени использования инновационного потенциала; формирование эффективной системы расселения Дальнего Востока, способной обеспечить высокое качество жизни для его населения.

Abstract. Overcoming of the «continental curse» of Siberia makes the steady decline of cargo transportation cost on the Trans-Siberian railway to a level comparable to the cost of shipping one of the most important national tasks. This aim can be achieved only through maximum development of the transit functions of the Trans-Siberian railway (and later Baikal-Amur railway), its transformation in the infrastructure axis connecting Japan, Korea Peninsula, Northeast China with Western Europe. The use of new types of light transport, freight and passenger (along with the powerful «infrastructural range») will allow to open up for development vast territories. The development of the territory by the light forms of transport should be considered as a venture process. Turning face to Asia requires a three-pronged solution: creation of favorable conditions in foreign affairs; sharp increase in the use of innovative potential; the formation of an effective settlement system of the Far East, capable of ensuring a high life quality for its population.

Ключевые слова: Большая Евразия, пионерное освоение, венчурный процесс, Большой Владивосток, система центральных мест Тихоокеанской России.

Key words: Greater Eurasia, pioneering territory development, venture capital process, Large Vladivostok, the Central places system of Pacific Russia.

Введение и постановка проблемы.

Президентское послание Федеральному собранию от 1 марта 2018 г. имеет или, во всяком случае, может иметь значительно более глубокое значение для страны, нежели то, которое отмечалось в комментариях «по горячим следам». Послание Президента – это своеобразный «китайский удар по-русски»: если Китай фактически опроверг представления о демократизации как неизбежном следствии экономической модернизации и даже в значительной мере её условия, то Россия опровергает экономический детерминизм в области политического и военно-технического соперничества. Фактически избран путь – стать великой ревизионистской державой, не только вписаться в существующий мировой порядок, но создать, постепенно наращивая

силы, альтернативную модель будущего, которое всегда многовариантно [26].

Можно считать позитивным сдвигом то, что страна перестала считать себя восточной периферией Европы и встала на путь формирования самосознания Севера Евразии [11, 17]. Этому новому самосознанию отвечает и новое видение будущего.

В условиях предстоящей смены лидера мирового развития, в результате которой прогнозируется наступление «века Азии», крайне недостаточный уровень экономического развития Сибири и «тихоокеанского фасада» нашей страны представляют собой значительный дефект геополитического и геоэкономического положения. В силу огромного сопротивления пространства и централизованного характера нашего государства волюнтаризма освоения всегда докатывались

¹ Грант РГО-РФФИ 14/2017 «Оценка социально-экономической эффективности развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры в Сибири и на Дальнем Востоке».

о тихоокеанского побережья в крайне ослабленном виде. Ситуация радикально изменилась сейчас, поскольку задача состоит не столько в том, чтобы «закачивать» в Сибирь и на Дальний Восток ресурсы из Европейской России, сколько в том, чтобы по меткому выражению С.А. Караганова, правильно «поставить паруса» и поймать в них дующий из Азии ветер. При этом не следует пытаться решить существенно меньшими силами те задачи, которые не удалось успешно решить ни Российской империи, ни СССР, кои так и не сумели, образно говоря, справиться с сопротивлением пространства.

Мощная географическая интуиция позволила И.М. Маергойзу уже в начале 1970-х гг. поставить вопрос о необходимости форсированного развития Дальнего Востока с максимальным использованием его уникального (уже в те времена) экономико-географического положения [15]. Бурное экономическое развитие, по мнению И.М. Маергойза, должно было превратить Дальний Восток во вторую базу освоения Сибири, поднимаемую в таком случае мощными потоками, идущими и с запада, и с востока.

К сожалению, исторический шанс, о котором писал И.М. Маергойз, был упущен при несравненно более благоприятной демографической и экономической ситуации. За прошедшие десятилетия ситуация изменилась настолько, что Л.Б. Вардомский считает необходимым поставить вопрос о том, что к берегам Тихого океана мы в значительной мере уже опоздали и не сумеем занять наиболее привлекательные ниши на тихоокеанских рынках [8]. По мнению этого исследователя, в значительно более благоприятных условиях сейчас находится Сибирь, богатая энергетическими ресурсами, способная поставлять на азиатские рынки весьма востребованную там энергоёмкую и водоёмкую продукцию. Это усиливает роль транспортного фактора в развитии Сибири. Транзитный транспорт должен стать одной из главных отраслей её специализации. Это относится в ещё большей мере к Дальнему Востоку. Выгоды его географического положения, огромные ресурсы должны использоваться в максимальной степени.

Транспорт для постиндустриального освоения. Преодоление «континентально-

го проклятья» Сибири заставляет считать снижение себестоимости грузоперевозок по Транссибу до уровня, сопоставимого с себестоимостью морских перевозок, одной из важнейших национальных задач. Подобная задача уже решалась в прошлом при создании Урало-Кузнецкого комбината (УКК) [12], когда впервые в экономической истории по железной дороге стали перемещаться такие массы грузов, которые ранее перевозились только морским транспортом. В 1930-е гг. из Кузбасса на Урал ежегодно перевозилось 5 млн т угля, 2 млн т железной руды перевозилось в обратном направлении [23]. В современных условиях подобная задача может быть решена только путём максимального развития транзитных функций Транссиба (а в дальнейшем – и БАМа, недостаток пропускной способности которого тормозит освоение, например, Эльгинского месторождения коксующихся углей [16]), превращения его в инфраструктурную ось, связывающую Японию, Корейский полуостров, северо-восток Китая с Западной Европой. Л.А. Безруков даже рассматривает возможность скоростных контейнерных и пассажирских перевозок по особым путям, идущим по эстакаде [5].

Разумно считать, что транспорт и в будущем будет продолжать играть пионерную роль в освоении Сибири и Дальнего Востока. Положение о пионерной роли транспорта в промышленном освоении Сибири, Севера и Дальнего Востока, сформулированное более полувека назад [22], остаётся истинным и поныне, но приобретает новое звучание в условиях постиндустриального освоения. По справедливому мнению А.Н. Пилясова, сейчас бессмысленно повторять опыт индустриального освоения, пытаться доделать то, что не было сделано в своё время при более благоприятных предпосылках [20]. В постиндустриальную эпоху промышленное освоение территории становится венчурным процессом², поскольку ресурсы не существуют безотносительно к технологиям их извлечения, переработки и транспортировки. Это очень близко к исследованной В.Л. Бабуриным зависимости ресурсной базы от мировых цен на соответствующий ресурс [1]. Однако новые технологии извлечения вполне могут внести коррективы в подобные оценки. Как отмечает П.А. Минакир, нам крайне недо-

² А.Н. Пилясов полагает, что основы представлений о пионерном освоении как о венчурном процессе были заложены ещё К.П. Космачёвым (1921–1988) в начале 1970-х гг. [13].

стаёт современных технологий добычи и переработки сырья [18]. При этом, по мнению А.Н. Пилясова, ведущая роль переходит к небольшим инновационным фирмам разрабатывающим и применяющим подобные технологии.

Характерные черты транспортного освоения территорий в постиндустриальную эпоху по А.Н. Пилясову – это использование лёгких форм и транспортный полиморфизм (термин наш). Применение новых типов лёгкого транспорта, грузового и пассажирского (наряду с мощным «инфраструктурным хребтом»), например, канатных дорог, делает возможной разработку не только уникальных месторождений, но и месторождений малых и средних. Это вскрывает для освоения значительно большие территории, существенно расширяет круг вовлекаемых в эксплуатацию ресурсов. Освоение Сибири и Дальнего Востока лёгкими формами транспорта будет успешным лишь в том случае, если тоже станет венчурным, инновационным процессом. В эпоху индустриального освоения упор делался на уникальные месторождения, к которым строились железные дороги. Сейчас приходится осваивать месторождения со значительно более скромными запасами, требующие инновационных технологических решений, включая и технологии транспортировки.

Транспортный полиморфизм состоит в том, что, в отличие от индустриального освоения, постиндустриальное освоение, как правило, не останавливается на выборе одного, оптимального варианта доставки грузов и пассажиров. Всегда есть стремление использовать различные дополнительные варианты, а не только основной (эти вопросы рассматривались, в частности, В.Н. Бугроменко [7]). Поэтому хотя транссибирская инфраструктурная ось и обречена на жёсткую конкуренцию с маршрутом из Китая в Европу, проходящим через Казахстан, какая-то часть грузов достанется Транссибу и из тех районов, для которых этот маршрут не кратчайший. Разумеется, эта ситуация симметрична – какие-то грузы пойдут через Казахстан и от тех грузоотправителей, для которых кратчайший путь – по Транссибу.

Рис. 1. Большой Владивосток

Формирование системы расселения Дальнего Востока. Опережающее развитие тихоокеанского фасада России требует формирования единой системы расселения на Дальнем Востоке. Такая система не сложилась в советские времена. Хотя в литературе неоднократно отмечалось «двустилие» этого региона, правильнее ставить вопрос о «бесстилии» – все областные центры, не говоря уже о республиканской столице Якутске, более тяготеют к Москве, нежели к Владивостоку или Хабаровску. Единственное исключение – семидесятитысячный Биробиджан, входящий в орбиту Хабаровска. Островной характер систем расселения – ярчайшее свидетельство крайне низкого уровня освоения территории. Между тем развитие Дальнего Востока требует формирования мощной региональной столицы, каковой мог бы стать Большой Владивосток (рис. 1). Во Владивостоке и Хабаровске примерно по 600 тыс. жителей, но у Хабаровска агломерации практически нет, а Большой Владивосток мог бы удвоить свою людность за счёт формирования агломерации, ведь на территории этой потенциальной агломерации, которая отчасти уже сложилась, помимо Владивостока, проживает ещё примерно 600 тыс. жителей.

Проблема в том, что дальнейшая её территориальная экспансия крайне затруднена изрезанностью береговой линии, рельефом

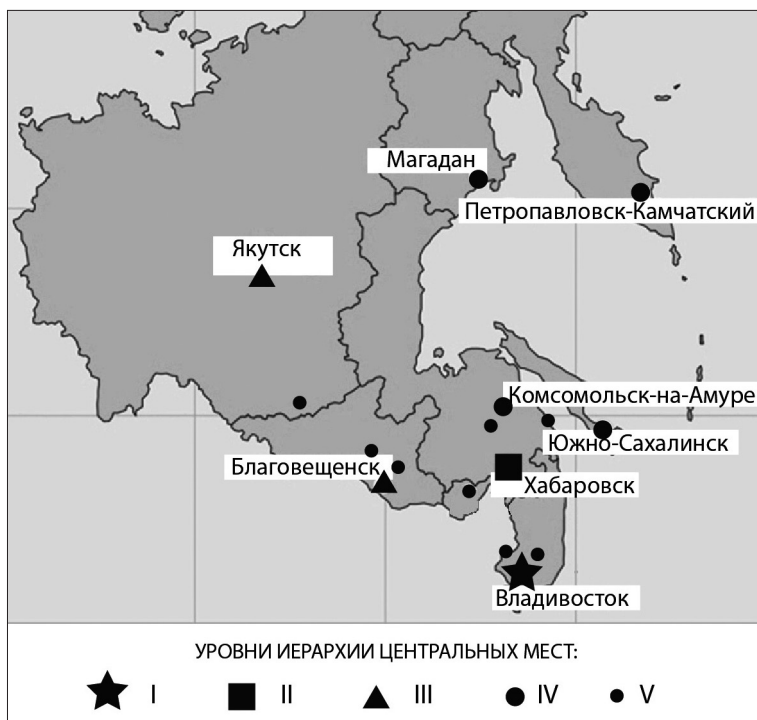

Рис. 2. Система центральных мест Дальнего Востока в перспективе

и недостаточной для формирования мощных пассажиропотоков численностью населения [14]. Эти обстоятельства делают невозможным применение существующих транспортных решений. Необходима разработка принципиально новых видов внутриагломерационного транспорта для обеспечения бесперебойных пассажирских перевозок. Суда на подводных крыльях не подходят для этих целей. Представляется, что необходимые транспортные средства могут быть разработаны как суда на воздушной подушке и экранопланы. Разумеется, принципиально новые технические решения не заменяют модернизацию и оптимизацию существующей транспортной сети.

Решение подобной задачи будет крайне затруднительным, но «игра стоит свеч»: ведь в случае успеха недостатки микрогеографического положения, связанные с изрезанностью береговой линии, превратятся в преимущество, которое станет важным фактором бурного роста Большого Владивостока. Это сможет позволить ему за 15–20 лет увеличить численность населения в полтора раза и стать третьим городом России, тихоокеанским Петербургом. В таком случае на Дальнем Востоке может сформироваться уникальная система

центральных мест с $K = 2$, где на 1-ом уровне иерархии будет Большой Владивосток, на 2-м – Хабаровск, на 3-м – Якутск и Благовещенск, на 4-м – Комсомольск-на-Амуре, Южно-Сахалинск, Петропавловск-Камчатский и Магадан. Такая система центральных мест (рис. 2), которую следует рассматривать как вырожденный случай (в математическом смысле), будучи примитивной, сможет занимать территорию, измеряемую не десятками или сотнями тысяч, а миллионами квадратных километров [24].

Необходимость мировоззренческого сдвига. Формирование выше описанной системы потребует новаторских решений, без которых не удастся снизить себестоимость региональных авиаперевозок. Их себестоимость легко снижается до комфортных уровней при больших потоках, но при небольших потоках обычно применяется субсидирование тарифов. Между тем экономические возможности страны едва ли позволят в существенной мере увеличить субсидирование авиаперевозок. Безусловно, тут также потребуются лёгкие формы: организация бюджетных авиаперевозок и снижение стоимости обслуживания воздушных судов

в аэропортах, равно как и капитальных затрат на их строительство и модернизацию. Общий принцип состоит в том, чтобы сделать относительно небольшие объёмы пассажирских перевозок ресурсом снижения себестоимости путём развития лёгких форм. Это в полной мере относится и к пассажирскому транспорту Большого Владивостока.

Мировоззренческий сдвиг должен направить развитие транспорта в Сибири и на Дальнем Востоке по тому пути, который сделает возможным формирование региональных систем расселения (они же системы центральных мест) и консолидацию Большого Владивостока, а также развитие других разреженных агломераций (по В.Л. Бабурину), т.е. необходимо переосмыслить эффект масштаба на транспорте.

Пионерная роль транспорта в освоении новых районов заставляет ставить во главу угла именно его развитие. Мы хорошо знаем, что эффективность промышленных предприятий возрастает по мере увеличения объёмов производства, но эта зависимость изменяется после достижения определённого объёма. Сам этот порог очень зависим как от рыночной конъюнктуры, так и от применяемых технологий. Т.А. Митрова убедительно опровергает устоявшиеся представления об эффектах масштаба даже в такой области, как электроэнергетика [19]: наращивание мощностей электростанций далеко не всегда приводит к снижению издержек потребителей, равно как и к повышению надёжности энергоснабжения. Это тем более относится к транспорту.

Наряду с мощным «становым хребтом» в виде Транссиба и в более отдалённой перспективе – БАМа должны развиваться лёгкие формы транспорта, экономическая эффективность которых будет обеспечена именно относительно небольшими объёмами пассажиро- и грузопотоков, позволяющими экономить на капитальных затратах. Это могут быть и канатные дороги, и малая авиация, использующая примитивные аэродромы, в т.ч. снег и лёд, как это было в советские времена. Конечно же, особенно перспективными представляются пассажирские суда на воздушной подушке. Остриё НИОКР должно быть направлено именно на разработку новых видов и разновидностей подобного лёгкого транспорта.

Важнейшим фактором преодоления «континентального проклятия» Сибири должно

стать строительство субмеридианальных магистралей, железнодорожных и автомобильных, открывающих путь её энергоёмкой и водоёмкой продукции в те регионы Азии, где она особенно востребована. Насущная необходимость сооружения таких магистралей неоднократно подчёркивалась С.А. Карагановым и его сподвижниками [10]. Однако следует избегать односторонней ориентации на китайский рынок, в случае продовольствия – весьма сложный, поскольку государственная политика КНР состоит в стремлении ко всемерной диверсификации поставок. Необходимо делать всё возможное для вывода сибирских товаров на ёмкий индийский рынок. При этом становится реальным установление железнодорожного сообщения с Японией и Южной Кореей, рынки которых также представляют огромный интерес. Железнодорожное сообщение с Индией особенно важно для экспорта сельскохозяйственной продукции, кроме зерновых, которые можно успешно перевозить морем.

Соединение в перспективе железнодорожных сетей Китая и Индии путем строительства железной дороги от Шигадзе (Тибетский автономный район) до Дарджилинга (штат Западная Бенгалия) в ближайшей перспективе не даст России большого выигрыша. Дело в том, что Цинхай-Тибетская железная дорога (1142 км), соединившая Лхасу с Голмудом в 2006 г. (в 2014 г. продлена до Шигадзе) обладает невысокой пропускной способностью. Она однопутная и не электрифицированная. Будучи уникальным инженерным сооружением (перевал Танг-Ла находится на высоте 5072 м), эта дорога строилась как стратегическая и туристическая. Закономерно, что рассматривается её продолжение до Катманду, которое может произойти даже раньше, нежели соединение с железнодорожной сетью Индии.

Экономическим интересам России в несравненно большей степени отвечало бы строительство железной дороги из Китая в Индию через северную Мьянму, вероятно, с использованием трассы знаменитой дороги Стилвелла. Последнюю союзники сооружали для снабжения Гоминдана после оккупации Японией Нижней Бирмы в 1942 г., но так и не успели завершить это грандиозное строительство до конца войны (рис. 3). Поэтому необходимо использовать все возможности для переговоров с Китаем о строительстве

Рис. 3. Дорога Лидо, или дорога Стилвелла
(карта военных лет)

такой железной дороги, привлекая к ним и Индию. Помимо очевидного экономического значения, это был бы шаг к формированию треугольника Москва–Пекин–Дели, о котором мечтал Е.М. Примаков (1929–2015) [26].

Выводы. Поворот России «лицом к Азии» требует решения триединой задачи:

1. *Создание благоприятных внешне-политических условий*, без чего крайне затруднительно успешное социально-экономическое развитие огромного региона. Препятствиями к выстраиванию благоприятных для нашей страны отношений со всеми странами Азии могут стать противоречия между ними – трудности Китая в отношениях с рядом сопредельных стран, включая Индию, его стремление получить контроль над Южно-Китайским морем, жизненно важным для нормального развития этой страны. Однако разумная политика может сделать Россию важным фактором стабильности в Азии, посредником и балансиром в конфликтах между её странами [6].

2. *Резкое повышение степени использования инновационного потенциала.* По справедливому мнению С.А. Караганова, Сибирь всегда развивалась (если раз-

вивалась) как территория экономической свободы, и в дальнейшем сможет успешно развиваться только в этом качестве [10]. Советский опыт освоения Сибири и Дальнего Востока оставил нам не только нерешённые или не до конца решённые задачи, но и уникальные достижения, уроки которых представляют огромную ценность. К этим достижениям относятся как уже упоминавшийся УКК, так и создание новосибирского Академгородка в конце 1950-х гг. академиками М.А. Лаврентьевым, С.Л. Соболевым и С.А. Христиановичем. Не только хорошие условия для исследовательской работы, возможности карьерного роста и перспективы улучшения жилищных условий привлекли в Академгородок тысячи талантливых исследователей из ведущих научных центров СССР, прежде всего – из Москвы и Ленинграда. Сделать Новосибирск третьей научной столицей Союза позволила и существенно более либеральная атмосфера Академгородка, позволявшая учёным чувствовать себя значительно более комфортно, нежели в Москве или в Ленинграде.

Недостаток квалифицированной рабочей силы в сочетании с высокой её стоимостью могли бы сделать Дальний Восток и многие

районы Сибири пионерами в применении робототехники [9].

Если привлечь понятийный аппарат си-нергетики, то следует говорить о разных регионах как о разных темпомирах. Развитие науки и технологий требует всё тех же экономических свобод. Однако если сдвиг на восток, поворот «лицом к Азии» становятся важнейшей национальной задачей, то Азиатской России суждено стать своеобразной лабораторией будущего, громадным испытательным полигоном для экспериментальной проверки новых решений – институциональных, управленческих, технологических. Возможно, роль этих лабораторий хотя бы отчасти смогут выполнять ТОРы – территории опережающего развития [4], но вряд ли дело обойдётся без новых институциональных форм.

3. Формирование эффективной системы расселения Дальнего Востока, способной обеспечить для его населения хорошие условия жизни. Низкая плотность населения в обширнейшем регионе с богатой и впечатляющей природой препятствует экономическому развитию, но создаёт условия для более высокого качества жизни.

Резкий рост мобильности населения и особенно «креативного класса», превращение его представителей в своего рода номадов XXI в., по крайней мере, на некоторой части жизненной траектории, делает возможным создание сезонных центров исследований и разработок. Последнее не имеет ничего общего с вахтовым методом освоения, поскольку вахтовики живут в отрыве от своих семей, в весьма скромном комфорте и с крайне продолжительным рабочим временем. Низкое качество жизни компенсируется им высокой зарплатой.

Для наиболее квалифицированных специалистов, ставящих во главу угла не столько заработок, сколько качество жизни, должна использоваться модель «перелётных птиц» – жизнь на два дома, позволяющая максимально использовать, например, преимущества близости к великолепной камчатской природе, минимизируя недостатки, связанные с жизнью в провинции. Последнего можно достичь, проводя часть года в Большом Вла-

дивостоке, который уже приобретает черты столичности, а в перспективе, как уже отмечалось выше, может стать Тихоокеанским Петербургом. Сезонно действующие центры НИОКР могут создаваться и на Курилах, в самом Приморье и в Хабаровском крае. Очень перспективен Якутск с его серьёзной научной и образовательной базой, если часть года творцы новых технологий (включая социальные) и их семьи будут проводить в Большом Владивостоке. Зима – в Большом Владивостоке, а большая часть года – на Камчатке, Курилах или в каких-то других весьма привлекательных местах, – это то, что не стыдно предложить самым взыскательным «креаклам».

Для населения Дальнего Востока в советские времена была характерна относительно высокая транспортная мобильность. Она обеспечивалась высокими зарплатами при низких тарифах на авиаперевозки. Сейчас необходимо возвращаться к этому положению как путём снижения авиатарифов, так и за счёт роста доходов, в первую очередь у наиболее квалифицированных специалистов. Недостаточное внимание к вопросам качества жизни, включая и организацию городской среды, поставит крест на перспективах инновационного развития Тихоокеанской России (термин введён П.Я. Баклановым и М.Т. Романовым [2, 3, 21]). Здесь тоже может быть полезен опыт создания и развития новосибирского Академгородка, обогащённый научно-техническими достижениями шести прошедших десятилетий.

Нет оснований сомневаться в том, что развитие транспортно-коммуникационных систем будет играть во многом определяющую роль в решении указанной триединой задачи. Это относится в полной мере и к первой её составляющей – чем выше будет уровень развития Тихоокеанской России, Западной и Восточной Сибири, их вовлечённости в экономические связи с азиатскими странами, тем больше будут считаться с нашей страной не только в Азии, но и в Европе. В перспективе сотрудничество с последней будет развиваться уже в рамках Большой Евразии, тем более что страны ЕС (особенно, Великобритания) и сами экономически всё теснее сближаются с Китаем.

Библиографический список

1. Бабурин В.Л. Географические проблемы развития России // Проблемы региональной экологии. 2013. № 3. С. 221–225.

2. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. 144 с.
 3. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М.: Наука, 2007. 239 с.
 4. Бакланов П.Я. Территории опережающего развития: понятие, структура, подходы к выделению // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 12–19.
 5. Безруков Л.А. Транссиб и Шёлковый путь: глобальная инфраструктура и региональное развитие // Экономика и организация промышленного производства. 2016. №7. С. 21–36.
 6. Бордачёв Т. Большая Евразия в «век Индии» / Международный дискуссионный клуб «Валдай». Аналитика. Мнения экспертов. 21.02.2018. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-evraziya-vek-indii/> (дата обращения: 24.02.2018).
 7. Бугроменко В.Н. Транспорт в территориальных системах. М.: Наука, 1987. 112 с.
 8. Вардомский Л. Об усилении азиатского фактора трансформации экономического пространства России // Мир перемен. 2015. №2. С. 114–128.
 9. Зотин А. Роботизация вместо глобализации. Что такое решоринг и чем он опасен // Коммерсант.ru. 27.01.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3526726> (дата обращения: 24.02.2018).
 10. К Великому океану-5: от поворота на Восток к Большой Евразии. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., сентябрь 2017. 47 с. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/17048/> (дата обращения: 07.07.2018).
 11. Караганов С. Мир на вырост. Политика на пути в будущее // Россия в глобальной политике, 2018, №1. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mir-na-vyrost-19357> (дата обращения: 25.02.2018).
 12. Колосовский Н.Н. Будущее Урало-Кузнецкого комбината // Пространственная экономика. 2009. №4. С. 126–141.
 13. Космачёв К.П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Наука, 1974. 143 с.
 14. Крылов М.П. Концепция выделения Владивостокской агломерации с позиций регионального развития и территориального планирования // Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России. М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. С. 619–634.
 15. Маергойз И.М. Уникальность экономико-географического положения советского Дальнего Востока и некоторые проблемы его использования в перспективе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1974. № 4. С. 3–8.
 16. Меламед И. Грань реальности. Игорь Меламед: Многие из мегапроектов Дальнего Востока нереализуемы в принципе // EastRussia. Информационно-аналитическое агентство «Восток России». 21.10.2014. URL: https://www.eastrussia.ru/material/gran_realnosti/ (дата обращения: 06.07.2018).
 17. Миллер А., Лукьянов Ф. Отстранённость вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности / Совет по внешней и оборонной политике. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf (дата обращения: 25.02.2018).
 18. Минакир П.А. Дальневосточное измерение пространственной экономики // Мир перемен. 2016. № 4. С. 140–148.
 19. Митрова Т. «Плоская» энергетика: как технологии меняют бизнес нефтегазовых компаний / РБК. Экономика. 07.02.2018. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/07/02/2018/5a7b0a289a794712f9571c30> (дата обращения: 24.02.2018).
 20. Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 544 с.
 21. Романов М.Т. Территориальная организация хозяйства слабоосвоенных регионов России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 318 с.
 22. Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Экономиздат, 1961. 302 с.
 23. Урало-Кузбасс / Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009.
 24. Шупер В.А. Территориальная организация населения и хозяйства России на пороге тектонических сдвигов // Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России. М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. С. 529–538.
 25. Шупер В.А. Евразийское будущее России в свете чередования интеграционных и дезинтеграционных циклов // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 4. С. 7–17.
 26. Шупер В.А. Новые «социальные лифты» от Ярослава Кузьмина // Свободная мысль. 2018. №1. С. 147–154.
 27. Юревич А.В. Асимметричное будущее // Вопр. философии. 2008. №7. С. 76–89.
-

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабкин Роман Александрович – аспирант кафедры экономической и социальной географии России МГУ имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва
E-mail: roma151993a@mail.ru

Бабурин Вячеслав Леонидович – доктор географических наук, заведующий кафедрой экономической и социальной географии России МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: vbaburin@yandex.ru

Безруков Леонид Алексеевич – доктор географических наук, заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, профессор кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета, г. Иркутск
E-mail: bezrukov@irigs.irk.ru

Вардомский Леонид Борисович – доктор экономических наук, заведующий Центром постсоветских исследований Института экономики РАН, г. Москва
E-mail: wardom@yandex.ru

Волошенко Ксения Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры географии, природопользования и пространственного развития Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград
E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

Зимин Александр Федорович – доктор экономических наук, профессор Уфимского института (филиала) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Уфа
E-mail: zimin_af@mail.ru

Запрудский Илья Игоревич – преподаватель кафедры экономической и социальной географии Белорусского государственного университета, г. Минск
E-mail: Albarutenicageo@gmail.com

Колосов Владимир Александрович – доктор географических наук, заместитель директора Института географии РАН, заведующий кафедрой географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: kolosov@igras.ru

Махрова Алла Георгиевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва
E-mail: almah@mail.ru.

Наумов Алексей Станиславович – кандидат географических наук, заведующий кафедрой социально-экономической географии зарубежных стран МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: anaumov@geogr.msu.ru

Никишина Елена Николаевна – кандидат экономических наук, научный сотрудник международной лаборатории культурного разнообразия и экономического развития МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: elena.nickishina@gmail.com

Тимирьянова Венера Маратовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры макроэкономического развития и государственного управления Башкирского государственного университета, г. Уфа
E-mail: 79174073127@mail.ru

Токбулатова Жулдыз Есентаевна – аспирантка кафедры географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: tokbulatovazhuldyz@gmail.com

Трейвиш Андрей Ильич – доктор географических наук, главный научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН, профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: trene12@yandex.ru

Федоров Геннадий Михайлович – доктор географических наук, директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград
E-mail: GFedorov@kantiana.ru

Шупер Вячеслав Александрович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН, профессор кафедры экономической и социальной географии России МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: vshuper@yandex.ru

Эндрюшко Анна Александровна – младший научный сотрудник отдела этнической социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва
E-mail: anna.endryushko@mail.ru
